

18+

Сергей Смирнов

Ускорник [сказка]

Часть 1

Сергей Смирнов

Ускорник (сказка). Часть 1

«Издательские решения»

Смирнов С.

Ускорник (сказка). Часть 1 / С. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505967-3

Советский подросток из захолустья призван на службу в ВС СССР на два года. Чтобы облегчить себе службу, он решает поступить в военное училище. План его прост и коварен: жизнь курсанта легче, чем солдатская служба. Кроме того, есть возможность учиться. Но Советская армия коварства не прощает. Боец направлен поступать в Военный Краснознамённый институт. Камбоджа, СССР, разведывательные операции, бои на фронтах холодной войны 80-х — читайте об этом и многом другом в этой сказке. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-505967-3

© Смирнов С.
© Издательские решения

Содержание

СЕРГЕЙ СМИРНОВ	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА 1	14
ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР?	14
ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ!	30
ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ ИЛИ ИНАЯ АРМЕЙСКАЯ	35
ГАЛАКТИКА	
НОВЫЙ ДРУГ И ЕГО ДЕД	41
ГЛАВА 2	51
ШТАБ ТОФ, ВЛАДИВОСТОК	51
ГЛАВА 3	59
УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ВКИМО	59
КАК ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ СТРАНУ ИЗУЧАЕМОГО	64
ЯЗЫКА ДЛЯ ВНУКА	
РАЗГОВОР ПО-РОДСТВЕННОМУ	70
ЛЕТО, ДЕВУШКА, САМОВОЛКА	75
В СССР ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК	81
ВЫБИРАЕТ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, А НЕ НАОБОРОТ!	
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Ускорник (сказка)

Часть 1

Сергей Смирнов

© Сергей Смирнов, 2020

ISBN 978-5-0050-5967-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-5968-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем. 2 Кор. 6:9—10

ПРОЛОГ

*Сказка ложь, да в ней намёк!
Добрый молодцам урок.
А. С. Пушкин*

Пацаны смотрели на огромного медведя, поднимавшегося в небо на воздушных шариках. Трибуны рыдали. Из всех громкоговорителей стадиона «Лужники», главной спортивной арены Советского Союза, несло:

На трибунах становится тише,
Тает быстрое время чудес.
До свиданья, наш ласковый Миша,
Возвращайся в свой сказочный лес.

– Нос, закрой варежку и утрись, создаётся впечатление, что ты тоже Винни-Пуха оплакивать собираешься.

– Дурак ты, Лиман. Когда ещё Олимпиада в Москве будет... Хочется ведь всё запомнить, рассмотреть. Марик, скажи.

– В натуре, достал ты своими прибаутками, Лиман. Дай позирить спокойно, не напрягай, а.

– Блин, лучше бы я с Саидом пошёл, чем с вами, юными сопереживателями всенародного горя по поводу скоропостижного улёта Винни-Пуха. С Саидом хоть пива выпить можно и покурить, не ныкаясь.

– Про Саида твой брат конкретно сказал: «Чтобы я этого уголовника вообще во время Олимпиады в Москве не видел». И вообще, Лиман, если твой брат-мент протащил нас сюда по своему ментовскому благу, то тебе сам по себе этот факт права вякать не даёт.

Трое друзей-старшекласников, Лиман, Марик и Нос, действительно попали на закрытие Олимпиады-80 благодаря старшему брату Лимана, который служил в Московской милиции и готовился стать зятем замполита своего подразделения.

Лиман был обычным московским пацаном периода развитого социализма и, как многие мальчишки того времени, находился под влиянием друзей-воров, которые когда-то учились с ним и его товарищами в одном классе. Потом из-за какой-нибудь мелкой кражи или банального лишения родительских прав они попадали в места не столь отдалённые. Ну а по возвращении в родной двор, отсидев в детприёмнике или на малолетке, пытались установить в нём свои новые порядки. Что, впрочем, у них не очень-то хорошо получалось, поэтому они и старались хоть как-то сблизиться с мажорными пацанами типа Лимана и уже через них зарабатывать свой авторитет, да и деньги, на воле. Лиман был маленького роста, крепко сложен, лицо его не имело особого шарма, но, бесспорно, нравилось девчонкам старше него. Единственным физическим недостатком подростка была походка кавалериста, но, как ни странно, именно она придавала всему его образу особую уверенность и шарм.

Марик был рвачом и карьеристом. Уже в отрочестве он обладал уникальным свойством: быть одним из тех немногих, кто мог хорошо учиться в школе, быть активным комсомольским лидером, занимать призовые места в различных научных и спортивных олимпиадах и одновременно не отставать от друзей-хулиганов, когда появлялась возможность выпить, подраться или позабавиться с девчонками в подвале. Марик был слегка толстоват и на вид неуклюж, лицо его ничего не выражало, но почему-то считалось красивым. Девчонки его ненавидели, так как кроме грубости и подколов от него ничего не ждали. Марик умело создал для взрослого

окружения образ порядочного комсомольца, убеждённого юного ленинца, а в предстоящем учебном году он вообще готовился принять на себя должность секретаря комсомольской организации школы. Вообще-то, несмотря на напускную дворовую простоту, Марик всегда ответственно подходил к выбору друзей. В общем, парнишка был хитёр, коварен и совсем не прост. Те же, кто знал Марика близко, говорили, что ради карьеры этот человек готов идти по головам.

Нос был всегда на виду как лучший спортсмен двора и школы. Девчонки за ним бегали табунами, не пропуская ни одной игры с его участием. Нос был летом лучшим футболистом, а зимой – лучшим хоккеистом, он также хорошо играл в большой теннис, волейбол и баскетбол. В общем, он был восходящей спортивной звездой Москвы, а может, и всего Советского Союза. Сам Лёха обожал хоккей и уже был приглашён в запасной состав юношеской сборной ЦСКА. Нос не пил и не курил, но всегда был желанным участником любой дворовой или школьной тусовки. В отличие от своих двух товарищей, он был атлетически сложен и выглядел намного старше своих лет, что давало ему возможность запросто покупать спиртное для друзей в вино-водочных отделах гастрономов.

Было уже темно, когда представление на стадионе закончилось и толпа повалила на станцию «Спортивная» под присмотром усиленного милицейского наряда. Пацаны не спешили возвращаться в свой родной двор, а решили дойти до набережной Москвы-реки, подождать там, пока рассосётся народ, и спокойно ехать восвояси. Была ещё, правда, идея взять такси, но из-за желания Лимана и Марика накатить перед возвращением было решено потратиться на спиртное, а домой добираться на метро, как все нормальные люди.

Хоть на улице и стояло лето, но уже было достаточно сыро и холодно. В ночном небе то и дело был слышен звук пролетающих над Москвой вертолётów. На следующий день всем станет известно, что вертолёты искали гигантского олимпийского медведя, который улетел в свой сказочный лес со стадиона на воздушных шариках, как Винни-Пух за мёдом, и был найден несколько часов спустя на противоположной стороне реки на Ленинских горах доблестными стражами воздушного пространства столицы. Неизвестно почему, но в тот последний день Олимпиады шум пропеллеров в ночном небе наводил на неприятные мысли.

Как только дошли до набережной, Лиман начал вести пропаганду алкогольно-оптических настроений в коллективе, используя коронную фразу: «Что-то стало холодать...»

– Нос, пожалуйста, уважь коллектив, подойди вон к тому таксомотору и купи у него огненной воды, – вполне обыденно обратился Марик к Носу. Нос даже не удивился просьбе, ни один мускул не дрогнул на лице спортсмена, лишь глаза наполнились ещё большим превосходством над окружающими.

– Лаве скинули, – безэмоционально произнёс он.

Лиман и Марик, немного порывшись в карманах, протянули по два рубля.

– Я чего-то не въехал, вам «Чинзано» или вискаря?

– Нос, ты не выделяйся, а. Бери водку, а если её не будет, то гнилья¹, – достаточно грозно наехал на него Лиман, чем вызвал саркастическую улыбку у Носа.

– Вот что значит постоянно сидеть на чужом горбу и не иметь ни малейшего представления о правилах подпольной торговли. Ты хоть знаешь, сколько сейчас водка стоит?

– 2,87 у нас в гастрономе она стоит. Да хрен с ней, с водкой, бери гнилья – оно и дешевле, и без закуси легче заходит. Давай уж не томи.

– Лиман, ты идиот или от своего Саида под дурака косить научился? Таксист – это тебе не гастроном, у него свой интерес в ночной торговле. Гнилья у них вообще не водится. Они на таких, как ты, не рассчитывают, когда затовариваются. Их клиент водку если и потребляет, то по 4,12. А в основном коньяк предпочитает. Так что гоните десятку, а иначе идите сами огненную воду добывать.

¹ Так назывались в то время алкогольные напитки типа «Золотая осень».

При слове «десятка» в разговор включился Марик:

– А чего больше чем две цены-то? Никто особо широко улыбаться не будет?

– Марик, я ценю твои достижения в точных науках, но на чёрном рынке ты полный чайник. Две цены – это такса в обычный день и у нас в районе, где все таксисты более-менее знакомые. А сегодня закрытие Олимпиады, да ещё и район, где ментов выше крыши. Здесь не то что две цены – здесь все три, а то и четыре содрать могут. Так что может и десятки не хватить.

Марик молча достал и нехотя протянул Носу трёху. Лиман поддержал его идентичной зелёной купюрой. В те далёкие годы пацаны ещё не знали, что трёха была похожа своим цветом на доллар. Но как можно потратить доллары на водку? В брежневском совке только единицы имели представление о такой неслыханной глупости.

Нос лёгкой походкой направился к 24-й «Волге» с клеточками на двери и зелёным огоньком на лобовом стекле. Марик и Лиман наблюдали за событиями с тротуара. Видно было, что не всё шло по предполагаемому сценарию, Нос что-то застрял. Через десять минут Нос вернулся без водки и с явно выраженной озадаченностью на лице, что, надо сказать, с ним случалось крайне редко.

– Тебя что, таксист послал? Или хуже того – на бабки развёл? – съязвил Лиман.

– Тут, короче, такая чума выходит, – начал мямлить Нос. – Таксист готов везти нас домой, даёт ящик пива, два коньяка, и всё как бы на халяву.

– Не, Нос, на халяву мальчиков пусть этот придурок в другом месте ищет. Надо номер машины зарисовать. Пусть брательник с этим добрым дядечкой по-ментовскому разберётся.

– Подожди, Лиман, – встрял Марик. – А что значит «как бы» перед словом «халява»?

– Дедан хочет, – продолжал Нос, – чтобы мы с ним поговорили за жизнь, о своих мечтах рассказали, пока он нас будет везти, но только искренне. Если врать не будем, то пиво и коньяк наши.

– Короче, комитетский стукач. Всё, делаем ноги, пока в памяти.

– Не спеши, Лиман. Он про тебя, меня и Марика и так всё знает: где живём, кто родители и так далее. Так что делать ноги нет смысла.

Немного посовещавшись и поделившись своими опасениями, друзья, заинтригованные не столько предложением халявы, сколько встречей с неизвестным в день закрытия Олимпиады-80, всё-таки отважились подойти к такси. За рулём внешне ничем не приметной машины сидел предпенсионного возраста человек в кожаной кепке, тёмном пиджаке и светло-серой рубашке. Как только ребята расселись в салоне машины, старик развернулся на водительском кресле и, обнажив в хитрой улыбке свои не по годам белоснежные зубы, представился:

– Степан Натанович. Здравия вам, молодые люди.

Друзья тоже собрались представиться и поздороваться, но Степан Натанович жестом остановил их, сказав, что он и так всё про них знает.

– А откуда, если не секрет? – поинтересовался Марик, который, пожалуй, раньше остальных начал приходить в себя.

– Да какой уж там секрет. Таксист я, в смысле людей вожу-перевожу.

Пацаны переглянулись. Лиман попытался покрутить пальцем у виска, но внезапно осёкся и стал смотреть на шофёра.

– А что, таксисты всё и про всех должны знать? – осторожно, сдерживая иронию, спросил Нос.

– А как же по-другому? Если не знаешь про человека всё, то куда его везти прикажете?

– А я так понимаю, – начал выходить из себя Лиман, – вези человека, куда он сам скажет, а деньги бери по счётчику и не больше.

– Очень правильное мнение. Все согласны с вашим товарищем? Вижу, что практически все, только вроде... Нет, точно, у Марика есть сомнения. Итак, будущий секретарь комсомоль-

ской организации школы хочет сказать о причине сомнений вслух или мы оставим это нашей тайной?

– Секретарём буду, если выберут, – попытался парировать Марик.

Слегка наморщив лоб, как бы задумавшись, Степан Натанович недвусмысленно сказал:

– Уже. Хотя не понимаю, зачем оно тебе надо. Суета всё это. Ну так что, про книгу скажем или ну её?

– Недавно книгу я прочитал... – начал Марик как бы с неохотой.

– Книга называется «Мастер и Маргарита», – продолжил за него Степан Натанович. – И наша встреча напоминает Марику встречу Воланда с Берлиозом и Бездомным на Патриарших прудах. Я правильно излагаю?

Марик судорожно начал вспоминать, кто и где видел его с этой книгой. Через несколько мгновений пришла уверенность, что книгу эту он читал только дома, да и Булгакова хоть и не проходят в советской школе, но в антисоветчики за него не записывают. Книга официально вышла отдельным изданием только в 1973 году. И конечно, не в полной версии. Много было убрано советской цензурой. Марик не стал распинаться о том, что его отчим хранил в домашней библиотеке полную самиздатовскую версию романа.

Степан Натанович, несмотря на смутившегося Марика, спокойно продолжал:

– Так вот, можно, конечно, везти человека, куда он скажет, да ведь не каждый знает, куда ему нужно, а если кто и знает, не всегда правду скажет, побоится или ещё что. А мы, таксисты, чтобы свою работу точно выполнить, должны всё про человека знать и везти его именно туда, куда ему надо, а не куда он скажет. А по поводу оплаты – не беспокойтесь. Больше, чем нужно, я никогда не возьму, но и за меньшее просто так не разойдёмся.

– Что-то уж совсем ничего не понятно. Как это – человек может побояться сказать, куда ему надо? Чего бояться-то? И врать незачем. Да и кто будет платить, чтобы таксист просто так покатал, а не отвёз, куда надо? Вот я точно знаю, что мне сейчас во двор наш надо, с пацанами во дворе пошухерить, да и домой спать идти.

Лиман явно находился в состоянии раздражения и очень хотел распространить своё состояние на окружающих. Но особенно его бесили невозмутимость и спокойствие Степана Натановича.

Степан Натанович, в свою очередь, лишь умилялся нервным состоянием Лимана и как ни в чём не бывало спокойно продолжал своё повествование:

– То, что тебе сейчас хочется во двор – это лишь предлог. На самом деле тебе сейчас хочется к Саиду, послушать его байки про малолетку². А Саид сейчас проводит время с одной известной тебе девушкой, на которую у него не хватает денег. Он её убеждает, что ему весь двор должен. А завтра ты, Лиман, к ней прибежишь и рассчитаешься тремя рублями за минуты счастья, подаренные Саиду.

Явно ошарашенный Лиман серьёзно возмутился, но говорить стал уже более спокойным голосом:

– А с какой стати я буду услуги Светки оплачивать, да ещё не мне предоставленные, а Саиду?

– Абсолютно справедливое замечание, – тоном учителя, утомлённого глупостью ученика, продолжал Степан Натанович. – Но Саид даст тебе выбор: либо оплатить его расходы – либо будешь разоблачён перед всем кругом так называемых блатных, которым он тебя недавно представил. Относительно твоего родства с работником правоохранительных органов, коим является твой брат. Родство с сотрудником органов в их среде авторитета тебе не добавит. Так что либо плати – либо распрощайся с честной компанией.

² Исправительное учреждение для несовершеннолетних преступников.

На самом деле, Саид вымогал деньги у Лимана уже не первый раз, но об этом знали только Лиман и Саид. Сейчас в машине об этом услышали ещё Нос и Марик.

– А откуда вы всё это знаете? – срывающимся голосом задал вопрос Лиман.

– Таксист я, понимаешь? – Степана Натановича, выступавшего в данной ситуации в роли учителя, уже начинала выводить из себя тупость двоечника Лимана. – А потому я всё и про всех знаю. Ну всё, расспросы окончены? Или тебе ещё рассказать, почему он у тебя сам денег не берёт, а заставляет оплачивать его кредиты?

– Расскажите, пожалуйста, – почти в один голос сказали Нос и Марик, у которых от услышанных подробностей удивление читалось даже на кончиках волос.

– Что, неужели сами не дошли? – почёсывая затылок, спросил Степан Натанович. – Я был уверен, что вы достаточно проницательные юноши.

– Да чего тут рассказывать? – вмешался Лиман. – Боится Саид, что его на вымогательстве денег заловят, вот и не берёт бабла в руки, а если за него платишь, то вроде как он не при делах. Я сам до этого не сразу допёр. Спасибо брату, дал кодекс почитать, да и на словах кое-что объяснил.

Марик и Нос ещё больше удивились: откуда в этой голове, которая бывает серьёзно озадачена лишь бухлом, сигаретами и девчонками, накопились столь серьёзные познания правоведческого характера?

– Итак, молодые люди, предлагаю правила игры, которые уже были вкратце, хотя и недостаточно корректно, изложены вашим товарищем, – произнёс несколько торжественным тоном Степан Натанович.

– Я всё точно изложил, – не замедлил отозваться Нос.

– Молодой человек, – продолжал усталый учитель Степан Натанович, – точность вашего изложения сомнений не вызывает. Я лишь хотел привлечь общее внимание к корректности того, что было доведено до сведения ваших товарищей ранее. Кстати, в будущей своей деятельности вам обязательно пригодится серьёзное отношение не только к сказанному, но и к тому смыслу, который за ним стоит, точнее – к понятиям. Ну типа чтобы всё по понятиям было. – Степан Натанович улыбнулся сказанному каламбуру. – Вот ведь времена грядут, – промямлил себе под нос водитель такси.

Слова Степана Натановича сильно задели Носа:

– А зачем мне слова, смыслы, понятия всякие? И вообще, у меня и по литературе, и по русскому пять. – Лёха был готов закатать дедана в асфальт. От злости товарища не по себе стало и Лиману, и Марику.

– Да не переживайте вы так, Алексей. Ваши достижения в учёбе, а уж тем более в спорте, я никоим образом не желаю умалить. Только в жизни вам пригодится именно то, на что я указал. – Слегка озадаченно, как бы думая о чём-то другом, таксист добавил: – Да и жизнь вам, возможно, спасут именно *понятия*. В будущем, конечно. Итак, смысл нашего джентльменского соглашения состоит в следующем: я вас везу домой и никуда более, вы рассказываете по очереди о своих мечтах. За свою искренность в конце поездки вы получаете ящик пива и две бутылки коньяка. Если рассказ хотя бы одного из вас будет неискренним, то я высаживаю всех троих в том месте, где рассказчик скривил душой. Соответственно, никаких алкогольных напитков вы не получаете. Да, и ещё: я не даю никаких гарантий, что ваши мечты исполнятся, скорее наоборот. Вопросы есть?

– Конечно, – с напором встрял Лиман. – А как вы узнаете, что искренне, а что – нет?

– Опять двадцать пять... И почему в этом мире всё идёт в соответствии с нормами распределения: либо картошка с котлетой – либо тефтели с рисом. И ничего менять нельзя, – пробормотал как бы про себя Степан Натанович. И уже более громким голосом ответил Лиману: – Ну неужели вам, молодой человек, до сих пор не ясно, что я и так всё про вас знаю?

В разговор вмешался вышедший из транса после наезда таксиста Нос:

– Всё про нас знать – это хоть и не совсем обычно, но объяснимо. А вот как вы узнаете, на самом деле, о чём мы мечтаем, чтобы сопоставить с нашим рассказом и понять, насколько мы искренни?

– Да вы, батенька, проницательный человек. Прошу прощения за недооценку вашего умственного потенциала.

В глазах Степана Натановича загорелся огонёк.

– Вопрос не из простых, вопрос, так сказать, с *понятием*. Если сказать вам правду, то вы всё равно не поверите в неё из-за своего благоприобретённого материалистического мировоззрения, а врать мне вроде как по возрасту и положению не положено. Однако надо выходить из сложившейся ситуации. Давайте представим себе на минутку, что я сотрудник отдела снабжения одной очень серьёзной организации.

– То таксист, то снабженец. Вы уж определитесь, пожалуйста, с легендой, Степан Натанович, – несколько ехидным голосом заметил Лиман.

– Не перебивайте меня, молодой человек, вам ещё это зачтётся. – В глазах Степана Натановича на долю секунды сверкнул дьявольский огонь, но он умело затушил его снисходительно-хитрой улыбкой педагога-наставника, легко парирующего каверзные вопросы проницательных учеников. – Итак, я снабженец и, значит, знаю, какой товар нужен моему начальнику. Так что примем как аксиому: фуфло мне всучить не удастся хотя бы потому, что я этим делом очень давно занимаюсь и знаю, на что способен мой начальник в гневе. Ну а чтобы уж совсем не возникало вопросов, дам простое определение: ваш товар, молодые люди – это ваши мечты, ну а чего они стоят – это вопрос торга.

Во время всего этого монолога Марику почему-то хотелось просто открыть дверцу машины и убежать, но страх порицания и подколок со стороны товарищей был сильнее мимолётного желания. Это потом, много лет спустя и он, и Лиман, и Нос поймут, что нельзя стыдиться страха, как нельзя стыдиться радости и гнева, как нельзя стыдиться любви и ненависти. Это всё то, из чего сделан человек, а что естественно – то не безобразно. Но в далёком восьмидесятом году формула «что естественно – то не безобразно» повторялась только в подпитии, когда приходилось мочиться во дворе на ближайшее дерево после пива на глазах интеллигентных бабушек, сидящих у родного подъезда на лавочке.

– А что произойдёт с нашими мечтами после продажи? – поинтересовался Нос.

– Никогда не думал, что спортсмены настолько глубоко осознают бытие. – Лицо Степана Натановича озарилось искренним удивлением. – Хотя... – как бы напрягая память продолжал таксист. – Мне доводилось встречать олимпийцев, которые даже стихи писали.

– И кто же это вам доверил олимпийцев в обычном такси возить? – продолжал ехидничать Лиман.

– Давно это было... Однако тогда и такси в его сегодняшнем понимании не было. Да и не таксистом я тогда работал, – в задумчивости сказал Степан Натанович и, сбросив с себя приступ ипохондрии, продолжал: – В общем, не о том речь. Пиво и коньяк в багажнике, кто пойдёт проверять?

Лиман не заставил себя уговаривать и, как самое заинтересованное лицо, стал дёргать внутреннюю ручку двери автомобиля.

– Позволю себе поинтересоваться: а какие марки вино-водочной продукции предпочитают молодые люди? – нарочито официально обратился Степан Натанович в сторону ребят.

– Пиво чешское, коньяк «Наполеон», – заученной фразой ответил на, как ему показалось, глупый вопрос Лиман. На самом деле, это были названия яств, не достигаемых для обычного пацана эпохи развитого социализма, но заученные наизусть для стандартных дворовых приколов. Прикол удался – Нос и Марик улыбнулись, ожидая расспросов и извинений таксиста относительно заказа. Степан Натанович с грустью опустил голову, и ребятам на миг пока-

залось, что они-таки сделали дядьку, который, по их мнению, не имел понятия о названных продуктах. Но всё оказалось совсем наоборот.

– В багажнике всё, идите, смотрите, проверяйте, можете даже по бутылке пива на пробу открыть, – понурым голосом произнёс таксист и ещё более тихо, как бы размышляя про себя, добавил: – Да, помельчали вкусы молодёжи Страны Советов с тех пор, как она стала той самой Страной Советов. А может, чего другого пожелаете? Ума или богатства, царства или принцессу в жёны? А может, философский камень или хотя бы новое корыто? – монотонно бормотал себе под нос таксист.

Последним вылезал Нос и на реплику Степана Натановича приколол:

– Не, корыто мы у золотой рыбки попросим, а с таксистом на коньяке и пиве разойдёмся.

– Молодцы, что классику не забываете. Удачный сегодня денёк. – Степан Натанович затаих, а ребята уже открывали багажник, приближая, по их мнению, момент истины, когда можно будет поиздеваться над великим всезнайкой и пустомелей.

Первое, что поразило ребят при открытии багажника – это зияющая темнота, которая неестественно вываливалась из него, обволакивая и без того чёрный асфальт вокруг злосчастной «Волги». Да и таксистская «Волга» казалась уже не светлой с шашечками на двери, а солидной, блестящей, какой-то тёмной машиной непонятной модели, которую в брежневском совке могли себе позволить только особо приближённые или партийная элита. Первым из транса вышел Лиман. Он нагнулся и как бы по пояс ушёл в темноту багажника. Раздался бутылочный звон. Лиман вылез из темноты и ошарашенно смотрел на блеснувшую в его руке бутылку настоящего чешского пива. Марик и Нос тоже нагнулись и вытащили по квадратной иностранной коробке с надписью *Samus Napoleon*. Друзья, опешив, смотрели друг на друга. Марик первый додумался заглянуть в коробку, а Лиман бесцеремонно открыл бутылку пива о багажник машины. Он, сперва понюхав содержимое, приложился к горлышку.

– Положь, не заработали пока, – буркнул Нос.

– Дедан сказал, по бутылке можно до оплаты, – ухмыльнулся Лиман, – а пиво реальное, не фуфлю.

– Дай сюда. – Нос схватился за бутылку, вырвал её из рук Лимана и сам приложился к ней. Вкус слегка горьковатой, но, в общем, приятной и, как ни странно, прохладной, терпкой и насыщенной различными настоящими пивными ароматами жидкости заполнил рот. И как только глоток был сделан, в нос откуда-то снизу, из желудка, пришло приятное послевкусие.

– Ты же не пьёшь, Нос, что с тобой? Тренеру расскажу, – ёрничал Лиман. Он набрал в рот ещё пива и пополоскал им рот, пытаясь разобраться со вкусом.

– А я и не пью – я пробую. Что делать будем? Степан Натанович вроде не врёт! – Вопрос Носа зловеще завис в черноте, которая уже вылезла целиком из багажника и начала окутывать ноги троих друзей.

Открылась передняя дверь, и в сторону ребят направился улыбающийся таксист. Костюм сидел на нём как влитой, рубашка была куплена явно не в совковом промторге. Это был уже не тот слегка помятый, но аккуратный дедан. К ребятам приближался благородный человек, не из их круга и не из круга знакомых их знакомых. Он не был похож ни на инженера, ни на партийного работника, ни даже на советского дипломата, о которых ребята мало что знали, но были уверены, что они хоть чем-то должны отличаться от обычных людей. Все перечисленные категории были несказанно далеки от уровня джентльмена, который приближался к ним уверенной походкой аристократа.

– Итак, господа, время вышло. Вы согласны?

Марик закрыл глаза, зажмурился, ему неожиданно стало ужасно страшно.

ГЛАВА 1

ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР?

Слегка приоткрыв после приятной дрёмы глаза, он увидел голубое небо и качающиеся на его фоне кроны сосен.

Август – самая прекрасная пора для любого студента-первокурсника. Именно в этом месяце вступительные экзамены успешно сданы, зубрёжка и экзаменационные переживания уже позади, а учёба и колхоз начнутся только где-то в немыслимо далёком сентябре, через целых тридцать, а может, и сорок дней счастья. Студент-первокурсник может целый месяц наслаждаться заслуженной свободой. Может уехать из пыльного города в деревню или на дачу, а может вообще укатить с подругой на море или укатить один, а подругу найти уже там, на побережье. Можно пить и не приходить ночевать домой, родители не особенно будут против – отрок заслужил свой первый послешкольный глоток свободы. Короче, тревоги уже позади, цель достигнута – радость беспредельная, будущее обеспечено на следующие пять лет, и именно поэтому август после поступления и есть тот самый счастливый месяц в жизни студента, поступившего на первый курс гражданского вуза.

Совершенно наоборот обстоят дела у первокурсников военных училищ. После такого же трудного периода вступительных экзаменов, зачётов по физподготовке, профессионального тестирования, проводимых в военных лагерях, в палатках с комарами, строем, дневальными, подъёмами, зарядками и другими обязательными атрибутами воинской жизни, после первой мандатной комиссии новоиспечённых курсантов ожидает, как и их гражданских коллег, такой же август. Но это вовсе не месяц первого глотка свободы. Скорее наоборот, это месяц особого военного счастья! Это счастье даже имеет своё название. Называется оно курсом молодого бойца или КМБ.

Именно об этой вопиющей несправедливости думал курсант, точнее – младший сержант, поступивший на ускоренный курс Военного Краснознамённого института Министерства обороны (ВКИМО) Виктор Петрович Чернов. Почему он не студент, а курсант, почему вместо заслуженного отдыха он должен бегать, прыгать, подтягиваться, отжиматься, стрелять, подшивать воротничок, чистить сапоги и вообще заниматься всевозможной армейской ересью и ещё обучать этой ереси некоторых своих подчинённых – вчерашних школьников? Ну а самое неприятное для него было то, что он каким-то совершенно мистическим образом после восьми месяцев полного армейского дебилизма и утряски мозгов сумел оказаться лучше четырёхсот ребят, претендовавших на одно курсантское место в этом году. И вообще, зачем оно ему нужно это место? Ведь на нём мог оказаться целеустремлённый гражданский отрок или политически грамотный солдат, которому действительно всю жизнь грезился этот слегка таинственный и далеко не всем известный военный институт.

Хотя с другой стороны – думал он, отгоняя угрызения совести – не всё так уж и плохо. Он сейчас косит вполне законным, если не сказать благородным, образом от тягот и лишений, которые должен испытывать дух Советской армии на первом году службы. Он получил возможность за счёт ВС СССР переехать в Москву и получать одно из лучших совковых образований практически на халяву, без взяток и репетиторов. Мог ли он мечтать ещё год назад, когда провалил вступительные экзамены в Рязанский педагогический, что через год он попадёт в Москву? И не в какой-нибудь пед, а в наполненный совковой таинственностью и романтикой заграничных командировок военный институт. Но пофигизм Виктора Петровича уже не был таким убедительным и твёрдым, как ещё год назад.

До поступления во ВКИМО Витьку даже в кошмарных снах не могла присниться карьера военного. Скорее наоборот, он хотел стать представителем одной из самых гуманных профессий – педагогом, переводчиком или, на худой конец, библиотекарем. Пределом его мечтаний была учёба на филологическом или историческом факультете или, если повезёт, на инязе. До поступления во ВКИМО он вообще не имел особых жизненных амбиций. Виктор Петрович мечтал лишь о скромной, ни к чему не обязывающей работе, о наличии большого количества свободного времени при наименьшей загруженности в рабочие часы. Всего год назад Виктор был стандартным пофигистом и лентяем. Ему были параллельны и карьера, и радости продвижения по службе, да и всё остальное, связанное со стереотипами человека, имеющего активную жизненную позицию, твёрдо соблюдающего кодекс строителя коммунизма. Но всё это осталось в другой жизни.

Он не был сильно одарённым ребёнком и предпочитал идти по пути наименьшего сопротивления. В школе он ненавидел те предметы, которые надо было действительно учить для получения приличной оценки. Витьку нравились русский язык, литература, история, обществоведение, английский – эти предметы можно было вообще не учить, а просто иногда почитывать учебники – и четвёрка, а то и пятёрка была обеспечена. В общем, как говорили его школьные педагоги, мальчику особенно легко давались гуманитарные предметы. С математикой, физикой и химией наш герой дружил по принуждению, которым являлся средний балл в аттестате зрелости, выдаваемом школой. Нельзя сказать, что Витёк вообще ничего не сообщал в точных науках, но для овладения ими ему приходилось прикладывать нешуточные усилия, а это никак не увязывалось с его жизненными принципами не наглого, а скорее либерально-фаталистического пофигизма.

Фуражка закрывала глаза и лоб младшего сержанта, нежившегося в тени под завёрнутыми вверх пологам малой лагерной палатки. Витёк стоял дежурным по курсу, и пока весь курс находился на плацу, отрабатывая строевые приёмы, необходимые для принятия присяги, он позволил себе расслабиться на застеленном солдатскими матрасами и одеялами деревянном настиле. Палатка, где он разлёгся, находилась почти напротив тумбочки, на которой стоял дневальный из его языковой группы, бывший суворовец Васька Легоньков. Конечно, Виктор Петрович желал бы вообще ничего не делать и спать в единственной палатке с закрытыми пологам в компании с поступившими черпаками³ и дедами, но дремать на шухере перед дневальным было уже хорошим показателем его продвижения по неуставной армейской иерархической лестнице. Как прекрасно, нежась в тени сосен, осознавать, что кто-то там, совсем недалеко, тянет ногу на плацу, готовясь продемонстрировать отцам-командирам, а также родителям и родственникам свою строевую выучку во время принятия присяги, а ты можешь дремать в нежной тени августовского подмосковного леса, наслаждаясь пением птиц. Волна уже далёких армейских воспоминаний вдруг накрыла курсанта Чернова.

Идея пойти в военное училище Витьку пришла случайно, когда командир роты рассказывал о прелестях курсантской жизни во время очередной политинформации. Витёк сразу просёк, что вместо двух лет полной военной нирваны и очищения разума от знаний, полученных в школе, он сможет сохранить, а где-то даже приумножить их, проведя один год в училище. После чего ему не составит труда завалить летнюю сессию в конце первого курса, уйти опять солдатом в армию на несколько месяцев и, дембельнувшись, восстановиться в каком-нибудь педу. Может, даже без потери курса. План был прост и жесток по отношению к Вооружённым силам Советского Союза. Не знал тогда рядовой Чернов, что ВС СССР, по сути своей, были одной из самых жестоких организаций в мире той эпохи. Но жестокости и непорядочности

³ Так во многих частях ВС СССР назывались в казарме солдаты срочной службы, отслужившие один год из положенных двух лет.

по отношению к себе эта организация никому не прощала: ни врагам, ни уж тем более своему собственному личному составу.

Выбрать военный институт Витьку тоже помог его величество случай. Однажды, будучи в наряде по штабу, помдеж отправил Витьку наводить порядок в кабинете замполита. На столе в кабинете лежали правила приёма для поступающих в военные учебные заведения. Витёк взял книгу в руки. В этот момент дверь кабинета распахнулась, и в неё вошёл замполит части майор Хабибулин. Сначала Хабибулин сделал грозный вид и уже хотел накричать на оборзевшего духа, который осмелился прикоснуться к высшей степени секретным документам, лежавшим на столе замполита, но, заметив, что этим секретным документом была книга, по которой у замполита были самые низкие показатели в дивизии, замполит пошутил:

– Куда поступать надумал?

Подобный вопрос застал Витьку врасплох. Находясь всего долю секунды в нерешительности и оцепенении, он вдруг решил, что сейчас самый подходящий момент, чтобы приступить к осуществлению задуманного плана. Рядовой Чернов залепетал о своих достижениях в гуманитарных науках, опираясь на которые он и хотел бы выбрать будущую военную специальность. Неизвестно зачем Витёк соврал, что, учась ещё в девятом классе, он занял первое место на районной олимпиаде по английскому, в которой участвовали только десятиклассники. Закир Тимурович улыбался и внимательно слушал бессвязное бляение и откровенное враньё духа. Как только монолог сошёл на нет, замполит, выдержав паузу, с иронией заметил:

– Вам, товарищ рядовой, с вашими глубочайшими познаниями в иностранном языке в военный институт надо.

Витёк и понятия не имел про то, что только что сказал замполит. Хотя название «военный институт» звучало гораздо симпатичнее для абсолютно гражданского человека, чем какое-нибудь «Трижды Краснознамённое, дважды ордена Кутузова, четырежды прославленное в боях и сражениях Усть-Кокчетавское командно-политическое военное училище». Далее замполит, заметив огонь интереса в глазах у бойца, попытался его затушить. С военной иронией он стал объяснять духу Чернову, что военный институт – это бесполезная затея, потому как проходной бал в это учебное заведение формируется из генеральских звёзд родственников.

Но замполит и сам не имел понятия о том, что ежегодно, чтобы не нарушать коэффициент социального состава курсантов и слушателей, в это заведение брали «ребят из народа». Предполагалось, что именно представители народа и должны были попасть в элитное военное учебное заведение из рядов вооружённых сил. Им предстояло стать опорой отцов-командиров в деле армейской подготовки и воспитания элитной молодёжи, пришедшей со школьной скамьи. Армейцев назначали командирами языковых и учебных групп. Должен же кто-то приводить в более-менее военное состояние отроков-мажоров, сынков и близких родственников военной, номенклатурной и политической элиты эпохи развитого социализма. В момент этого разговора Чернову было всё равно, куда поступать. Зная, как замполит любит инициативных и смелых солдат, Витёк, изобразив огонь в глазах, заявил:

– Я смогу, у меня получится, я стану курсантом военного института.

Вообще-то, это было не так просто – прослужив всего полгода, срулить из части, не став даже черпаком. В этом как раз и заключался большой недостаток осеннего призыва, который и привёл нашего героя в ряды вооружённых сил сразу после школы. Замполит, понимая всю безнадёжность затеи с поступлением во ВКИМО, тем не менее не упустил возможности улучшить показатели по профориентации среди личного состава части и вместе с особистом подготовил документы на потенциального абитуриента. В его планы не входило поступление Чернова во ВКИМО, но каждый солдат части, отправленный весной на окружной сборный пункт для абитуриентов военных вузов, сильно улучшал показатели его работы. Поступит солдат или нет – было не важно для показателей, а вот тот факт, что рядовой его части написал рапорт на поступление в училище, подтверждал высокое состояние морального и боевого духа среди

личного состава и мог сильно повлиять на скорейшее присвоение замполиту очередного воинского звания.

Документы ушли в округ в феврале, а в апреле пришёл вызов на рядового Чернова В. П. с предписанием прибыть 14 мая на окружной сборный пункт для военнослужащих срочной службы, поступающих в военные учебные заведения, находящийся в в/ч⁴ 34987 под Киевом. В сапёрной роте, где Витёк служил духом, его идея закоса стала всем ясна сразу. Другие духи восприняли этот поворот в жизни своего товарища как вызов, желание выделиться, быть хитрее всех. Закос в казарме не скроешь. Другие духи уже хотели сделать тёмную своему сослуживцу, но деды не спали. Они всегда были готовы вовремя раскрыть коварный заговор духов. Ведь если этот заговор будет раскрыт офицерами раньше них, то лишение увольнений как минимум на всю весну было гарантировано всем старослужащим.

Дух Чернов был вызван на ковёр в каптёрку, где ему пришлось держать ответ за свои действия и желания, несовместимые с кодексом поведения добропорядочного духа Советской армии. Ему инкриминировалось нарушение основного параграфа поведения духа ВС СССР, а именно: дух не имеет права косить. По сроку службы не положено. И ещё у дедов было сильное подозрение, что рядовой Чернов – замполитовский стукач, за что его и посылают в военный институт на разведчика учиться.

После несильного, почти дружеского тычка в грудь вместо приветствия деды, изъяснявшиеся на не всем понятном великом могучем русском языке, насыщая его инвективами и идиоматическими выражениями, предложили духу Чернову объяснить свой поступок.

Витёк стоял в каптёрке в трусах и сапогах. Перед ним с чаем, в стильно подогнанных парадных брюках ПШ⁵, удерживаемых на атлетических фигурах мещанского вида разноцветными, неуставными подтяжками, сидели деды: старшина роты – старший сержант Бектемиров, каптёр – рядовой Светлов и помощник командира взвода – сержант Теракопов. Дедов в роте было, конечно, чуть больше, но остальные по разным причинам забили на разборки с хитрым мудренным духом Черновым. Кто знает, чем может закончиться подобная беседа после отбоя с лучшим другом замполита и особиста.

– Слющай, ара⁶, ты защем хотель офисерим бить? Ты щто, нас, дедовь, по жизни чхморить хотель, а? Тэбе щито, жызнь плох, а? Ми щто, тэбе жизнь по жизени нэ мёдом намазать, а? Ти щето хощесть, щтоби тэбе дедушка Тэгран партянка в свой рот стираль, а? Ти щето, вообще борзый дух и нас уважать забиль, а? Тебэ только дэдов щеморить хотель и офисером по рота ходить и всех пох, а?

– Ей, Тигран, остынь, да? – отхлебнув чая, сказал Свет (Светлов). – И вообще, ты по-русски лучше нас всех говоришь, нафига опять своего «ара, слющай» включил?

Тигран действительно говорил по-русски очень неплохо, хотя с акцентом. Но как только на него находила злость, включался армянский колорит. И тогда у слушающих оставалось два варианта: либо слушать, бояться и молчать, либо осадить армянского скакуна незлой, но бьющей в цель шуткой. Витёк выбирал по сроку службы первый вариант, а Свет, руководствуясь теми же временными показателями периода службы – второй.

– Итак, Чёрный, нафига ты рапорт в училище написал? Тебя что, чморят здесь не по сроку службы или больше других? Ты решил офицером стать, чтобы тут порядок навести, всех дедов зачморить в отместку? Не нас конкретно. С этим желанием мы тебя даже в звездатых погонах обломаем. Но тех, кто за нами придёт. Это тебе первая предьява. Давай вякай, не заставляй старых маяться. Только имей в виду, от твоего блеяния сейчас зависит не только твой сон

⁴ Войсковая часть.

⁵ Полушерстяное обмундирование (зимняя форма одежды). По уставу в ту эпоху военнослужащим срочной службы полагались ПШ, скроенные по форме галифе, но старослужащие доставали, не всегда законными путями, ПШ-брюки от парадной формы одежды, так как они выглядели более стильно.

⁶ Обращение (армянский язык).

в эту конкретную ночь, но и жизнь в казарме до уезда на сборы. А если вернуться придётся, то и вообще вся служба до дембеля. Ты же не хочешь стать чмошным дембелем, да?

Очень много раз в жизни Виктор Петрович Чернов ещё будет вспоминать этот эпизод своей жизни и задавать себе вопрос: «И какого хрена мне нужна была эта затея с военным институтом?» Но это был тот самый первый раз, когда этот вопрос колюще-режуще встал в его мозгу рядового, вызвав нестерпимое чувство жалости к самому себе. «Служил бы себе духом как положено и всего через каких-то полгода после перевода⁷ стал бы черпаком, а ещё через год – дедушкой. Наслаждался бы гоняньем духов и уважением отцов-командиров... Нет, решил сделать закос на год... И на тебе, получи каптёрочную разборку, да ещё вместо законного сна... Хорошо бы хоть без переломов рёбер обошлось. А то, говорили, у миномётчиков одного духа три месяца назад за какой-то непонятный залёт деды так наказали, что пацана аж комиссовали, а в роте потом столько разборок было, что следователь из военной прокуратуры чуть ли не сам командиром роты стал. До сих пор каждую неделю в ту роту навевается. Короче, дело замяли, но уставняк в роте навели полный, да только жить от этого в казарме невозможно стало. Что солдатам, что офицерам». Витёк собрался с духом, каковым и сам являлся на данный период службы, и решил сказать всю правду про закос и про жажду поступить в институт после службы.

Деды слушали несвязную речь Витька молча, лишь иногда по очереди издавали хлюпающие звуки, потягивая горячий чай. В конце речи, видя некоторое нивелирование эмоционального всплеска среди присутствующих, Витёк и сам немного расслабился.

– Почти убедил! – лапидарно обнадёжил Светлов рядового Чернова. – Но вот тебе вторая предьява: на кого и за что ты стукнул замполиту и особисту, что тебя так легко в разведчики определили?

– Какие разведчики, вы чего? Я на переводческий факультет документы подавал. Зафига мне кого-то сдавать? У замполита процентов по профориентации не хватает – вот он и сунул меня куда попало.

Витёк знал, что он говорит почти правду, но звучало это не убедительно, а деды даже приостановили чаепитие и уставились на духа оценивающе. Витёк, конечно, помнил, как майор Хабибулин неоднократно напоминал, что одной из важнейших его задач в части является выявление неуставных отношений между военнослужащими, а рядовой Чернов, как будущий офицер, должен уже сейчас вносить свой посильный вклад в дело борьбы с дедовщиной. Витёк внимал всем указаниям майора, но стукачество презирал ещё с детского сада. Зато он научился с искренним пониманием выслушивать замполита и кивать, когда надо было выразить свою солидарность со сказанным. Замполит сначала рьяно пытался вербовать Чернова, но, судя по всему, у него уже были агенты в сапёрной роте, а получение нового, причём скоро уезжающего рядового духа выходило за рамки оперативного интереса политотдела. Про себя Закир Тимурович решил, что незачем тратить силы на гнилой объект. Вот когда боец вернётся, провалив вступительные экзамены – а случиться это должно было наверняка, по его пониманию – тогда Чернов и станет надёжным и очень даже перспективным агентом. Он его обнадёжит новым поступлением на следующий год, а взамен попросит... Нет, безоговорочно потребует сдавать, как стеклотару, всех кого ни попадя. Замполит для осуществления своих далеко идущих планов даже попросил командира роты подать рапорт на присвоение звания младшего сержанта рядовому Чернову.

Немая пауза затянулась, и Витёк уже начал думать, что лучше сразу упасть на пол, когда начнут бить, или забиться в угол каптёрки и закрыть руками лицо. Он лишь ждал, когда кто-

⁷ Казарменная процедура перевода, как правило (в разных частях по-разному), заключалась в 10—12 ударах солдатским ремнем, металлической его пряжкой по ягодичной части тела. Эти удары символизировали собой количество начальных тяжёлых месяцев службы духа в ВС СССР. Время проведения перевода соответствовало второму приказу о демобилизации со времени начала службы духом.

нибудь из дедов попытается встать из-за стола, и тогда он обязательно скажет: «Ну зачем вы, мужики?» Потом сразу опустится на пол, закрыв коленями грудь, а руками – лицо. Главное – чтобы не было синяков на лице. Спина – не важно, офицеры туда не смотрят, а с фингалом под глазом не отвертеться от расспросов офицеров. Если молчать – мол, ночью о косяк двери глазом в темноте ударился – то весь план по закосу сорвётся. Скажут, дедовщину комсомолец Чернов покрывает. А сдавать Витёк по-любому не мог, хоть пусть в госпиталь на экспертизу отправляют. Но и план свой, столь детально подготовленный, не хотелось оставлять на произвол судьбы.

Обычно в критических ситуациях даёт о себе знать инстинкт самосохранения, при сильной боли отключается сознание, при сильном голоде человек плюёт на приличия и ест трупы людей, при отсутствии силы человек начинает использовать свою слабость как смертельное оружие. С Витьком произошло это в первый раз.

– Не сдавал я никого и никогда, а сейчас, если не верите, делайте что хотите. Я сказал честно, что закосить хочу и, если надо, для закоса сдам всех и вся, как стеклотару. Мне плевать на вас. – Витёк весь дрожал, адреналин бегал по сосудам, заставляя сердце работать, как компрессор.

– Ти щто, дух, совсем нюх потерял, а? Ти думай, чито лепищь, ми тэбя щась за эти слова совсем зачморим.

– Хватит, Тигран. Чёрный, кругом, бегом, отставить! По команде «бегом» руки сгибаются в локтях, а корпус тела подаётся вперёд. Будущим офицерам что, устав не писан? Бегом, в койку, марш! Всё, фу, фу, нет тебя, дух, испарился, – отрезал молчавший до этой минуты Бектемиров.

Никогда ещё команда, даже в самой её жёсткой и неприятной форме, не звучала столь сладко для духа. Кризисный момент миновал. Витёк, как стойкий оловянный солдатик, выполнил приказ старшего сержанта без малейшего колебания, быстро и чётко до самой кровати. И только на ней его организм позволил себе отключиться, он уже не слышал шёпот других духов, рассуждавших о том, в какое место и как сильно его били. Он забылся, ему ничего не снилось, организм вынес большую эмоциональную перегрузку, а совесть была чиста и не мешала мальчишескому сну.

А в это время в каптёрке деды продолжали разговор.

– Бек, ти знаешь, я тебя уважаю, ти мэнэ как брат, даже больше, но зачем ты духа просто так отпустишь? Он сейчас другим духам расскажет, что он дэдушёк на одном местэ вертель, и тэбэ и мэнэ потом они совсемь на голова сядут. Они совсем нюх потэряют. Ты меня понимаешь, да? Зачем ты так сделать, скажи, пожалуйста?

– Да ничего он и никому не скажет. Другие духи с ним знаться не хотят, он для них чужой. Он косит и честно об этом нам сказал. Ему, конечно, по сроку службы не положено. Хотя этот шанс на закос есть у всех, только пользуются им единицы.

– Слющай, Свет, ты зачем его защищать? Он что, твой бират, земляк? Кито он вообще такой, чтобы косить? Он дух, и я биль дух, и ти биль дух. Ми сталь дэд, и потому нам польёжено косить. А у нэво ищо срокь не прищёль, эму нэ польожено. Вот ти, Бек, скажи, да?

– Не буду я ничего говорить. Чёрный – хитровымудренный дух, иначе его в разведчики никто бы не отправил. Мы его сейчас довели до того, что он сам на нас чуть не кинулся, как крыса, загнанная в угол. Мы бы ему сейчас по горячности навешали, а потом разборки бы начались. А то, что нам приключения не нужны, про это говорить смысла нет. Я хочу спокойно на дембель уйти, мне дизель⁸ не нужен. Пока не уедет, будет по нарядам ходить не больше других духов. Это ты, Тигран, оформи, как положено по уставу. А других духов придержать

⁸ Дисциплинарный батальон.

надо, чтобы они свою разборку с ним не учинили. Что случится – на нас всё свалят. А лучше всего отправить его работать куда-нибудь на склад, чтобы в роте глаза не мозолил. Всё, я спать.

Сергей Бектемиров поднялся, взял из лежавшей на столе пачки «Космоса» сигарету, положил её за ухо и пошёл в туалет перекурить перед сном и почистить зубы после курева.

В голову лезли дебилские мысли по поводу завтрашней встречи с замполитом и доклада относительно сегодняшнего разговора с Черновым. А что, если Чёрный и правда стукач? Тогда замполит точно сверит их показания, и если что-то не бьёт – не уйти Беку в первой партии на дембель, как обещал замполит. А ведь дома она, Ирка... Если бы она только знала, на что пошёл честный пацан Серёга за те десять суток отпуска и за обещанную первую партию на дембель. Хрен с ней, с армией, но ведь в части земляков много, не дай бог кто про его стукачество узнает. В Магадане, откуда он родом, с этим строго, сексоту в городе не жить. Как она всё-таки достала его, эта армия, как хочется на всё наплевать – и домой, к Ирке. Она та самая, та любимая, которая ждёт. И ради неё, ради приближения встречи с ней Серёга, который сам давил стукачей, как крыс, в ПТУ и потом, когда был духом, давил их в армии, теперь стучит сам. Что может быть страшнее испорченного правильного пацана? Только очень испорченный и очень правильный пацан. Несправедливо всё-таки винить любовь и армию в человеческих грехах, обстоятельства лишь способствуют проявлению порока. Что заложено внутри души – всегда выйдет наружу, когда начнутся трудности. А в обычной жизни никто про это и не думает.

Дед-стукач – смешно, не правда ли? Но ведь именно эта категория военнослужащих находится под наименьшим подозрением у сослуживцев и потому наиболее востребована офицерским составом. Что взять с духа? Он шуршит и спит, ему ни до чего, кроме пайки и сна, нет дела. У деда всё наоборот: он почти не шуршит, спит днём и пьёт чай ночью, он всё знает и всё видит. И завербовать его намного проще, чем духа. Деду по сроку службы положено быть более циничным и тщеславным, чем другим категориям военнослужащих. А где искушение – там и порок. Искушение, в свою очередь, всегда было и будет тем механизмом вербовки, который безотказно работал и работает во все времена и со всеми народами. Духу нечего терять, потому как у него и так ничего нет. У деда ситуация диаметрально противоположная. Дед живёт мыслями об отпуске и о скорейшей демобилизации. У деда спокойная жизнь в части. И за это спокойствие, за отпуск и за первую партию на дембель дед готов на многое.

Покури и почистив зубы, Сергей пошёл спать. Он не сразу уснул – его мучили мысли о стукачестве и об Ирке. Он пытался убедить себя, что всё это он делает ради любви, ради неё. Но всё равно спокойствия на душе не было.

Наутро после зарядки и завтрака Свет повёл Чёрного на склад получать мыло для бани. Да и вообще надо было отделить Чёрного от других духов, дабы не было ненужной потасовки или разборки с мордобоем и синяками. На складе сидел прапор, которого ни Свет, ни Чёрный раньше в части не видели.

– Здравсте, товарищ прапорщик, – панибратски обратился Свет к старшему по званию. И не просто к старшему по званию, а к начальнику вещевого склада, от которого зависело благополучие и порядок в роте. – А чё, Сергей Трифонович уволился или как?

– Слышь, бача⁹, то, что у вас в части воины совсем оборзели, это я сразу понял. Непонятно мне, почему вы этой борзости молодых учите. Не боитесь, что они и на вас потом забьют и также борзеть до дембеля будут?

– А это со мной не молодой, а будущий офицер, он скоро отсюда ноги вставляет в военный институт и там на разведчика учиться будет. Так что при нём можно, он всё равно никому ничего не скажет, даже если пытаться будут. Он же разведчик, – ехидно парировал Светлов укол прапора, искоса поглядывая на Чёрного.

– Ну и зачем ты сюда с будущим офицером-разведчиком пожаловал? Чего надо?

⁹ Мальчишка, пацан (дари, фарси). Обращение, часто используемое военнослужащими, вернувшимися из Афганистана.

– Товарищ прапорщик, разрешите обратиться?

– Уже обратился. Чего надо, не томи, видишь, новую должность осваиваю?

Витёк стоял в оцепенении, наблюдая за происходящим. Но где-то в глубине то ли души, то ли головы кто-то подсказывал: «Смотри и запоминай, всё происходящее тебе наверняка пригодится. Так делаются дела и в армии, и в жизни».

Свет в это время уверенно продолжал:

– Товарищ прапорщик, разрешите получить восемьдесят три комплекта нижнего белья и отрез подшивочного материала на роту для замены соответствующего обмундирования после очередной помывки личного состава. – Выпалив на одном дыхании всю эту чушь, Свет встал по стойке смирно, включив огонь в глазах и уставившись, не моргая, на прапорщика.

Да, здесь, на Родине, всё изменилось, по-другому стало. Каптёры стали наглее и хитрее – это уж точно. Ну да ладно, жизнь продолжается, десантники не сдаются. Ни Свет, ни уж тем более Витёк не могли до конца понять значения этой фразы, но прапор, упомянув про десантников, сразу поднялся в их глазах. Хотя выступление прапора перед срочниками на подмостках пыльного вещевого склада с плакатами по подгонке обмундирования и образцами военных причёсок выглядело нелепо, если не сказать абсурдно.

Прапорщик Хрещагин Вениамин Пантелеймонович чуть больше чем полгода назад вернулся из ДРА¹⁰. Он ещё плохо ориентировался в совке и не до конца ощущал себя в новой ипостаси прапорщика ВС СССР. Его прапорщичий срок службы ещё толком и не начался. В часть, где служили Свет и Чёрный, его направили для прохождения практики после окончания школы прапорщиков. На самом деле, Хрещагин ждал второй командировки в ДРА. Почти три года назад он с весенним призывом попал в Витебскую ДШБ¹¹. С вводом наших войск в ДРА для оказания братской помощи он, как один из лучших бойцов, был направлен командованием для выполнения интернационального долга в дружественную державу. Война не доставила ему ни удовольствия, ни разочарования. Но Вениамину стало ясно, что жизнь на войне лучше, чем в родном совхозе, где мать заставит жениться после дембеля, а председатель заставит работать от зари до зари. Веня не любил учиться, хотя и закончил десятилетку всего с пятью тройками. Для совхоза «Путь Ильича» Тюменской области это было почти как для москвича закончить МВТУ имени Баумана без троек, но и без красного диплома. Работа в сельском хозяйстве также не шибко привлекала Вениамина Пантелеймоновича. Копание в земле или в пропахших мазутом тракторах нагоняли на него тоску и уныние.

Веня любил авантюры и приключения и мог бы стать неплохим вором или аферистом, но природные данные – широкие плечи, рост сто девяносто, отличное здоровье – помогли ему не сесть в тюрьму, а попасть служить в элиту вооружённых сил – десантные войска. Попав на войну, он раскрыл все свои природные таланты и дарования. Он неистово изучал незнакомую местность, проводя на ней рекогносцировку, согласно требованиям первой части боевого устава, правильно выставлял боевые охранения и устанавливал мины и растяжки. Как Индиана Джонс, он вступал в контакт с местным населением и за пачку сигарет мог узнать, когда, где и с каким грузом скоро придёт караван. Он знал, как сохранить своё отделение и как выгоднее пожертвовать молодым солдатом ради успеха очередной операции. Ему доставляло удовольствие сидеть на точке и быть готовым к очередной стычке с врагом, между делом расслабляясь травкой или брагой из баков БМП¹². Он иногда даже испытывал наслаждение от мысли, что сегодняшний друг-афганец может завтра ворваться в его палатку и расстрелять всех, включая

¹⁰ Демократическая Республика Афганистан.

¹¹ Десантно-штурмовая бригада.

¹² Боевая машина пехоты. Часто солдаты заливали бражный состав в баки, находящиеся на дверях с тыльной стороны БМП. Тепло и тряска позволяли ускорить процесс брожения смеси.

его. Но и сам никогда не оставался в долгу перед дружественным народом Демократической Республики Афганистан.

Хрещагин всегда был рад, используя свой воровской фарт, добыть разведсведения где-нибудь на базаре в чифирне-притоне, доложить о них пахану-ротному, дожидаться проверки сведений и приказа от сходящего батальонного командования, а после с лихостью налётчика участвовать в операции. Конечно, на операции можно было и буйную голову сложить, и потерять половину подельников из числа бойцов отделения, но если остаться в живых и получить новую дозу адреналина и медаль «За боевые заслуги», жизнь становилась ещё красочнее и интереснее.

Для Вени это была вообще не жизнь, а малина. У него на войне было всё, о чём только мог мечтать девятнадцатилетний деревенский пацан: свой дом – отдельная палатка, японский телевизор и двухкассетный магнитофон. Ему доставляло удовольствие осознание своего превосходства над теми, кто слабее или моложе. Но до дедовщины Веня никогда не опускался. Дедовщины на войне нет и быть не может. Здесь никто не будет разбираться, что положено дедушке, а что – духу и кто шмальнул тебе в спину – дух-афганец или дух из твоего отделения, которого ты вчера заставил стирать свою форму. Уважительное отношение отцов-командиров тоже подстёгивало тщеславие десантника. Да, конечно, там шла война, погибали наши солдаты и офицеры, но в целом всё было пристойно и намного интереснее, чем в родном совхозе.

Дембель солдата-срочника был неизбежен, как крах мирового капитализма. Вот почему Веня после дембеля и решил поступить в школу прапорщиков, после которой он надеялся вернуться на старое место в ДРА, но уже в новом качестве и с новой зарплатой, тем самым изменив свою судьбу, а возможно, и судьбу всего мирового капитализма. Единственным препятствием был тот факт, что после окончания упомянутого учебного заведения надо было дожидаться замены и перевода в родную бригаду, находившуюся уже почти в полном составе в ДРА. С этим надо было смириться, и бравый военный усердно считал портянки на вещевом складе означенной части, ожидая своей очереди в пекло войны.

– Так вот, товарищ рядовой, помывка вашей роты осуществляется в четверг. Соответственно, приходите за означенным имуществом в среду в часы, указанные в расписании работы вещевого склада. Всё ясно? Кругом, шагом марш!

Прапорщик Хрещагин профессионально отшил наглого каптёра и продолжил ознакомление с документацией склада.

– Товарищ прапорщик, ну пожалуйста, отпустите хотя бы бельё. Командир роты приказал, ведь мне потом целый день всё пересчитывать, да по размерам разложить надо будет, – не унимался Светлов.

– Знаю я, чего тебе пересчитывать и раскладывать надо будет. Для себя и для друзей-дедов ты, конечно, всё правильно пересчитаешь и разложишь, а духам, как обычно, бельё на три размера больше или меньше достанется.

– Что выдадите, то и достанется, товарищ прапорщик.

– Ну вот что, у тебя список личного состава с размерами с собой?

– Никак нет. А зачем? Я всё и так помню.

– А я не помню и помнить не собираюсь. Бегом в роту и принесите мне, товарищ рядовой, список личного состава с размерами, заверенный старшиной и командиром роты. Если через пятнадцать минут его у меня на столе не будет, то бельё получите только в среду при предоставлении упомянутого списка. Задача ясна?

– Так точно.

– Выполнять! Бегом марш! Время пошло.

Прапорщик Хрещагин уткнулся опять в складские книги и описи.

– Чёрный, всё ясно? Вперёд!

Витёк, стоявший во время разговора у входа на склад, не особо следил за сутью разговора. Он не сразу понял, чего от него хотят, и потому уставился тупым вопрошающим взглядом на Хрецагина. Хрецагин, хоть и не считал себя сентиментальным человеком, но, будучи по сути своей Робин Гудом, не желавшим пролития крови без пользы для себя, решил заступиться за духа.

– А при чём тут этот Чёрный-рядовой? Приказано было вам. А вы для этого рядового даже не старший по званию. Так что ваше время в ваших руках.

Вениамин знал, чем чревато подобное заступничество для духа в казарме после отбоя, и решил немного исправить ситуацию:

– Давай, каптёр, сбегай сам. А твой дух мне пока поможет сапоги пересчитать и тюки с ними на верхние полки закинуть. Хотя, в принципе, мне без разницы: хочешь, ты тюки ворочай, а дух до роты за бумажкой смотается. Выбирай.

– Да нет уж, спасибо, товарищ прапорщик. Наворочался я в своё время и тюков, и других тяжестей.

С этими словами Свет развернулся и поплёлся в казарму. Витёк же не знал, что делать дальше, и потому стоял молча у пожарного щита. Прапорщик с надрывом изучал складскую опись. Было видно, что складская логистика была непривычным для него делом.

– Тебя как зовут? – нарушил тишину старший по званию.

– Рядовой Чернов.

– А меня – Вениамин Пантелеймонович, – непривычно официально представился прапорщик, подумав про себя: «Какой я Пантелеймонович? Дай бог, старше этого духа на два-три года. Ну да ладно, надо же когда-нибудь начинать становиться солидным. Начнём солидничать в этой части с младших по возрасту и званию». – Так вот, рядовой Чернов, лезь на верхнюю полку и скидывай оттуда эти четыре тюка. Будем сапоги пересчитывать, согласно требованиям директив Главного управления тыла ВС СССР, – удивившись своим глубоким познаниям в области регламентирующей документации, приобретённым в школе прапорщиков, промолвил Вениамин.

Витёк молча полез наверх и, несколько напрягшись, скинул оттуда сначала один мешок с сапогами, а потом – ещё три. Вениамин Пантелеймонович легко, как парашютные сумки с Дб¹³, подхватил тюки и поочерёдно вывалил на пол их содержимое.

– Берёшь связку с парой сапог, сравниваешь, совпадает размер или нет. Называешь мне размер, если совпадает, и складываешь в кучу согласно размеру. Понятно?

Вениамин Пантелеймонович сурово посмотрел на бойца и понял, что проблем не будет – боец хоть и хилый, но не тупой. Витёк трудился с прапором часа два, пока не вернулся Свет со списком. Увидев выполненный объём работ, Светлов остался доволен тем фактом, что духу Чернову служба на складе уж точно мёдом не показалась.

– Вот принёс, товарищ прапорщик, – радостно произнёс Светлов и передал прапорщику листок бумаги.

– Чернов, перекурить на улице пять минут, кругом, бегом марш! – привычно отдал приказ прапорщик. Когда дверь за Витёком закрылась, Хрецагин обратился к Свету: – Мне тут на складе помощник нужен, со всем с этим барахлом разобраться и все описи проверить, оставь мне Чернова.

– Это не ко мне, это к командиру роты. Бельё будем получать или за письменным приказом командира роты ещё надо сбегать? – Лицо Светлова как бы ничего не выражало при этих словах.

Вениамин понял свою ошибку. Не надо было гонять дедушку за абсолютно ненужной бумагой в роту. Но кто ж знал, что боец окажется смыслёным, да ещё и прилежным. А самому

¹³ Основная модель парашюта, которую использовали в ВДВ в 80-х.

разбираться со складским имуществом ой как не хотелось. Ведь не его это дело – портянки считать. Ему-то всего и нужно – несколько месяцев до следующей замены продержаться на этом грёбаном складе. И всё. Туда... Опять к мужским правильным делам, к взрывам и обстрелам, к оружию и смерти. Можно, конечно, попробовать выпросить Чернова через командира роты, но кто ему – незнакомому, новому прапору – даст целого рядового, да ещё на халяву? Нет, надо действовать здесь и сейчас. Задействовав весь свой талант дипломата-налётчика, Венья с добродушной улыбкой продолжал:

– Можно, конечно, и к командиру роты обратиться, и с новой парадкой ему помочь, когда он на дембель пойдёт. Хотя, говорят, офицерам это ни к чему. Как думаешь, рядовой Светлов?

– Да зачем вам этот дух сдался? Он ведь всё равно скоро на сборы уезжает. Давайте я вам любого другого духа пришлю?

Венья про себя сразу просчитал: уехавший из части солдат – самое лучшее, что можно придумать после того, как он сам уедет в Афган. Он-то уж точно никому ничего не скажет. Да и воровать ему нет смысла – в вещмешок много не набьёшь. А вот зато списать на него можно будет всё что угодно: все пропажи и расхождения в описях. Пусть рядовой Чернов виноват будет, если что. Главное – самому после его поступления долго тут не засиживаться. Конечно, Венья обогащаться за счёт вещевого склада не собирался, но и ведение строгого учёта и контроля ему удовольствия не доставляло. А потому пропажи и недостачи могли, как говорят в армии, вполне иметь место быть.

– Каптёр, спасибо тебе за предложение, но мне и этот солдат сойдёт. Так что либо по рукам, либо бери свои комплекты и – буру, бача¹⁴.

Светлов и Хрещагин нашли взаимопонимание и договорись о следующем: каждое утро после развода, за исключением тех дней, когда Чёрный стоит в наряде, Свет будет забирать Чернова в каптёрку и отправлять работать на склад. А если какое-то внеплановое построение или ещё что, то Чернов будет значиться отправленным за подшивочным или другим каким-нибудь материалом на вещевой склад.

Витьку уже порядком надоело торчать на улице, периодически принимать стойку смирно и отдавать честь проходящим мимо офицерам и старослужащим. Он решил, что пересчёт маек и трусов требует его личного вмешательства, и потому вернулся в затемнённое полуподвальное помещение вещевого склада.

– А, инджибё, бача¹⁵, мы тут как раз про тебя толкуем, – с нескрываемой радостью в голосе позвал Витька прапор и в двух словах изложил согласованный со Светом план работы духа на вещевом складе.

Время до сборов пролетело как один день. В работе время всегда летит незаметно. Ну а если эта работа идёт под руководством, в общем-то, весёлого и незлобного начальника, то с ней и казарменные печали нипочём.

Казарменных печалей, как ни странно, тоже хватало. Несмотря на постановление ротного совета дедов о неприкосновенности духа Чернова, другие духи всё-таки попытались вывести Витьку на разбор в туалет после отбоя. Но всё прошло без нервов и мордобоя. Виктор, используя отработанный на дедах приём, честно признался в желании закосить от службы, что, конечно, не добавило ему авторитета среди сослуживцев, но и не дало повода сверстникам в тапках, трусах и майках развязать руки. Честность – хоть и не очень надёжное оружие, но с её помощью иногда можно быстро и легко обезоружить противника, не дав ему причин для осуществления задуманного. Повинную голову меч не сечёт.

Витёк наслушался рассказов Хрещагина про Афган, но так и не утвердился в мысли ехать туда по своей воле. Хрещагин много и часто говорил о том, что нужно делать, чтобы остаться

¹⁴ Иди отсюда, мальчик (дари, фарси).

¹⁵ Иди сюда, заходи, мальчик (дари, фарси).

живым на войне. Витёк делал внимательный вид, но на самом деле эта тема его абсолютно не тревожила. Он считал себя человеком сугубо гражданским и потому был уверен, что ему это всё до лампочки. Непонятно почему, но из всего объёма армейской мудрости, поведенной Хрещагиным, в голове у Витьки отложились лишь два назидания: «Не бери чужого парашюта после укладки и свой никому не давай». И второе: «Обосраться, но выжить – лучше, чем героически погибнуть с полным кишечником».

С первой мыслью спорить не было смысла, так как про парашюты наш герой в то время ничего не знал, да и не хотел знать. Ну а вторая мысль определённо шла вразрез с принципами социалистического реализма, озвученными на уроках литературы в период изучения творчества Максима Горького и Николая Островского. Спорить со старшим по званию, который к тому же неплохо относился к Витьку, не имело смысла. Да и не уверен был Витёк, что прапор помнит из курса средней школы, кто такие Горький и Островский. Витёк работал, а прапор поучал духа и травил байки про войну.

За два дня до отправки на окружной сборный пункт для солдат срочной службы, поступающих в военные учебные заведения, на общем построении замполит зачитал приказ о присвоении рядовому Чернову В. П. звания младший сержант. Витёк не обрадовался и не расстроился, но для других духов это было неординарное событие. Обычно сержантов назначали после увольнения очередного сержанта-дембеля. А тут на тебе, на ровном месте – две лычки ни за что ни про что. Это присвоение звания долго муссировалось в курилках, туалетах и каптёрках, но, как обычно это бывает в армии после нового события, коим стало прибытие в часть женщины-мединструктора, оно успешно забылось и ушло на второй план.

Однако на душе у Витьки было беспокойно. Не дай бог, придётся вернуться в эту же часть после года в училище, а ведь в училище переводов в черпаки не делают. Это он уже у ротного узнавал, так и придётся Витьку духом до дембеля оставаться. Позор и презрение со стороны сослуживцев были гарантированы при таком раскладе.

Переговорив на эту тему с Хрещагиным, боец Чернов утвердился в мысли, что перевод действительно необходим. Вечером после ужина Виктор Петрович подошёл к Свету в курилке и объяснил ему ситуацию. Свет сказал, что такие дела он один не решает, но обещал поговорить с другими дедами.

После отбоя, как обычно, в каптёрке готовилось чаепитие и собрание по поводу перевода Чёрного.

– Какой ему перевод, слющай, он дюх, фу, нет его, он сколько слюжит, а? – сразу после постановки вопроса на повестку дня начал свой разносный монолог сержант Теракопов.

– Подожди, Тигран, осадил коня, про этот перевод только мы знать будем, духи ничего не узнают, а Чёрный завтра в десять утра сваливает. Так что с нас взятки гладки. А если он вернётся, то уже как минимум три месяца пройдёт. Никто ничего не вспомнит.

Светлов несколько неумело, но, в общем, мотивированно выступал в защиту идеи перевода.

– Слющай, Свет, я тэбя очень, очень уважаю, только нэ понэмаю, зачем ти под это подписаться хочешь?

– Да не подписываюсь я ни под чем. Пацан он нормальный, нехорошо нормальному пацану на дембель духом уходить.

Свет, конечно, понимал, что у других дедов есть что ему возразить по поводу Чёрного. Ведь Витька никто в училище не гнал, он сам на закос отважился, так что проблема с переводом – это его личная проблема.

– А потом, тебе, Тигран, разве не хочется за этот закос на его заднице назидание оставить? Смотри, он уйдёт и не вернётся, а ты тут службу тянуть будешь. И за себя, и за него, и сделать по этому поводу ничего не сможешь.

– Я нэ знаю, зачем ти всё это сказалъ, но если всё за, то мая нэ протыв.

Тигран сделал обиженный вид, но хорошо понял из сказанного Светловым, что у него есть шанс отомстить Чернову.

– Ладно, сделаем так. Ты, Свет, сходи к танкистам и позови своего зёму-дембеля¹⁶. Он и отобьёт, что положено. А ты, Тигран, давай приготовь всё. Чернову условие: если прибудет в часть до нашего дембельского приказа, то перевод повторится. Чтобы другим духам не обидно было, – отрезал Бек, который молча наблюдал за спором Света и Тиграна.

– Бек, слющай, а почему какой-то танковый зёма Света, а не ми?

– А ты когда успел дембелем стать? И так этот перевод все традиции нарушает. Короче, делаем, как я сказал – или перевода вообще не будет.

Вопрос был закрыт. Чернов Виктор Петрович героически выдержал двенадцать ударов по своей заднице металлической пряжкой. Ну а наутро всё было как в песне Александра Новикова: «Ну а потом со звёздами на ляжках я был ментами выкинут за дверь». Покинув КПП, Витёк зарёкся ни за что не возвращаться в эту часть, чего бы ему это ни стоило. Теперь он будет серьёзно готовиться к поступлению, ведь пережить второй раз двенадцать ударов пряжкой солдатского ремня казалось ему нереальной экзекуцией. Так что стимул для поступления в военный институт у него был вполне реальный, отмеченный на филейной части гематомами в форме звёзд.

К вечеру того же дня Витёк перешагнул порог КПП в/ч 34987 – части, в которой был организован сборный пункт для таких, как он. В этой воинской части находилась одна из самых показательных гвардейских дивизий Киевского военного округа, так что службу в ней несли строго по уставу, а потому доставалось всем – и дедам, и духам.

Виктор приехал на сборный пункт одним из первых и уже на следующее утро сразу отправился в библиотеку части за учебниками по английскому, русскому, литературе и истории. Ему повезло: все необходимые учебники ещё были в наличии.

Всех поступающих в военные училища разбили на роты в соответствии с избранным вузом. Витёк попал в роту, командиром которой был предпенсионного возраста капитан. Никто не мог точно сказать, почему порядочному женатому военному с неплохим послужным списком в сорок два года так и не присвоили хотя бы майора и не отправили перед дембелем подзаработать денег и поднажиться куда-нибудь в Польшу или ГДР¹⁷. В части ходила легенда, согласно которой давным-давно, сразу после окончания Киевского ВОКУ¹⁸, по нелепой случайности этот «пятнадцатилетний капитан»¹⁹, а в ту пору – молодой лейтенант, попал служить в часть недалеко от Костромы. В этой части были собраны отстой советского офицерства. Молодой лейтенант не был отстоем и мечтал об академии и достойной карьере в Вооружённых силах Советского Союза, но оказалось, что обстоятельства были выше него. Офицеры-отстойники очень часто устраивали всевозможные увеселительные мероприятия и просто попойки. Им нечего было терять, а изменить в своей жизни и карьере они ничего не могли, да, возможно, уже и не хотели. Служба их никак не занимала, но нужно было дотянуть свой срок в армии и уйти в отставку на заслуженную, пусть и небольшую, пенсию. Для того чтобы хоть как-то скрасить свою военную жизнь и досуг во всеми забытой части, офицерам приходилось, как сейчас говорят, креативить, задействовать все свои таланты и умения. Все помыслы залётчиков со стажем сводились к получению достаточно примитивных, первобытных удовольствий, которые могли бы быть разделены на три основных категории: выпивка, охота и женщины. Возможны были и комбинации из двух, а иногда сразу из трёх категорий.

¹⁶ Согласно казарменным законам, перевод духа в черпаки может сделать только дембель.

¹⁷ Германская Демократическая Республика (Восточная Германия).

¹⁸ Высшее общевойсковое командное училище.

¹⁹ «Пятнадцатилетними капитанами» в вооружённых силах называли офицеров, которые по тем или иным причинам в течение долгого времени не могли получить следующее звание, а иногда так и уходили на пенсию, не став даже майором.

Выпивка была у них всегда. Зарплаты хватало с избытком, и магазин был недалеко. Охота тоже была вполне доступна: лес вокруг части изобилует животными. Тем не менее хорошее охотничье оружие и соответствующие боеприпасы были в дефиците. Применять же боевое оружие и патроны многие из названных офицеров не решались, зная о незаконности данных действий и возможности уголовного преследования. Они хоть и были отстоями и пофигистами, но дураками не были, это точно. С женщинами была полная засада. Женщин в части не было и не предполагалось в соответствии с организационно-штатной структурой. Но народ заменял отсутствие слабого пола постоянным присутствием нешуточной дозы горячительных напитков в любом месте и в любое время.

Необходимо заметить, что начальство не очень способствовало развитию отношений между отстойным офицерством и местными жителями. А потому командировки в близлежащие населённые пункты, а уж тем более в округ, были достаточно редки.

Однажды весной, когда снег уже растаял, а летний период с присущим ему наличием огромного количества насекомых ещё не начался, среди отстойного офицерства части созрела идея о проведении праздника весны, иными словами – попойки на свежем воздухе. В ту пору начальство в связи с повышенной напряжённостью на всех границах и в связи с майскими праздниками издало директиву о переводе всего офицерского состава частей на казарменное положение. Это решение командования послужило лейтмотивом выбора места проведения попойки.

Внутри части практически по её диагонали протекала небольшая речушка, вдоль которой стояли склады с никому не известным секретным содержимым. Эти склады надёжно охранялись часовыми на вышках. Кому-то из отстойных офицеров пришла в голову идея соорудить плот из растущей на территории части древесины и сплавиться в законный выходной по речушке, не покидая пределов части, сопровождая это мероприятие поеданием шашлыка из кабанины и распитием спиртного. Всё было подготовлено именно так, как предполагал план проведения мероприятия. Спиртное запасено, кабан добыт, его мясо замариновано для шашлыка, плот срублен солдатами-срочниками и поставлен под парами с мангалом и дровами в верховьях речушки.

Время «Ч» было назначено на ближайшую субботу. Начальство тоже было извещено соответствующим образом: «Типа мы тут отдыхаем, а вы ничего не знаете и не замечаете». Оставалось решить последнюю проблему – предупредить дежурного по части, заступающего в субботу, что в пределах части предполагается сабантуй и нет необходимости никого напрягать по этому поводу. Но как это обычно бывает, в суете подготовки к мероприятию про эту часть плана просто забыли. По роковой случайности, дежурным по части заступал тот самый «пятнадцатилетний капитан». Час «Ч» пробил. Плот успешно отчалил от лесной пристани, мероприятие началось... Водка, природа, закуска и хорошая компания достаточно быстро сделали своё дело. На плоту сначала велись душевные беседы, а потом песни с плясками. Кому-то пришло в голову вывесить пиратский чёрный флаг и написать на нём: «Анархия – мать порядка». Проплывая мимо караульной вышки, кто-то из офицеров крикнул часовому с азиатским прищуром: «Эй, чурка²⁰, дай автомат». Часовой действовал в соответствии с уставом гарнизонной караульной службы: позвонил в караульное помещение и доложил начальнику караула на не очень понятном русском языке о происшествии на посту. Начальник караула, сержант срочной службы, отправил на пост разводящего, а сам позвонил дежурному по части и доложил о происходящем. Дежурный, наш герой, не заставил себя ждать и пулей примчался в караулку. Лейтенанту уж больно хотелось проявить себя с лучшей стороны и заработать заслуженный авторитет и признание со стороны начальства. Разводящий, придя с поста, доложил, что плот с анархистским флагом, антисоветским лозунгом и лицами, очень похожими

²⁰ Обращение к военнослужащему с неславянской внешностью.

на некоторых офицеров части, проплывает в настоящее время мимо складов, находящихся под охраной караула. «Промедление смерти подобно, – решил лейтенант. – Это мой звёздный час». Он немедленно побежал в дежурку докладывать командиру части. Командир части был человеком мудрым и, зная о проведении сабантуя, заведомо сказал жене, чтобы на все звонки и приходы посыльных та говорила, что его нет дома. Но наш лейтенант однозначно решил проявить себя. Не дозвонившись до командира части, он сработал полностью в соответствии с уставом. Лейтенант набрал номер оперативного дежурного по округу и доложил о том, что группа офицеров части вывесила антисоветский лозунг и распевает похабные песни, находясь на территории охраняемых складов. Оперативный дежурный из слов лейтенанта сделал свой вывод и доложил далее по команде. Доклад его был простым: в такой-то части группа офицеров подняла восстание. Командующий военным округом набрал телефон министра обороны и доложил, до конца не разобравшись, а возможно, находясь не в очень трезвом состоянии в субботу вечером, что в его округе восстала такая-то часть и он просит разрешения своими силами разобраться с ситуацией.

Маршал Гречко был фронтовиком и привык решать проблемы в соответствии с законами военного времени, а потому ответил начальнику округа просто: «Мы не в царской армии, поэтому офицерских восстаний у нас нет и быть не может. Немедленно разберитесь и доложите». Командующий округом вызвал своего начальника штаба и приказал подавить восстание быстро и однозначно. Необходимо заметить, что в те далёкие времена армия была хорошо организована, экипирована и обучена. Связь работала устойчиво и быстро, так что с момента получения информации до момента принятия решения прошло несколько минут. Бригада ВДВ на вертолётах была в течение двух часов переброшена в место дислокации означенной части. Ближайшая танковая дивизия с полным боекомплектom вышла маршем в намеченный район. Так что, когда офицеры-отстойники в абсолютно пьяном виде на плоту подплывали к забору, на другом конце части на них были направлены дула танков Т-54, а по берегам речушки уже успел занять огневые позиции десант.

Ко всеобщей радости, боевые действия были окончены, так и не успев начаться. Конечно, потом были нешуточные разборки с исключениями из партии, снятиями с занимаемых должностей, переводами в Забайкалье и на Дальний Восток и даже увольнениями из рядов вооружённых сил. Так что многим досталось по заслугам. Ну а на карьере лейтенанта-дежурного просто поставили жирный крест, так как формально наказать его было не за что, действовал он в соответствии с уставами и инструкциями, но даже самое высокое руководство понимало, что весь сыр-бор произошёл именно из-за него. Рвачей даже в Советской армии никто особо не жаловал.

Неизвестно почему, но Витёк сразу не понравился «пятнадцатилетнему капитану», который пытался сделать всё от него зависящее, чтобы не дать младшему сержанту Чернову шанса поступить в военный институт. Витёк очень часто попадал в наряды. Капитан не давал ему спокойно готовиться, постоянно озадачивая какой-нибудь работой. Ну а за самое малое нарушение воинской дисциплины капитан был готов написать рапорт и отправить Чернова обратно в часть. Месяц на сборном пункте показался Витьку годом концлагеря.

Но ничто не вечно в этом мире, и Витёк, выдержав все испытания судьбы, немного восстановив знания, потерянные за время службы, был отправлен вместе с другими военнослужащими, прошедшими отбор на окружном сборном пункте, в учебный центр Военного Краснознамённого института, находившийся недалеко от подмосковной станции Чкаловская. Необходимо отметить, что из более чем двухсот потенциальных абитуриентов ВКИМО, прибывших на окружной сборный пункт, в Киевский военный округ на Чкаловскую было отправлено только порядка восьмидесяти кандидатов. Остальные либо залетели по дисциплине, либо не прошли медкомиссию и профессиональное тестирование, либо не смогли сдать зачёт по физподготовке.

Те, кому повезло, были поделены на отделения по пять-десять человек и отправлены с предписанием, находившимся у командира отделения, в Военный Краснознамённый институт для сдачи вступительных экзаменов. Витьку и ещё девятерым членам его команды счастье улыбнулось: писарь в командировочном предписании перепутал дату прибытия к месту назначения. Таким образом, у всей команды появилось лишних три дня, чтобы зависнуть в Москве или Подмоскowie.

Старшим в отделении Витька был назначен старшина-дембель, носивший артиллерийскую форму. Ребята всё спланировали заранее, запаслись гражданкой и оповестили родственников в Москве. Утром третьего июля десять коротко постриженных ребят в одежде явно не по размеру, с армейскими вещмешками вышли из плацкартного вагона поезда Киев – Москва и, пройдя почти строем мимо вокзального патруля, разбежались по своим родственникам и друзьям. Явиться в учебный центр необходимо было всем вместе шестого июля, поэтому встречу назначили на станции Чкаловская в двенадцать часов дня. У троих парней из команды не было возможности перекантоваться три дня в столице, но их с удовольствием пригласил к себе на дачу москвич Сергей, за которым прямо на вокзал подъехал отец на синих «Жигулях» и увёз всех четверых.

ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ!

Виктор Петрович ещё в Киеве решил использовать три дня случайно выпавшего военного счастья для того, чтобы смотаться на родину в Спас-Клепики Рязанской области. Как до них побыстрее добраться из Москвы, он точно не знал, так как был нечастым гостем в столице нашей Родины, но знал наверняка, что из столицы в Рязань ходит электричка с Казанского вокзала. А уж добраться из Рязани в родной город было делом автобусного билета за пять копеек. Вечером того же дня младший сержант Чернов вошёл в деревянный подъезд трёхэтажного дома по улице Будённого и постучал в обитую дерматином дверь квартиры номер восемь.

– Кто там?

– Пап, открой. Это я.

Клацнули замки, и дверь, издав до боли знакомый скрип, распахнулась.

– Витька, ты чё, из армии сбежал? Чего, били, что ли?

– Пап, может, в квартирупустишь сначала?

– Заходи, заходи, сынок, рассказывай. Мать, иди скорее сюда. Коммунальная квартира, в которой уже почти двадцать лет проживала семья Черновых, походила не на что иное, как на обычную коммунальную квартиру брежневского совка. В коридоре на стене висели велосипед и две одёжные вешалки для двух семей соответственно. Ванна с туалетом находились в конце коридора. У туалета на гвоздиках висели три стульчака. Общая кухня, где стояли два стола и два холодильника. Черновым в этой квартире принадлежали две комнаты. Ещё одна комната, в соответствии с жилищным ордером, принадлежала старику – инвалиду Великой Отечественной войны, который всю жизнь проработал на комбинате. На этом же комбинате работало почти всё взрослое население уездного города Спас-Клепики. Отец Витька в своё время окончил Уральский политехнический институт и двадцать пять лет назад был направлен на работу в Рязанскую область. Мать была уроженкой села Сосновка, находившегося недалеко от Спас-Клепиков, и после окончания Рязанского техникума советской торговли попала работать в Клепиковский промторг. В общем, семья Черновых являла собой типичный образец ячейки социалистического общества той эпохи.

– Ой, батюшки... Что же будет? Ты зачем из армии сбежал? Зачем себя в тюрьму упрятать решил? – запричитала шёпотом Витькина мать, чтобы не услышал полуглухой сосед-ветеран.

– Остынь, мать. Витька, ну-ка, в комнату пулей.

Отец несколько небрежно подтолкнул нашего героя взашей, от чего последний явно опешил. Витёк вообще не был готов к такому приёму и просто глотал воздух, как рыба на льду, не в силах ничего вымолвить, пока мать рыдала, а отец задавал дебилские вопросы типа: «Куда спрятал автомат, паршивец?» Потихоньку младший сержант начал приходить в себя. Первой послешоковой мыслью, блеснувшей в его голове, было: «Советская армия наводит ужас не только на своих врагов и собственный личный состав, но ещё и на миллионы советских семей, которые с ней так или иначе связаны. Да, с таким чудищем навряд ли кто-то справится, если только оно само себя не уничтожит, не испугает до смерти». Вторая мысль была про военную форму. Надо было всё-таки перед домом переодеться в военное. Форма, наверное, не так испугала бы родителей, как гражданка.

– Вы чего, моего письма не получили про поступление в институт?

– Нет, – почти в один голос ответили родители.

– После подробного рассказа младшего сержанта обо всех перипетиях службы, приведших его в родительский дом, и последующих расспросов родителей, продолжавшихся почти час, семья села за стол ужинать в наилучшем расположении духа. Мать достала из холодильника всё самое лучшее и вкусное, припасённое на праздничные дни. Отец даже предложил Витьку стопку водки, но Витёк, сославшись на необходимость сохранения трезвости ума

и твёрдости памяти для сдачи вступительных экзаменов, отказался. Этим жестом он вызвал гордость у матери и небывалый всплеск её эмоций по отношению к мужу – развратителю и соблазнителю советской молодёжи, стоящей на правильном жизненном пути и имеющей принципиальную жизненную позицию, в отличие от него – беспартийного цехового мастера. Вечер удался на славу. Витёк помылся в коммунальной ванне, нешуточно набил брюхо дефицитами советского продторга и мирно уснул в чистой постели на своём доармейском диване в большой комнате.

После соприкосновения с подушкой молодое тело младшего сержанта было немедленно унесено феями сна в царство Морфея. Большинство из сладких снов той ночи не оставило следа в памяти Виктора, но, как это обычно бывает, лишь тот, последний, самый дурной сон, долго не выходил из головы после пробуждения. Витьку приснился какой-то лес и протекающая в нём река. Но лес тот ничем не напоминал обычный мешёрский пейзаж, знакомый с детства: с елями, клёнами, берёзками, топиями и болотами. Река в том лесу радикально отличалась от Оки или лесного ручья, бегущего сквозь чащу. Незнакомые деревья словно смыкали над рекой свои кроны, образуя просторный тоннель, куда не проникал солнечный свет. А река та была достаточно широка, с не очень быстрым, но заметным течением. По краям реки на корнях торчали из воды деревья с маленькими, но острыми шипами на стволах, с игольчатыми листьями, как у столетника, которые явно не имели ничего общего с флорой средней полосы России. Во сне Витёк чувствовал пот, покрывавший всё тело. Воздух вокруг был мокрый и горячий, как в парилке. Он плыл на лодке по реке. В той лодке было достаточно людей, но на него никто не обращал внимания, а он всё слышал и всё понимал. Вдруг вдали показалась другая лодка, плывущая им навстречу. В тот самый момент из-под воды вынырнула громадная оранжевая змея, которая хотела броситься на лодку Витька. Она атаковала, но промахнулась и ушла под воду. А потом Витёк увидел ту же оранжевую тварь уже над другой лодкой. В этот раз бросок был точен. Змея рассеялась чёрным дымом в воздухе. Лодка Витька приблизилась к останкам того, что чуть раньше держалось на плаву. Сидя в воде и держа на руках грудного ребёнка, неестественно подогнув под себя обе ноги, женщина молила о помощи, но люди в лодке Витька только смеялись. Тогда она обратилась к Виктору и сказала:

– Я уйду, а твоё безразличие и тщеславие сделают из тебя чудовище, которое само себя сожрёт.

Женщина ушла под воду вместе с ребёнком, и предсмертный плач младенца, перемешанный со смехом попутчиков Чернова, разбудили младшего сержанта. Он ещё полежал некоторое время в постели, пытаясь отойти от страшного сна.

Слова: «Рота (или батарея, или курс), подъём! Форма одежды номер два, построение на плацу через минуту!» – навсегда остались в памяти многих российских мужиков, которые служили, служат или уже как бы и не служат, но всё ещё «в строю». Не знаю как сейчас, но в былые времена эти магические слова поднимали на ноги каждое утро несметную рать от Камчатки до ГДР.

Трудно передать словами чувство счастья, переполняющее солдата-срочника, которому повезло до окончания срока службы проснуться в чистой домашней постели без этих магических слов.

Несмотря на неприятный сон и биологический будильник, выставленный армейским расписанием дня на 7:00, Витёк решил предаться гражданскому соблазну и проваляться в постели как можно дольше. Сделав вид, что спит, он слышал, как мимо него на цыпочках уходили на работу мать с отцом, стараясь не потревожить дитяню.

К девяти часам Витьку наскучило валяние, и он пошёл приводить себя в себя. План на сегодняшний день был предельно прост: утром надо было покопаться в книжках и тетрадках, оставшихся после школы и неудачного поступления в институт. После обеда предстояло навестить старых друзей. Просматривая старые записи, Витёк с удовольствием для себя отме-

тил, что за время, проведённое на сборном пункте под Киевом, он неплохо подготовился. Собрав и упаковав необходимые книжки и тетрадки, младший сержант вышел на улицу.

Двор встретил его летней жарой и полным отсутствием ребят его поколения. Витёк решил зайти к Сергею – своему школьному другу, который жил в соседнем подъезде. Дверь открыл Серёжкин дед. После недолгого разговора всё встало на свои места. Серёгу, а также всех остальных сверстников Витька призвали этой весной в ряды вооружённых сил. Подумав ещё раз об армии и о том, какой период переживают сейчас его друзья, Витёк лишь укрепился в мысли о полезности своего закоса. До вечера Виктор Петрович слонялся по городу, он даже немного пожалел, что, уходя в армию, не обзавёлся хоть какой-нибудь постоянной, ждущей его зазнобой. После восьми месяцев службы Витёк впервые в этот день понял, что такое гражданская скука. Вечером вся семья опять собралась на кухне ужинать. Отец с гордостью сообщил, что его друг и однокашник Юрка сейчас живёт и работает в Москве. И завтра Виктор с отцом должны отправиться в столицу, чтобы, во-первых, познакомить Витьку с семьёй однокашника на всякий случай, и во-вторых, на следующий день отец хочет лично проводить сына в военной форме до КПП учебного центра Военного Краснознамённого института. Это сообщение несколько обескуражило Витьку, так как в его планы не входило появление перед сослуживцами, а уж тем более на КПП учебного центра, где предстояло сдавать вступительные экзамены, с отцом-провинциалом. Но после недолгих пререканий и лёгкого семейного скандалчика Витёк сдался на милость родителей. «В конце концов, – подумал он, – я познакомлюсь хоть с кем-нибудь из московских жителей».

К вечеру пятого июля двое представителей семейства Черновых, нагруженные дарами провинциальных огородов, сараев и погребов, наконец-то позвонили в дверь квартиры однокашника Юрки, находившейся недалеко от станции метро «Молодёжная». Юрка оказался вовсе не Юркой, а начальником лаборатории в НИИ химии и механики Юрием Борисовичем Селицким. Его жена Наталья Васильевна, достаточно миловидная женщина, работала кассиром в кинотеатре «Иллюзион», несмотря на свой диплом о высшем образовании, полученный по окончании Московского института управления. По всему было видно, что семья Селицких хоть и не является московской элитой, но живёт вполне сносно и имеет намного больше в этой жизни, чем семья провинциалов Черновых.

Оказалось, что у Селицких двое детей: сын Саша, который в настоящее время перешёл на третий курс Московского авиационного института, и дочь Светлана, окончившая этой весной девятый класс. Витьку сразу отправили в комнату к детям, где он попытался поговорить с Сашей, но скоро понял, что вряд ли сможет найти с ним общие темы для разговора.

Саша жил иной жизнью. Он не знал, что такое Спас-Клепики, и не понимал, зачем молодые ребята ходят в армию, если есть военные кафедры. Саша находился в другом измерении, недостижимом для провинциала и солдата. Они были почти ровесниками, разговаривали на одном великом и могучем русском языке и даже очень искренне пытались понять друг друга, но понимание не приходило. Сашка не мог понять предметных категорий – таких, как армия, деды, черпаки, духи, уборка сортиров, деревянный подъезд трёхэтажного дома, поездки на делянку с картошкой, к которым апеллировал Витёк. А Витёк не мог ни понять, ни принять Сашкин стиль жизни с катанием на машинах по ночной Москве, курением «Мальборо» и девчонками из общаги, готовыми заняться сексом ради спортивного интереса.

В конце концов, пока родители пировали на кухне, Сашка предложил Витьку выйти на улицу. Отойдя не так далеко от дома, Саша поздоровался с группой ребят и девчонок, сидевших с сигаретами в беседке у детской площадки и слушавших затёртую кассету с Челен-таном. Сашка представил Витьку как своего дальнего родственника, который приехал в Москву поступать в военный институт.

– У тебя чё, старик генерал? – поинтересовался один из парней в нереально потёртых джинсах.

Сашка опередил Витьку с ответом:

– Отец не генерал, но мазы хватит.

Витёк хотел что-нибудь сказать, но к беседке, круто притормозив, подъехал красный «жигуль», из которого вышла компания, состоявшая из двух девчонок и одного парня, одетого в джинсы «Райфл», майку с портретом Джона Леннона и зелёные адидасовские кроссовки с жёлтыми полосками – мечта всей советской молодёжи того времени.

– Это Женёк²¹, – шёпотом сообщил Сашка.

– А он кто?

– Он в комке²² на Ленинском проспекте работает, но ещё и фарцует, тем и живёт.

Витёк хотел было ещё задать несколько вопросов, чтобы окончательно прояснить ситуацию, но осёкся, стесняясь показать свою провинциальную неосведомлённость и незнание молодёжного арго столицы.

Вечеринка началась. В беседку из багажника «Жигулей» перекочевал деревянный ящик «Жигулёвского» пива и какие-то баночки с иностранными этикетками. После приезда Женька на Виктора Петровича уже никто не обращал внимания. В углу беседки Витёк молча потягивал тёмное «Жигулёвское» пиво и пробовал заграничные солёные орешки из тех самых цветных баночек. Жизнь казалась ему не такой уж плохой, невзирая на то, что он всё ещё был военнослужащим и родной дом его был не в Москве, а в Спас-Клепиках. Когда народ начал потихоньку попарно уединяться в тёмных уголках двора, Женёк подсел к Витьку и завязал с ним душевно-заговорщицкую беседу.

– Слышал я, что ты на военного переводчика решил учиться. Это правда? – отхлебнув пивка, спросил Женёк.

– Не знаю, если возьмут... – Витёк решил не рассказывать этому фарцовщику всей правды по поводу закоса от службы и желания пойти учиться в пед после демобилизации.

– Знаю я некоторых чуваков, которые там учатся. Упакованы, я тебе скажу, лучше, чем директора магазинов. Они по загранкам ездить чуть ли не с первого курса начинают, а на родину и магнитофоны двухкассетные, и телики, и шмотки, и просто чеки – всё везут. Там кто не дурак, на своей «Волге» на занятия в институт ездит. После командировки, конечно. Ты если поступишь, меня держись. Я тебя научу, как правильно жить в столице.

Виктор из-за своей провинциальности не совсем понимал, о чём говорит Женёк. Откуда у военных могут появляться все названные ценности и тем более чеки? Но ему определённо импонировала крутая по тем временам красная «копейка»²³ и популярность, которую можно было получить за орешки из «Берёзки» и пиво с чёрного хода универмага. А ещё ему нравилось то, что девчонки были от всего этого без ума и смотрели в рот Женьку, ловя каждое его слово. Витёк не особо пользовался вниманием слабого пола и потому, возможно, всегда мечтал учиться на женских факультетах, где даже он мог находиться в зоне повышенного внимания сокурсниц. Но успех Женька у женского пола определялся не пословицей «на безрыбье и рак рыба», а наличием средств и связей, которые позволяли в брежневском совке иметь практически любую девчонку.

– Жень, ну ты же понимаешь, что, во-первых, неизвестно, поступлю я или нет, а во-вторых, пока меня с моим английским отправят в Англию или в Америку, пройдёт неизвестно сколько времени.

– А на хрена тебе твой английский? С ним ты вообще можешь в загранку никогда не уехать. – Женёк немного резко оборвал нелепое бление младшего сержанта. – Сейчас все

²¹ Об истории Евгения Шумихина читайте рассказ «Шумихины».

²² Так в советской Москве назывались комиссионные магазины, в которых можно было продать и купить подержанные вещи. Очень часто сотрудники этих магазинов использовали своё служебное положение для купли-продажи заграничной электроники и одежды.

²³ Так в то время называлась машина «Жигули» первой модели.

деньги наши специалисты в развивающихся странах зарабатывают. Ты про Афганистан слышал? Так вот, те парни, которые нам аппаратуру сдавали, как раз оттуда её привезли. Так что вернись на землю и езжай в Афган или в Африку. А всё, что ты оттуда сюда доставишь, я обещаюсь по лучшей московской цене у тебя принять. У меня посредников нет, так что твой товар через меня напрямую покупателю уйдёт. С моим процентом, разумеется. Но для тебя любому выгоднее варианта не сыскать. Считай, тебе вообще повезло, что на меня до командировок вышел.

Витёк ещё немного поговорил с Женьком про шмотки и цены на заграничную аппаратуру, а потом, найдя своего спутника Сашу, который изрядно захмелел в обществе одной из девчонок, привезённых Женьком, отправился домой. Дома их встретили вдрызг пьяные родители. Перед уходом Женёк успел записать на руке Витька свой номер телефона, сказав:

– Если поступишь, звони, банкет за мой счёт гарантирую.

Витёк долго не мог уснуть на новом месте. Он думал о том, что Женькино предложение в корне меняет всю концепцию его аферы с военным институтом. Во-первых, надо было не только поступить и проучиться год, но съездить в командировку и вернуться обратно, желательно живым и здоровым. А это меняло весь смысл закоса от службы. Сразу вспомнились рассказы прапорщика Хрещагина про Афган, и про войну, и про то, как там выжить. Во-вторых, придётся учить какой-нибудь восточный или африканский язык, от которого в совке никакого толку нет и не будет. В-третьих, нельзя попасться со всем привезённым хламом или засветиться на продаже валюты или чеков, чтобы не быть зачисленным в отряд изгоев-фарцовщиков. С таким залётом можно и с комсомольским билетом расстаться. А без него даже в Рязанский пед не возьмут.

Последнее радикально отклонило стрелку весов сравнения в противоположную сторону от предложения Женьки. Но Витёк вспомнил крутой заезд красной «копейки» на детскую площадку и громкую музыку, доносившуюся из динамиков автомагнитолы. Это вроде была композиция из современного балета ГДР. А ещё вспомнились девушки Мила и Рита, которые словно на крыльях выпорхнули из салона машины и повисли на Женькиной шее, не обращая никакого внимания ни на Витьку, ни на других ребят и девчонок. Эти воспоминания однозначно вернули злосчастную стрелку в нейтральное положение. Что делать? Извечный русский вопрос встал со всей своей серьёзностью и перед младшим сержантом. Размышления в конечном счёте закончились здоровым юношеским сном.

В 11:25 шестого июля Витёк вместе с отцом вышел из вагона электрички на платформе Чкаловская. Помимо ребят из своей команды, Витёк увидел на платформе некоторое количество незнакомых военнослужащих. К двенадцати часам команда, в которой был Витёк, собралась в полном составе. Многие ребята приехали на место встречи с родителями, как и сам Витёк. До КПП учебного центра команда добралась на рейсовом автобусе и, захватив сумки, нешуточно нагруженные домашней провизией, а также оставив родственников у ворот, прошла на территорию учебного центра. По ней прибывшее подразделение из Киевского военного округа передвигалось строем, в колонне по два, в соответствии с требованиями устава.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ ИЛИ ИНАЯ АРМЕЙСКАЯ ГАЛАКТИКА

В штабе, около которого уже собралось немало военнослужащих из других округов и частей, у старшего команды Витька приняли документы, попросив всех подождать на улице. Через некоторое время случилось то, чего не ожидал ни один из бравых солдат срочной службы: с крыльца штаба к сидевшим на скамейках и на травке срочникам спустилось существо в курсантской форме с тремя сержантскими лычками и начало зачитывать фамилии. Всё воинство просто потеряло дар речи, увидев бравого сержанта элитного военного учебного заведения в мешковатой форме, очках и фуражке на два размера больше. Сержант же абсолютно индифферентно зачитал фамилии, не обращая никакого внимания ни на поправки в произношении фамилий, ни на подколки, доносившиеся из солдатской толпы. Таким же безразличным голосом он сказал:

– Кого назвал, пошли со мной.

– А построиться?

– Ну построитесь и за мной, – так же безразлично пробормотал себе под нос очкастый сержант.

Кто-то из наиболее сознательных попробовал взять инициативу в свои руки и заровнять²⁴ порядка ста человек личного состава из различных частей и подразделений. Но попытка не удалась, толпа лишь наградила инициатора различными не совсем пристойными эпитетами, сдобренными военными инвективами. Тем не менее, больше по привычке, чем по принуждению, толпа организовалась в колонну по четыре и походным шагом с вещмешками, РД²⁵, чемоданами и сумками поплелась за сержантом с жёлтой буквой «К» на красных погонах. Сержант провёл толпу по центральной аллее учебного центра, остановив подобие строя у расположения первой роты. Расположение представляло собой три ряда квадратов, выложенных из красного кирпича. Внутри квадратов были деревянные настилы, занимавшие бо́льшую половину внутренней площади. Над каждой такой конструкцией предстояло поставить десятиместную лагерную палатку.

– Располагайтесь, – по-дружески предложил сержант толпе бравых военных и направился в кирпичное помещение, служившее одновременно каптёркой, оружейкой и канцелярией. – Да, и ещё, – как бы оставив свои важные думы и остановившись, произнёс он: – за бельём и всем остальным присылайте по два человека от языковой группы, то есть отделения. Через полчаса пойдём на склад. Новую форму выдадут только тем, кто будет зачислен на первый курс, после прохождения мандатной комиссии.

Витёк немного удивился такому подходу сержанта военного института к выполнению своих служебных обязанностей, но задумываться по поводу причин происходящего не стал. Вообще за последнюю неделю он столько всего увидел и узнал, что его чувство удивления сильно атрофировалось. А вернее, адаптировалось к постоянным сменам необычных ситуаций. Вместе с ещё двумя воинами из его окружной команды он предусмотрительно занял самую удалённую от передней линейки палатку, бросил туда свои вещи и продукты и побежал на КПП, чтобы отпустить отца домой. Из-за огромного количества военных, столпившихся у ворот, прощание было скоротечным. До ужина все занимались обустройством палаточного городка. Время пролетело незаметно.

Время на абитуре вообще пролетело незаметно, как скоротечный дрём в наряде. Витёк не заметил, как за три первых дня учебный центр переполнился сначала военными, а потом

²⁴ Построить и отдавать команды в соответствии с требованиями строевого устава.

²⁵ Рюкзак десантника.

гражданскими. Он уже не обращал внимания на чёрные «Волги» и «Чайки», привозившие питание сынкам больших начальников прямо к палаткам. Он радовался относительной свободе и отсутствию дедовщины. Он слушал байки курсантов про переводчиков, про престижные заграникомандировки и про трудности учёбы.

Самым непонятным и странным испытанием во время поступления ему показалось профессиональное тестирование. Оно заключалось в ответах на более чем пятьсот вопросов, касающихся личной жизни, физиологических особенностей организма, знаний общего характера и очень специфических знаний, которые не преподавались ни в одной школе. При ответе на некоторые вопросы учитывалось время. Такие задания, как составление рассказа из десяти предложенных слов и ответы на вопросы по зачитанной газетной статье про какой-то забег где-то в Нью-Йорке на «Эмпайр-стейт-билдинг» со множеством цифр и имён, вызвали у Витьки глубокое недоумение относительно профиля учебного заведения и смысла этого теста. Тестирование проводилось группами по тридцать-сорок человек, каждый сидел за отдельной партой, и продолжалось всё это почти четыре часа.

Как ни странно, но после профессионального тестирования никого не отчислили. Ходили слухи, что всех, кто получил после тестирования категории кроме первой и второй, заваливали на других экзаменах или на медкомиссии, которая для некоторых злобствовала, как при отборе в отряд космонавтов, а у некоторых не замечала даже очков с аквариумными стёклами, в которых наверняка плавали рыбки. Трудным был ещё и устный экзамен по русскому языку. Когда Витёк сидел и готовился к ответу на вопросы своего билета, какой-то воин-черпак, не зная ответа на вопрос, стал убеждать комиссию, состоявшую из полковника, читавшего «Советский спорт», гражданской дамы с сигаретой и двух капитанов, в том, что русский ему ни к чему. Он поступает, чтобы учить иностранный язык. Он отлично знает английский. Красивая дама злилась, капитаны улыбались, а полковник на секунду оторвался от чтения и сказал:

– Нам твой английский на хрен не нужен, мы тут хоть мишку косолапого любому иностранному языку без проблем научим командно-строевым методом. А с твоим русским возиться у нас времени нет. Переводить тебе всё равно на родной и с родного придётся. Ирина Ивановна, ставьте рядовому что положено, пусть не задерживает.

С этими словами полковник вернулся к чтению газеты. Витёк, услышав всё сказанное, сильно испугался. У него самого были пробелы в знании теории русской словесности, хотя писал он без ошибок.

За время, проведённое в учебном центре, концепция закоса на год была критически осмыслена и сейчас находилась в процессе пересмотра. Виктору действительно захотелось стать курсантом, и уже не из-за того, что там, в части, его ожидали ещё двенадцать ударов по заднице, и не из-за того, что пришлось бы стучать Хабибулину на своих одноодок. Витьком овладели зависть, тщеславие, алчность – те самые смертные грехи, которые могли бы поставить его в один ряд с привилегированными детьми, которым возят пайку на чёрных «Волгах» и «Чайках». Ему хотелось жить в Москве и ездить за границу. Ему хотелось иметь всё то, что имеют гражданские московские мажоры. Витёк ещё не знал, чем придётся платить за «хочу», за свою зависть. Он не понимал, какие силы тянут его к новой жизни, но он твёрдо решил поступить и ради этого готов был на любые жертвы. А на спрос всегда будет предложение.

Выйдя к экзаменаторскому столу, Витёк под напором своих мыслей и эмоций заменжался, и от этого ответ получился, прямо скажем, не совсем удачным. Ирина Ивановна начала задавать наводящие вопросы, но и они не сильно помогали выпутаться из сложившейся ситуации. Наконец она сказала:

– Ладно, вот твой последний шанс. Расскажи мне, пожалуйста, о случаях необоснования деепричастного оборота, стоящего перед определяемым словом.

Витьку подфартило – это был как раз тот вопрос, который он успел посмотреть в учебнике за несколько минут до того, как зашёл в класс тянуть билет.

– Деепричастный оборот, стоящий перед определяемым словом, не обособляется в трёх случаях: когда он относится к личному местоимению, имени собственному или имеет дополнительное причинное значение. Младший сержант Чернов ответ закончил.

Ирина Ивановна хотела было попросить Чернова привести примеры, подтверждающие данное правило, но полковник опять оторвался от чтения «Советского спорта», наклонился к ней и прошептал на ухо что-то невнятное, но уши будущего военного переводчика уловили ключевую фразу:

– Первая группа профотбора.

Ирина Ивановна улыбнулась и одарила Чернова хитрым взглядом своих очаровательных карих глаз, сказав при этом официальным тоном:

– За чёткий доклад – пять, за деепричастные обороты – пять, за ответ – два, общая оценка – четыре. А если честно, то вас спасло ваше сочинение, очень неплохая работа, мне довелось её проверять, но о ней и о русском языке мы с вами поговорим на занятиях по языкознанию.

Выйдя из учебного корпуса на улицу, Витёк обрадовался. Ему казалось, что он поступил. Как потом стало известно, в том году на одно курсантское место уже в учебном центре претендовало почти четыреста абитуриентов. Большинство отсеялось после сочинения, кто-то не сдал физо, ещё больше народу не сдало русский и литературу устно. С историей было попроще, но отсеивать тоже был, на иностранном языке был самый маленький отсев. Многих зачислили на медицину, ну а основное количество простых, но хороших ребят не прошло профотбор. Им, конечно, никто не сказал об этом вслух, просто смыли во время сдачи других дисциплин или сказали, что не хватило баллов. Хотя изначально никто не определял проходной балл.

Пора вступительных экзаменов подходила к концу. Те, кто уже отстрелялся, ждали мандатной комиссии и пытали курсантов, назначенных старшинами курсов, извечным вопросом военного института: где лучше учиться? Очкастый сержант учился на «западе»²⁶ и потому активно пропагандировал свой факультет. Витёк присоединялся к любой компании, собиравшейся вечером в каптёрке или курилке, чтобы послушать байки курсантов-командиров. Из всего услышанного Витёк сделал вывод, что на «западе» учиться проще и круче, но без мазы или с залётом можно распределиться в Заполярье или Дальневосточный ОСНАЗ²⁷ или вообще попасть слухачом на атомную подлодку. На «востоке»²⁸ учиться намного труднее, но если попасть на перспективный язык²⁹, то можно уехать после третьего или четвёртого курса в командировку и вернуться обратно нормально упакованным. Спокойно доучиться и после окончания ездить в командировки до пенсии. Был ещё не всем понятный ускоркурс, про который ходили самые противоречивые слухи. Но о нём Чернов почти не думал.

Витька, как и многих других ребят из состава почти поступивших, периодически вызывали к различным преподавателям и начальникам курсов. Все эти встречи имели целью определить до мандатной комиссии, кого, на какой факультет и на какой язык надо будет распределить. После встречи с лысым майором с кафедры первого английского Витёк полностью уверился в том, что будет учить английский на западном факультете. Так что на остальные встречи он ходил без энтузиазма, тем не менее соблюдая при этом все правила воинского этикета. Среди этих встреч была одна, которая запомнилась Витьку на всю оставшуюся жизнь. Он встретился со статным, довольно молодым полковником, глаза которого искрились неуставной улыбкой, а говорил он слишком вежливо и интеллигентно для военного.

²⁶ Факультет западных языков, первый факультет ВКИМО.

²⁷ Войска особого назначения, занимавшиеся радиоперехватом, прослушкой переговоров военных и гражданских самолётов и кораблей потенциального противника.

²⁸ Факультет восточных языков, второй факультет ВКИМО.

²⁹ Перспективными языками в то время считались языки тех развивающихся стран, где присутствовали советские военные специалисты и советники.

Когда Витёк вошёл в класс, где лицом к окну стоял упомянутый полковник, на столе лежала папка с надписью: «М. с-т Чернов В. П.». Витёк обратился к старшему по званию в соответствии с требованиями устава:

– Товарищ полковник, разрешите войти?

– Так вы уже вошли, товарищ младший сержант. Ладно, Виктор Петрович, давайте оставим на некоторое время воинский политес и поговорим о вас и о вашем будущем в стенах нашего заведения.

Витёк немного опешил от такого вежливого панибратства, но сразу вспомнил, как его, только что прибывшего в часть новобранца, ещё не принявшего присягу, так же по-отечески разводил на деньги в каптёрке сержант Теракопов. Будучи проникательным духом ВС СССР, Витёк понял, что полковник навряд ли позарился на три рубля, полученных от родителей и зашитых в трусы, а значит, ему нужно что-то более существенное, чем просто деньги. Полковник – это не сержант, аппетит у него наверняка масштабнее, а вкус более изысканный, чем у Теракопова. В общем, Витёк понял, что надо держать ухо востро, чтобы не лишиться чего-то большего, чем денег из трусов.

– Зачем вы решили стать профессиональным военным?

Полковник, задав этот официальный вопрос, с улыбкой в добрых молодых глазах посмотрел на младшего сержанта. На спине младшего сержанта в жаркий июльский день от такого взгляда выступил холодный пот.

– Товарищ полковник, я всегда мечтал стать профессиональным военным, но до армии не мог определиться со специальностью. Командование части, в которой я проходил срочную службу, порекомендовало мне ваше высшее военное учебное заведение, и если я в него поступлю, я всегда буду благодарен нашей Родине, партии и правительству, давшим мне путёвку в жизнь.

Полковник перестал улыбаться и посмотрел на Витьку уже озадаченно.

– Да ладно, остынь, я тебе не особист и не замполит, скажи просто: в загранку хочешь съездить, прибарахлиться, жизнь свою деревенскую облагородить. Ты не стесняйся, я ведь такой же, как ты, парень с Поволжья. Мне эта московская сказка с таким трудом досталась.

Витёк почти расслабился после душевных слов и понимающего взгляда полковника. Он хотел уже выложить ему всю историю про трудности положения духа в войсках и про закос, но перед глазами встало доброе, с большими коровьими ресницами лицо Теракопова, и сразу вспомнились душевные слова: «Пойми, ара-братан, я ведь такой же, как ты. Только ты в роте спать будешь, а мне в карауле даже чаю не с чем попить будет. Дай денег на булочку, будь мне братом». Тогда Витёк, как дурак, дал денег и летал всю ночь в роте вместо дневального, а Тигран той же ночью в караулке пил чай с булочками, купленными на деньги Витьки в чипке³⁰.

– Товарищ полковник, я хочу стать профессиональным защитником нашей социалистической Родины. И готов выполнять любые требования командиров и начальников ради защиты социалистической Отчизны и выполнения своего воинского долга, – совершенно невпопад выпалил Виктор Петрович фразу, оставшуюся в закоулках памяти после политзанятий в части.

– Утомили вы меня, Виктор Петрович. Нам нужны обычные ребята, а не фанатики. Наверное, вы нам не подходите. Так что после мандатной комиссии поедете обратно в часть. Там у вас будет время подумать о своём воинском долге, службе Родине и этой, как её, социалистической Отчизне.

У Витьки стали наворачиваться слёзы. Ему хотелось встать на колени перед полковником и просить, нет, умолять его поменять решение. Всё пройти и срезаться на такой ерунде было очень обидно и неприятно до глубины души. Но слёзы так и не выступили, обида ушла мгновенно, так же как и пришла. Вместо неё появилась злость на себя тупого и на холёного полков-

³⁰ Солдатская чайная, находящаяся, как правило, в распоряжении воинской части.

ника, который играл с людьми, как с назойливыми мухами в жаркий день. А злость была ещё одним смертным грехом, который медленно, но верно уводил Виктора Петровича в ту сторону, где всё есть, но плата за всё это слишком велика для обычного человека.

– Разрешите идти, товарищ полковник? – дрожащим голосом, но чётко по-военному задал вопрос Витёк.

– Да уж, сделайте одолжение, товарищ младший сержант, идите и позовите следующего.

Полковник Лесков Юрий Владимирович набирал в этом году ускоренный курс. Витьку он не соврал, он действительно был родом из Поволжья и поступил в Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета с целью приобщиться к столичной жизни. Ему повезло, и после распределения, имея красный диплом, он попал служить в Германию командиром комендантского взвода. Там он познакомился с выпускницей военного института переводчицей Ниной. Отец Нины был заместителем командующего ГСВГ. Короче, служба удалась и семейная жизнь тоже. Это был один из тех редких случаев, когда молодые действительно полюбили друг друга, а родители приняли мудрое решение.

Юрий Владимирович после возвращения из Германии попал служить вместе с женой в военный институт. Окончил Академию имени Фрунзе и сейчас заочно учился в Академии Генерального штаба. За Виктором он наблюдал во время сдачи экзаменов. Чернов ему понравился своей скромностью и умением вписаться в коллектив. На этом собеседовании Юрий Владимирович обнаружил у Виктора ещё и необычную для семнадцатилетнего пацана твёрдость, но было какое-то чувство, что этот младший сержант, по сути, чёрная лошадка, да и фамилия у него говорящая – Чернов.

Полковник Лесков уже знал, кого из детей больших начальников записали на его курс, и хотел хоть как-то разбавить мажорный коллектив простыми ребятами. Но для этого надо было лично проверять каждого простого. Вдруг простой имеет скрытых непростых покровителей, которые не дадут полковнику спокойно командовать курсом и продвигаться по службе. Полковник даже в мыслях не желал избавиться от Чернова, он использовал лишь свой любимый психологический приём, который Юрий Владимирович называл «запуск насоса». Смысл приёма был прост и гениален: почти поступивший отрок, наслушавшись на собеседовании жути от полковника про то, что «вы нам не подходите», начинал качать мазу³¹. Маза, соответственно, выходила на начальство. Начальник или сослуживец Лескова встречался с полковником и спрашивал про того или иного кандидата. Полковник уверял мазу, что всё в порядке и кандидат просто переволновался на собеседовании и неправильно его понял. Сам же в это время оценивал мазу потенциального курсанта, решая, стоит ли брать такого курсанта к себе на курс или лучше от него отказаться. Если же никто не подходил к полковнику поговорить насчёт неподходящего курсанта, то это означало, что боец безмазовый, потому с ним можно делать всё что угодно вплоть до реального отчисления.

Ускоркурс имел ещё одну специфику: на него набирали в основном ребят из числа военнослужащих или кадетов³². Была, конечно, и гражданская молодёжь, но по ней вопрос решался на самом высоком уровне, где полковник ничего сделать не мог.

На улице возле учебного корпуса сидели и стояли военные и гражданские ребята. Кто-то ждал собеседования, кто-то ещё сдавал экзамены, а кто-то просто пришёл затеряться в толпе, чтобы не припахали убирать территорию или не отправили в какой-нибудь наряд. Стояла по-настоящему летняя жара, вокруг росли сосны, тополя и просто зелёная, подкошенная по-военному травка. Всё перечисленное в этот момент совсем не радовало младшего сержанта Чернова. Он хотел спрятаться от всех и дать волю своим эмоциям, и потому с улыбкой на лице и глазами, полными слёз прошёл мимо курящих ребят. Он направился окольным путём через

³¹ Подключать родственников и знакомых, имеющих возможность повлиять на поступление в военный институт.

³² Выпускники суворовских училищ.

полосу препятствий, а потом вдоль забора, за трибуну стадиона. Там он упал в траву и заплакал. Он плакал долго и бесшумно, давая полную волю своей злости на себя и на того полковника.

Слёзы через некоторое время кончились, а мозг начал работать чётко и ясно. Виктор Петрович ещё раз осознал, что он действительно хочет учиться во ВКИМО, а вот для чего – для закоса от армии или чтобы действительно стать военным – будет ясно позднее. Сейчас он хочет стать курсантом элитного военного учебного заведения, ему во чтобы то ни стало захотелось хоть чем-то отличаться от остальных парней в Спас-Клепиках. Злость, тщеславие и зависть вели его туда, куда ещё не так давно он не осмеливался заглядывать даже в самых смелых своих мечтах.

Витёк ещё раз пожалел, что его родители – обычные трудяги, а папа вместо Спас-Клепиков наверняка мог бы распределиться в Москву и занять место своего одноклассника Юрки. И сейчас у него, у Витька, наверняка была бы возможность прокачать мазу и остаться в институте. Витёк понимал, что ему срочно нужна помощь какого-нибудь влиятельного человека с большими возможностями. И за эту помощь он готов был пойти на многое и заключить любую сделку, пусть даже с самим дьяволом. Дьявол оказался не так-то уж и далеко от страждущего. Доведя свою истерику до логического завершения, Чернов привёл себя в себя, заправился, причесался и пошёл в расположение роты.

Ещё на первой неделе пребывания в учебном центре Витек привёл свою форму в порядок, чтобы не быть похожим на духа. Ушил её, нагладил стрелки, как у черпаков, добыл себе фуражку меньшего размера, начистил до блеска парадные ботинки, сделал железные вставки в погоны, чтобы они не гнулись. Короче, Витёк уже не казался окружающим тем чмошным духом, который два месяца назад убыл из части. Всё это нравилось экзаменаторам и поднимало его собственную самооценку.

НОВЫЙ ДРУГ И ЕГО ДЕД

По пути в расположение своей роты Витёк заметил, как неуклюжий гражданский абитуриент тащил на помойку мусорное ведро. Его подозвал сидевший в курилке военный и что-то сказал. Гражданский развернулся и пошёл дальше, а солдат поднялся и стал приставать к тюфяку. Началась обычная разборка. Злость всё не проходила, её надо было куда-то слить, да и терять Витьку было нечего, всё равно, считай, выгнали.

– Эй, военный, тебе чем это туловище навредило, чего от него надо?

В этом военном Витёк узнал Ваську, с которым познакомился на медкомиссии.

– Витёк, привет. Да вот попросил духа курилку прибрать, а то меня наш сержант припал как первого отстрелявшегося.

– Что, всё сдал?

– Ну да, теперь мандатка, и всё.

– Поздравляю, у меня тоже теперь мандатка, и всё, – с грустью сказал Витёк. Он отвёл в сторону Ваську и приглушённым голосом продолжил: – Ты это, не надо на гражданских наезжать. Те, кто остался – они ведь все с мохнатыми лапами. Тебе самому это как бы боком не вышло.

– И чего, мне теперь самому курилку убирать?

– Убирать не обязательно, а вид можешь сделать, не обломишься. Ты только несколько месяцев назад черпаком стал. А до этого сам летал как дух. А здесь, вообще, дедовщины нет.

– Ума у тебя до хрена, Витёк. Ладно, вечером приходи к нам в каптёрку, чайку попьем.

– До вечера.

Витёк поплёлся в расположение роты. Он и не предполагал, что Ваську так просто удастся убедить в своей правоте. По дороге его уже с пустым ведром догнало то самое туловище, из-за которого произошёл весь сыр-бор у курилки и которое было по-детски радо счастливому исходу столкновения с воякой.

– Товарищ младший сержант, спасибо вам большое.

– Спасибо в карман не положишь, – буркнул Витёк, напряжённо искавший в мозгу возможные варианты своего спасения.

– А что вам нужно, товарищ младший сержант? Ко мне в выходные родители приедут, они вам всё что угодно привезут.

– Пусть верёвку с мылом привезут.

– Зачем?

– Вешаться буду. Сразу после мандатной комиссии. Получу в штабе предписание ехать обратно в часть, соберу вещмешок, выйду за КПП и там повешусь на ближайшей берёзке. Короче, отстань. Меня в институт не приняли, да и ты ещё достаёшь. Отвали, добродетель хренов, а то сейчас точно все курилки в учебном центре вылижешь.

Витёк сорвался и последние слова просто выкрикнул в лицо дотошному гражданскому. Как ни странно, туловище вовсе не испугалось, а улыбнулось и представилось:

– Меня зовут Андрей Маркин. И я попытаюсь что-нибудь сделать для вас, если, конечно, вы возьмёте себя в руки и объясните суть проблемы. Вы курите?

Витёк просто опешил от наглости этого даже не духа, а обычного гражданского абитуриента, который ещё месяц назад был простым школьником. Мало того что это туловище достало своей вежливостью и давит наглую лыбу ему прямо в лицо, так оно ещё и сигарету у некурящего младшего сержанта стрелнуть хочет. Витёк уже был готов дать волю эмоциям и заставить это туловище выполнить все команды, которые сам когда-то выполнял по приказу черпаков и дедушек в части. Но тут в его мозг постучали: «Идиот, это твой шанс».

– Курева нет, – промычал Витёк, постепенно сменяя гнев на милость.

– Я угощаю. Давайте отойдём в сторону, и вы мне поведаете о ваших трудностях.

Андрей достал пачку «Мальборо» и повёл ещё плохо осознающего, что вокруг него происходит, Витька в ближайшую курилку.

Когда они присели на скамейку, Андрей смачно затянулся, а Витёк, принявший у нового знакомого протянутую сигарету, закашлялся, как обычный некурящий, и начал свой рассказ. После нескольких наводящих вопросов, касающихся оценок, полученных на вступительных экзаменах, Андрей попросил Витьку проводить его сегодня ночью в штаб, откуда предполагалось начать прокачку мазы посредством обычного телефонного звонка. Витёк понял, что это действительно его шанс, успокоился и пошёл узнавать, кто из солдат заступает сегодня помощником дежурного по лагерному сбору.

Но новый знакомый был не так прост. Андрей хотел решить и свои вопросы посредством авторитета в солдатской среде своего нового знакомого.

После отбоя всё произошло, как и было задумано. Вообще-то, Витёк понятия не имел о том, что в штабе есть московский телефон. В наряды он обычно ходил на кухню или на КПП. А вот про то, что, пойдя помдежем, можно было получить от гражданских и шоколад, и даже бутылку заморской, но уже производимой в СССР «Пепси-колы», он узнал только этой ночью. Для военных звонки в Москву были бесплатными, потому Андрею и нужен был Витёк. На самом деле, помимо прокачки мазы за младшего сержанта Чернова, Андрею необходимо было попросить родителей привезти его записную книжку с телефонами знакомых девчонок и парней, которых хотелось вызвать в учебный центр в воскресенье. Андрей собирался позвонить деду-генералу и озадачить его всеми упомянутыми проблемами. Что он и сделал с помощью Витьки.

– Дедуль, привет, ты в субботу приедешь?

– Что-то случилось?

– Да нет, всё в порядке, тут просто кое-какая помощь нужна, я сейчас из штаба звоню, и я тут не один.

– Андрюш, иди в палатку. Я всё устрою.

С этими словами генерал-полковник Сёмин положил трубку и, не задумываясь, набрал номер своего референта.

– Григорий Тимофеевич?

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник, – несмотря на поздний час, на другом конце провода чётко ответил референт.

– Будь добр, сделай так, чтобы начальник лагерного сбора вызвал к себе моего внука и дал ему позвонить мне.

– Есть, товарищ генерал-полковник!

Полковник Вязов уже давно привык к генеральской необычности и хорошо понимал, что альтернативой для его сегодняшней московской жизни и прислуживания генералу могла быть жизнь и служба где-нибудь на Камчатке или в Забайкалье. И потому Григорий Тимофеевич со снисхождением относился к причудам начальника. Однако надо было что-то делать. Полковник Вязов после некоторых манипуляций узнал все нужные номера телефонов. Не дозвонившись до начальника лагерного сбора ВКИМО, он решил найти его через дежурного. Он позвонил именно на тот телефон, с которого генеральский внук связывался со своим дедом и где уже находилась толпа абитуриентов, жаждущих общения.

– Алло, – раздалось на другом конце линии.

Григорий Тимофеевич, не услышав ожидаемого: «Дежурный (или помощник дежурного) по лагерному сбору военнослужащий такой-то» – опешил и подумал, что ошибся номером.

– Наташ, это ты? Ты меня слышишь? В воскресенье приедешь?

После этой фразы всё стало на свои места. К полковнику вернулось военное сознание и понимание ситуации. Связь оборвалась во время разговора абитуриента, и в этот момент

прошёл его звонок. Поднаторев за годы службы в кабинетных интригах, но оставаясь при этом весёлым человеком, полковник продолжал как ни в чём не бывало.

– Извини, Наташа больше говорить с тобой не будет.

– А что случилось? Ты кто?

Голос на другом конце провода звучал удивлённо и явно раздосадованно. Полковника немного покорило это «ты», и он решил преподать урок невоспитанному абитуриенту.

– Наташа в туалете, у неё сильный токсикоз, а я её папа.

– Папа? А что с Наташей? Она заболела?

Голос звучал испуганно, и полковник чуть не рассмеялся в трубку, понимая наивность своего собеседника.

– Я же сказал: у неё токсикоз, беременна она, молодой человек.

– А от кого?

Вопрос прозвучал настолько естественно и глупо, что полковник на несколько секунд убрал трубку от уха, закрыл микрофон рукой и, присев на табуретку, дал волю эмоциям, а проще говоря – заржал.

– Мне она не говорит. Может, вы мне что-нибудь расскажете? – душевным, всё понимающим голосом продолжал Григорий Тимофеевич. После многих лет дворцовых интриг и борьбы за место под солнцем в кабинетах со звёздно-лампасными обитателями сейчас, несмотря на поздний час, он действительно наслаждался своей работой.

– Да мы с ней всего два раза...

Полковник просто согнулся пополам от беззвучного хохота с хрюканьем, как в молодости. Он зажимал микрофон трубки рукой. Услышав непонятные звуки, в коридор прибежала его любимая собака, а за ней пришла не менее любимая жена. Она когда-то выбрала из толпы курсантов своего Гришу именно за его весёлость и готовность шутить даже в самых серьёзных ситуациях. Григорий Тимофеевич знаком показал, чтобы она взяла трубку второго телефона, находящегося в его кабинете, и послушала разговор.

– А тебе сколько раз надо было? Всё, дело сделано. Что дальше делать будешь, папаша?

– Я? – удивился незадачливый собеседник.

– Ну а кто? «Всего два раза»... Если не ты, то придётся в милицию заявлять, пусть она отца ребёнка ищет.

– И что же мне теперь делать?

– Дежурного или помдежа позови.

На другом конце провода, но явно не в трубку прозвучала фраза:

– Помдежа в дежурку!

И после некоторых непонятных звуков в трубке послышался наглый голос, который произнёс лишь одно слово:

– Алло.

Полковник уже давно не сталкивался по службе напрямую с военнослужащими срочной службы. Он как бы даже утратил жёсткую казарменную хватку, а вместо этого научился с пониманием относиться к проявлению некоторого армейского панибратства. Но этого наглого «алло» от какого-то сержанта, который, судя по всему, использует своё служебное положение в личных целях и позволяет гражданским абитуриентам звонить и принимать звонки откуда попало, он точно не ожидал. Это уже ни в какие рамки не вписывалось даже по самым демократичным понятиям штабного офицера.

– С вами разговаривает полковник Вязов. Представьтесь, пожалуйста, – с нарочито казённой интонацией произнёс полковник.

На другом конце произошло замешательство. Но через некоторое время в трубке прозвучало:

– Помощник дежурного по лагерному сбору сержант Казановский слушает.

– Товарищ сержант, пожалуйста, пригласите к телефону дежурного по лагерному сбору и доложите ему о происходящем в дежурке.

– Товарищ полковник, у нас всё в порядке, происшествий нет.

Полковник просто оторопел от подобной наглости, но ему было лень разбираться с наглцем по телефону.

– Ладно, не надо дежурного. Найдите мне начальника лагерного сбора и попросите перезвонить вот по этому номеру. – Вязов продиктовал номер сержанту.

– Как доложить полковнику Поддубко по поводу вашего звонка?

– Так и доложите: полковник Вязов звонил, интересовался проверкой мобилизационной готовности военных учебных заведений и так далее. Всё ясно?

– Так точно, товарищ полковник! Разрешите выполнять?

– Время пошло.

Полковник немного задумался, что делать с этим сержантом. Сначала хотелось стереть его в порошок, потом просто отправить обратно в часть, ну а в конце разговора уже, в общем-то, ничего не хотелось. Разве что наряд объявить за нарушение воинского этикета при обращении к старшему по званию и допуск посторонних лиц в дежурку. Григорий Тимофеевич посмотрел на часы и засёк время, которое, по его мнению, всё же могло повлиять на судьбу сержанта Казановского.

Сержант Казановский после разговора с полковником остался невозмутим, как танк. Служил он уже полтора года и привык практически к любым поворотам военной судьбы, но нарываться и вылетать из института при наличии всех шансов в него поступить ему однозначно не хотелось. Сержант вышел на крыльцо штаба и обратился к толпе сидевших в курилке военных и гражданских лиц.

– Где ты, отец ребёнка?

– Я, – откликнулся молодой, со взъерошенной белобрысой шевелюрой пацан, которому Вязов рассказал про беременность Наташи.

Курящая толпа заржала и начала отпускать всевозможные колкости в адрес белобрысого. Через много-много лет уже никто из сокурсников не мог вспомнить, почему этого парня прозвали Папа. История про разговор с полковником и якобы беременную подругу быстро забылась. Но кличка Папа привязалась к этому парню на все годы учёбы и службы.

– А почему ты ещё здесь? Убежал искать Поддубко! Вот тебе номер телефона, скажи, чтобы позвонил полковнику Вязову. Скажи ещё, что это по поводу проверки мобилизационной готовности военных учебных заведений. По выполнении доложить мне. Вопросы?

– Всё ясно, товарищ сержант.

– Я тебя не спрашиваю, ясно тебе или нет. Я спрашиваю, есть ли у тебя вопросы. И если их нет, то согласно уставу, положено отвечать: «Никак нет». Всё, убежал, три минуты на выполнение, время пошло.

Папа и впрямь припустил со всех ног. Видно, он действительно рассчитывал преодолеть расстояние более километра до домика начальника лагерного сбора за три выделенных минуты.

Полковник Вязов тоже не расслаблялся, он набрал номер дежурного офицера по ВКИМО. Дабы не было послесловий и ненужных разборок, полковник известил дежурного о якобы проводимой по указанию его начальника проверке мобилизационной готовности. После чего расслабился и положил трубку.

В коридор опять вошла собака, а за ней жена. Собака виляла хвостом, подбадривая своего любимого хозяина и вдохновляя его на новые служебные подвиги, а жена с любовью смотрела на своего Гришу, когда-то весёлого курсанта, а сегодня – кормильца семьи и отца её детей.

– Пошли спать, товарищ полковник.

– Иду, иду. Сейчас дождусь одного звонка и иду. Ты иди ложись, я скоро.

Собака, присутствовавшая при разговоре, развернулась и направилась в комнату. Григорий Тимофеевич улыбнулся, но, поймав ревнивый взгляд жены, осёкся и не стал рисковать, продолжая шутку. Через несколько минут Григорию Тимофеевичу позвонил полковник Поддубко. Он был старым и мудрым воином. Прекрасно знал, кто такой Вязов и кто начальник Вязова. Кроме того, начальник лагерного сбора знал и про внука Сёмина, находящегося сейчас в его учебном центре. Через полчаса в квартире генерал-полковника, деда Андрея, раздался телефонный звонок.

– Вас беспокоит полковник Поддубко, начальник лагерного сбора учебного центра ВКИМО. Я могу поговорить с генерал-полковником Сёминым?

– Слушаю вас, товарищ полковник.

– Тут один абитуриент очень хочет с вами поговорить. Вы не против, товарищ генерал-полковник?

– Ну мы же с вами, как отцы-командиры, должны проявлять заботу о личном составе, помогать ему преодолевать все тяготы и лишения воинской службы.

– Так точно, товарищ генерал-полковник.

Поддубко передал трубку пухлому абитуриенту, а сам вышел на крыльцо своего домика, находившегося в самом дальнем углу территории учебного центра. Старый полковник присел на ступеньку крыльца и закурил. За годы работы в военном институте преподавателем на кафедре тактики он много чего видел и перестал удивляться многому в этой жизни.

– Привет, дед, – несколько развязным голосом начал отрок.

– Привет. Ну рассказывай, что случилось.

Дед как бы пропустил мимо ушей панибратские интонации внука, но для себя сделал вывод, что с Андреем надо будет серьёзно поговорить о том, что, где, как и кому можно говорить, а в каких ситуациях лучше вообще не дёргать его, всё-таки генерал-полковник.

– Да ничего не случилось. Приезжай ко мне в субботу, привези, пожалуйста, мою записную книжку, чего-нибудь вкусенького и шампанского.

Генерал ухмыльнулся. Нет, его не удивила просьба привезти алкоголь. Он сам научил внука пить, когда тот только закончил восьмой класс. Его несколько покорила та интонация, с которой внук говорил с ним по телефону, и то, что подросток пока ещё не понимал, что не пристало целому генералу подгонять бухло в воинское подразделение для внука, который формально ещё и курсантом не стал.

По всему было видно, что мальчик наслаждался своим превосходством над сверстниками и с этим надо было что-то делать. Дед хотел воспитать внука обычным человеком. Он специально не брал его в свой дом на радость бабуле. Мальчик постоянно жил с родителями и посещал генеральскую дачу или квартиру только в дни семейных торжеств или когда родители уезжали в отпуск одни.

Биологическим отцом Андрея был военный, за которого дочь вышла с одобрения родителей. Но брак не сложился. Дочери не нравилось мотаться по дальним гарнизонам. А её муж не хотел просить тестя устраивать свою карьеру. Биологический отец Андрея достаточно пассивно относился к своему будущему в вооружённых силах. Ему нравилась служба в Сибири, где в свободное от основных обязанностей время он мог с удовольствием предаваться своим любимым занятиям – охоте и рыбалке. Он мог уйти в тайгу на неделю. Жена оставалась с сыном одна дома. Она сходила с ума от неизвестности и одиночества. Столичная девушка не могла найти себе подруг и друзей в таёжном крае.

Однажды, вернувшись с охоты, муж не нашёл дома ни жены, ни ребёнка, а на столе лежала записка с одной ёмкой фразой: «Уехали к родителям. Прощай». Муж не погнался за женой и ребёнком, он решил оставить всё как есть. Возможно, ему так было проще. Андрей практически не помнил своего отца. Мать привезла его в Москву, когда ему было всего четыре

года. От того человека, который был его биологическим отцом, у Андрея осталось лишь несколько фотографий в семейном альбоме, отчество Михайлович и фамилия Маркин.

В Москве ещё молодая мать, используя своё социальное положение и связи генерала-отца, быстро нашла себе и работу, и жильё. А через некоторое время у Андрея появился отчим. Дядя Серёжа был подающим надежды инженером, который недавно перешёл на руководящую работу. Он трудился на ЗИЛе. Сергей Васильевич не претендовал на место отца в жизни Андрея, но баловал его действительно по-отцовски. Иногда казалось, что этот управленец чувствует свою вину перед пасынком за то, что не приходится ему биологическим отцом, но при этом женат на его биологической матери. Молодая семья перебралась в более просторную квартиру недалеко от места работы Сергея Васильевича. Квартира хоть и была большой, но находилась в рабочем районе Москвы, населённом лимитчиками и детьми лимитчиков.

Двор, в котором рос Андрей Михайлович с ребятами из рабочих семей, научил его быть жестоким и наглым. Отношения внутри семьи и общение с родителями научили его быть вежливым и обходительным. Ну а благодаря генетическим качествам неформального лидера, перешедшим к нему от деда, и инстинктам выживания в любых условиях, передавшимся от отца-таёжника, он всегда был вожаком: в школе, в пионерском лагере, во дворе. Нескончаемые карманные деньги, выдаваемые отчимом, лишь укрепляли его авторитет среди нищих сверстников – детей лимиты. В детские годы Андрей любил власть и рвался к ней сознательно.

– А можно я со всем перечисленным отправлю к тебе бабулю или вообще шофёра? – задал осторожный вопрос генерал-полковник.

– Дедуль, я ещё по поводу учёбы поговорить хотел. Слышал я, в этом году ускоркурс набирают. Может, мне на него записаться?

– Андрюш, ты же хотел европейские языки изучать, в Европу поехать, а тут на тебе – ускоркурс. Зачем спешить и ускоряться в учёбе? И вообще, ты уже в армии, тут на курсы и языки не записывают. Это тебе не кружок «Умелые руки».

Генерал-полковник Сёмин лукавил. Он хорошо знал про ускоркурс, набираемый в этом году, но не предполагал, что внуку будет интересно, отучившись год в нереально интенсивном режиме, уехать из Москвы от своих друзей, а главное – от подруг, на два года, а то и больше, в Афган или Африку. Да и ему самому не очень-то хотелось отправлять единственного продолжателя рода на войну.

– Но после года ускор сразу лейтенанта дают. И жить дома можно, а не в казарме.

– Не лейтенанта, а младшего лейтенанта. А дома ты жить сможешь, если после двух лет войны живым останешься. И вообще, зря я тебя послушался, надо было тебя в МГИМО определять. Ещё не поступил толком, а уже романтики захотелось.

Дед начинал выходить из себя.

– Приезжай, пожалуйста, в субботу, всё мне расскажешь про ускор. Я должен понять все твои аргументы и принять обдуманное решение.

Андрей знал, на чём можно поймать деда, и старался этим пользоваться. Дед не терпел, когда с ним не соглашались домашние, и готов был идти на край света ради доказательства своей правоты. Внук же, пригласив своего оппонента в субботу в учебный центр, давал деду шанс выговориться и убедить себя. Дед был бойцом, выговориться для него было необходимо. Причём сделать это надо было по-мужски, лицом к лицу, а не по телефону.

– Ладно, приеду, – буркнул в трубку Сёмин. – Что-нибудь ещё? – казённым голосом спросил генерал-полковник.

По всему было ясно, что продолжение разговора будет только при личной встрече. Но Андрей Михайлович в свои юные года ещё не научился правильно оценивать эмоциональный потенциал собеседника. Он ещё не знал простого правила диалога: после разногласий не рекомендуется продолжать разговор просьбой, если, конечно, нет изначальной установки на получение отказа.

– Дед, тут одному военному надо помочь с поступлением. Его Виктор Чернов зовут. Он младший сержант, сапёр вроде.

– Андрей, я не всемогущ. И что вообще тебя связывает с этим младшим сержантом? Вы что, в одной палатке живёте? Сколько ты его знаешь?

– Нет, он в «западной» роте военных, из войск поступает. Мы с ним только сегодня познакомились. Он мне тут помог в одной ситуации, да и вообще хороший парень.

Генерал-полковник уже был готов метать молнии по поводу помощи всем «хорошим парням», но решил не эскалировать разногласия с внуком на новый уровень и потому остался дипломатом.

– В субботу обсудим и этот вопрос, расскажешь мне об этом «хорошем парне». Ну всё, давай, пока.

– До субботы.

Генерал-полковник положил трубку. О послешкольном устройстве судьбы внука разговор вёлся ещё с восьмого класса. Учился Андрей хорошо, был школьным активистом, завоевывал призовые места на научных олимпиадах и спортивных соревнованиях. Участь в восьмом классе средней школы, Андрей попросил деда устроить его в суворовское училище. Дед был не против, но мать Андрея однозначно отвергла эту идею. Ей не хотелось, чтобы сын повторил карьеру её мужа и отца. Дед ничего не мог поделать, ведь на стороне матери выступила ещё и супруга генерала. Андрюшка, как и дед, сдержал удар судьбы.

За подчинение воле старших выклячил, опять-таки через деда, разрешение заниматься в секции карате. В бывшем СССР в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов федерация карате только зародилась и попасть в секцию можно было лишь по большому благу. У подростков популярность этого вида спорта была выше, чем популярность генерального секретаря КПСС во всём Советском Союзе. Дед не очень разделял спортивные пристрастия внука, так как был воспитан в суровые довоенные годы, когда даже большой теннис считался не совсем советской игрой. Но за мирное принятие решения женской части семьи был готов поступиться своими спортивными пристрастиями. Деду вместе с Андреем пришлось отразить ещё один женский натиск. Мать и бабушка не рассматривали мордобой в виде японского карате как средство для физического развития ребёнка. Женщины есть женщины, и воевать с ними тоже надо уметь. На этот раз война полов в масштабе одной ячейки социалистического общества закончилась победой мужской половины.

Андрей пошёл заниматься карате в ДЮСШ ЦСКА³³. Там ему действительно нравилось, он с душой стал относиться к занятиям. Несмотря на свои неуклюжие формы, мальчик научился двигаться на татами и овладел определённой техникой боя. После года тренировок Андрей успешно сдал экзамен на жёлтый пояс и попал на товарищеские соревнования. Там Андрей не занял никакого места, но познакомился с ребятами-курсантами из военного института, которые заняли почти все призовые места и которых привёл на соревнования усатый тренер Касавин. Андрею очень захотелось потренироваться у Касавина, но на этот раз он решил обойтись без помощи деда. Подговорив одного из друзей по секции ЦСКА, он решил подойти к Касавину напрямую. Сделать это было непросто, ведь Касавин был практически главным каратистом СССР и потому сам выбирал, с кем общаться.

На следующих соревнованиях Андрей смог подойти к кумиру любителей японского мордобоя. Сначала разговор не получался, тренер сетовал на то, что он тренирует только курсантов и вообще военный институт – это не ЦСКА и с улицы туда не пускают. Но Андрей и его товарищ, выслушав все доводы, всё же сумели убедить главного советского каратиста в необходимости принять их.

³³ Детско-юношеская спортивная школа при Центральном спортивном клубе армии.

Во время разговора Тадеуш казался им молчаливым и таинственным гуру, немногословным и уверенным в себе, нахождение его секции в военном институте только усиливало эффект таинственности и принадлежности усатого гуру к миру избранных. Каково же было разочарование Андрея, когда после нескольких тренировок в спортзале ВКИМО он узнал, что Касавин – даже не военный, а работает простым сантехником в означенном военном учебном заведении. Основной доход его составляют пятирублёвые месячные сборы с курсантов. За время занятий в секции карате Андрей познакомился со многими курсантами – с юристами и с переводчиками. Отчим частенько завозил его на своих новеньких «Жигулях» на тренировку, а после неё с удовольствием встречал Андрея и развозил его друзей по домам. Андрей не стал Чаком Норрисом, но научился неплохо владеть своим телом, уворачиваться от ударов, блокировать атаки. Осенью он сумел сдать экзамен на оранжевый пояс и уже весной, перед самыми выпускными экзаменами в школе – зелёный.

Мать активно нахваливала карьеру инженера, агитируя Андрея пойти в технический вуз. Андрей отмалчивался, но ближе к Новому году заявил, что хочет пойти учиться в Орджоникидзевское ВОКУ³⁴. Это был ход конём. Андрей решил не повторять ошибок восьмиклассника и начать переговоры издалека, с самого нереального, на что родители не согласятся, даже если от его поступления в ВОКУ будет зависеть спасение планеты и всего человечества.

Его целью был военный институт. Там всё уже было знакомо и понятно, но по неудачному опыту поступления в суворовское Андрей твёрдо уяснил, что родители не желают для него военной карьеры. Переговоры шли трудно и долго. Мама настаивала на профессии инженера и предлагала помощь отчима с устройством в любой московский технический вуз. Бабушка склоняла внука к учёбе в МГИМО или ВШК³⁵, ссылаясь на хорошие связи деда в этих учебных заведениях. Дед и отчим, несмотря на все свои серьёзные связи, сохраняли нейтралитет. Андрей умело торговался, сначала снижая ставки до Одесского училища войск ПВО, а затем поднимая их до Рязанского воздушно-десантного.

Семейная дискуссия утихала и разгоралась с новой силой, пока в конце января Андрей не сказал матери, что, пройдя медкомиссию в районном военкомате, он подал рапорт во ВКИМО. Решение Андрея хоть и не было однозначно одобрено женским контингентом семьи, но тем не менее сердца бабушки и мамы несколько успокоились.

Дальше свою партию должен был сыграть дед. К сожалению, а может к счастью, в то далёкое советское время подача рапорта в военное учебное заведение вовсе не означала, что соискатель автоматически будет направлен для сдачи вступительных экзаменов в выбранное училище. Да и вообще военкоматам было строго-настрого приказано ни в коем случае не направлять мальчишек в военные учебные заведения, находящиеся в их родном городе. Рапорт Андрея как раз подпадал под этот приказ. Но за дело взялся дед, который и устроил всё в лучших традициях времён застоя.

После ночного телефонного разговора с внуком, организованного Вязовым, генерал прошёл в свой домашний кабинет, присел в любимое кресло и стал думать. Нельзя отправлять мальчишку на ускор. С этой мыслью генерал пустился в долгие мысленные переговоры с самим собой.

Ускоркурс создали специально в начале восьмидесятых при западном факультете для ускоренной подготовки переводчиков по образцу периода Второй мировой войны, когда полых переводяг с немецкого готовили из самых смышлёных школьников и молодых фронтовиков на курсах при Институте иностранных языков. На ускоркурс ВКИМО тоже брали ребят, поступавших из войск, или бывших суворовцев, но туда попадали и «почти обычные» школьники.

³⁴ Высшее общевойсковое командное училище.

³⁵ Высшая школа Комсомола.

Предполагалось, что эти ребята целый год будут интенсивно изучать португальский или один из основных языков Афганистана – пушту или дари. И после года интенсивного изучения, в течение которого почти тридцать процентов курсантов отсеивалось из-за неуспеваемости или по другим причинам, ускорники, получив погоны младшего лейтенанта, уезжали с португальским в Анголу и Мозамбик, а с дари и пушту – в ДРА. Некоторые, правда, попадали в учебные центры для подготовки иностранных военных специалистов, но, проработав там полгода или год, всё равно отправлялись на войну в страну изучаемого языка.

Звание младшего лейтенанта, присваиваемое выпускникам после окончания годичного ускоренного курса, было тоже не совсем обычным для ВС СССР эпохи застоя. Младший лейтенант – это даже не лейтенант и совсем не дипломированный выпускник с высшим образованием, но уже полноценный офицер советской армии. Мамлей, или микромайор, был феноменом, присущим только военному институту в мирное время. Звание младшего лейтенанта, введённое в Красной армии 5 августа 1937 года в качестве дополнения к постановлению ЦИК и СНК от 1935 года «О введении воинских званий», присваивалось «в военное время – выпускникам ускоренных курсов подготовки офицеров». Присвоение мамлей в мирное время формально не определялось никакими законами и постановлениями, за исключением соответствующего приказа Министерства обороны о присвоении этого самого звания. Военный институт в эпоху развитого социализма был единственным высшим военным учебным заведением, в котором присваивали микромайора. Возможно, единственным более-менее логичным объяснением этому феномену был тот факт, что война, пусть и холодная, в тот период для выпускников ВКИМО шла полным ходом.

Специалистов с языком для ведения той самой холодной войны Советскому Союзу катастрофически не хватало. Правда, официально это называлось не войной, а оказанием международной помощи странам, избравшим путь независимости, самоопределения и неприсоединения. Вообще, советская концепция ведения боевых действий на заморских территориях в плане использования иностранных языков и перевода радикально отличалась от той же концепции потенциальных противников Советского Союза. Англичане, американцы и французы не отягощали свой военный бюджет масштабной подготовкой своих военных переводчиков. В странах, где находились их военные, они организовывали курсы английского и, соответственно, французского языков, пройдя которые местный житель, то есть потенциальный боец развивающейся державы, мог научиться понимать команды офицеров-советников. Особо одарённым выпускникам таких курсов предоставлялась возможность постажироваться или поучиться в стране, оказывающей военную помощь, а затем, вернувшись на родину, работать переводчиками при зарубежных военных инструкторах или советниках. Надо заметить, что обучение в данном случае велось не за счёт бюджета Министерства обороны, а за счёт всевозможных благотворительных фондов и организаций, создававших NGO³⁶ на территориях стран, которым оказывалась военная помощь. Перевод и подготовка переводчиков в данном случае, конечно, оставляли желать много лучшего, но их уровня было вполне достаточно, чтобы акт коммуникации в боевых или штабных условиях состоялся.

Неправильно будет умолчать о том, что у наших врагов всё-таки был небольшой штат своих полноценных граждан, осуществлявших перевод. Но эти люди готовились в ограниченном количестве в специализированных языковых школах, дававших в лучшем случае звание бакалавра по их окончании. Был также незначительный контингент переводчиков, набранный из эмигрантов уже не в первом поколении, которые общались на родном языке внутри семьи и имели полноправное гражданство страны, оказывающей военную помощь. Обычно такие специалисты использовались на очень узких участках военного сотрудничества, связанных

³⁶ Non-government organization – негосударственная организация.

с ведением разведывательной, аналитической или деятельности по связям с общественностью и средствами массовой информации.

Наши военные специалисты не доверяли русскоговорящим союзникам из соображений безопасности, а также по другим, не всегда логичным причинам. Считалось, что местные переводчики – либо шпионы империалистов, либо переводят только то, что хотят слышать сами, и умалчивают о том, что слышать не хотят. Или просто-напросто боятся довести до своего местного командира то, что, по их мнению, противоречит его интересам и планам, опасаясь его возможного гнева. Нашим советникам, политработникам, особистам и другим уполномоченным товарищам не очень нравилось иметь дело с местным населением, которое считалось недоразвитым и хитрым. Кроме того, местными трудно было управлять.

Другое дело – наш переводяга, да ещё в погонах, он свой, его можно было и чемодан тащить заставить, и дежурным по миссии поставить, и к местному гинекологу с женой начальника отправить, и в бараний рог согнуть, если заартачится. За границей советские служащие и члены их семей жили в своём замкнутом анклав, их общение с местным населением не очень-то и приветствовалось, потому без своего советского переводчика давать советы и обучать армии развивающихся народов было принципиально невозможно.

У молодых пацанов, ставших в восемнадцать-двадцать лет младшими лейтенантами, однако, были неплохие возможности. Во-первых, они возвращались в совок после двух лет пребывания в горячих точках, неплохо прибрахлившись. Некоторые, сэкономив побольше валюты в командировке, по возвращении в СССР могли позволить себе купить даже машину. Во-вторых, учёбу они продолжали уже не как курсанты, а как слушатели, которые имели право проживать либо в «Хилтоне»³⁷, либо дома в Москве и чувствовать себя как студенты, только с офицерской зарплатой. В-третьих, к окончанию учёбы в двадцать четыре – двадцать шесть лет многие выпускались уже старшими лейтенантами и очень скоро после выпуска могли получить и капитана. В-четвёртых, большинство выпускников ускорa получали удостоверение участника боевых действий и, соответственно, все прилагавшиеся к нему льготы и почести.

Но всё перечисленное могло стать реальностью при соблюдении одного, но очень важного условия: нужно было выжить на войне, которая шла вдали от Родины. И ещё: нужно было остаться здоровым физически и психически. Последнее удавалось далеко не всем.

³⁷ Так курсанты и слушатели окрестили здание общежития, находившееся на территории ВКИМО.

ГЛАВА 2

ШТАБ ТОФ, ВЛАДИВОСТОК

Главкомандующий Тихоокеанского флота вице-адмирал Свиридонов Николай Эмильевич проводил оперативное совещание со штабным руководством в своём кабинете.

Много времени заняло выступление начальника политического отдела, в котором он поведал всем присутствующим о необходимости дальнейшего и повсеместного укрепления воинской дисциплины и бдительности военных моряков.

Выступление начальника службы тыла тоже было достаточно развёрнутым и продолжительным. После этого, раздав заслуженные подзатыльники главам управлений, отделов и командирам частей за различного рода нарушения, командующий не забыл поощрить командиров, корабли которых отлично провели последние боевые стрельбы в открытом море.

Перед окончанием совещания адмирал обратился к начальнику особого отдела флота, попросив его высказать своё мнение по поводу состояния текущих дел. Капитан первого ранга Семёнов не стал брать слово, заверив адмирала, что сообщит ему о состоянии дел на Тихоокеанском флоте в личном порядке.

– Товарищи флотоводцы, вы свободны.

Офицеры, поняв, что продолжения банкета не последует, в порядке старшинства покинули кабинет начальника. В кабинете остались адмирал и особист.

– Геннадий Петрович, не томи, что стряслось? – перекладывая бумаги на своём столе, начал адмирал.

Свиридонов давно знал Семёнова и не особенно восторгался его профессиональными и личными качествами. Он знал, что капитан первого ранга навряд ли скажет что-то особое, но портить отношения с особым отделом командующему не хотелось.

– Да чего уж тут томить. Я тут недавно по долгу службы разговаривал с одним подводником, который из командировки во Вьетнам вернулся. Так у него сомнения возникают по поводу нашей базы в Камрани³⁸.

Адмирал перестал перекладывать бумаги и с удивлением уставился на собеседника.

– Да ну, наш советский подводник наши базы за рубежом сомнению подвергает? И нужен целый вице-адмирал, командующий флотом, чтобы эту проблему решить? А особый отдел ничем помочь не может в данной ситуации? Ты здесь только за этим остался и ждёшь от меня оперативного решения проблемы?

По всему было ясно, что Семёнов либо не с того начал, либо выбрал неподходящий момент для разговора с вице-адмиралом.

– Товарищ командующий, позвольте закончить, – твёрдо продолжал капитан первого ранга.

Адмирал кивнул головой в знак согласия и вернулся к своим бумагам.

– После изучения рапортов и отчётов командиров кораблей и подлодок, базирующихся на нашей базе в Камрани, я частенько общаюсь с молодыми офицерами, прибывшими из командировки в СРВ. Разговариваю с ними по поводу той или иной информации, упомянутой в рапортах, да и просто про жизнь разговариваем, по душам, так сказать. Недавно с одним капитан-лейтенантом поговорил по поводу американских подлодок. Он считает, что американцы нас в Южно-Китайском море, сразу за вьетнамскими нейтральными водами, нагло пасут.

³⁸ База советского флота, которая находилась на побережье Социалистической Республики Вьетнам.

Командиры кораблей в отчётах и судовых журналах отражают факты преследования и дистанционного противоборства, но выводов пока не сделано.

– И какие же выводы вы предлагаете сделать, товарищ капитан первого ранга? – изобразив серьёзность во взгляде, чтобы окончательно не испортить отношения с особым отделом, спросил адмирал.

Николай Эмильевич не имел никакого желания обсуждать геополитические проблемы с начальником всех стукачей Тихоокеанского флота, но долг обязывал.

– Я думал, выводы – это компетенция командующего, а не особого отдела.

– А вам не кажется, что вы перекладываете проблему со своего стола на адмиральский, не предлагая возможного варианта её решения?

– Вы хотите сказать, что я боюсь трудностей?

– Да что вы, Геннадий Петрович, и в мыслях не было. Я лишь предположил, что у вас уже есть вариант решения проблемы с вражеской разведкой, со всеми ВМС США. Думал, вы мне тут идею подадите, как получить полное господство в проливах между Тихим и Индийским океанами. Да и вообще как получить стратегическое преимущество в регионе, полностью контролируемом Седьмым флотом США. Ну да ладно, сам напрягусь, поломаю голову. Глядишь, и с камраньской базой проблему решу, и вообще все моря от американского флота избавлю. Вы что, товарищ капитан первого ранга, первый день на флоте? Не в курсе, что за нами американцы по всем морям следят? Вы что, только от того капитан-лейтенанта узнали, что существует разведка ВМФ США, что у наших врагов базы на Филиппинах, на Гуаме, на Диего-Гарсия, в Японии, в Южной Корее, а в Таиланд и Сингапур они просто как к себе домой заходят? В Гонконге, между прочим, вообще Королевский флот Её Величества стоит. Короче, если у вас нет конкретных предложений, вы свободны.

Адмирал, выпалив всё это, понял, что перенервничал. Он закончил ковыряться в бумагах, налил стакан воды из графина, выпил и пристально посмотрел на особиста. Тому ничего не оставалось делать, кроме как молча покинуть кабинет командующего.

Николай Эмильевич, оставшись один в своём кабинете, задумался, с чего он так набросился на особиста. Командующий был человеком неконфликтным, даже наоборот, он всегда старался уйти в тень и всячески поддакивать начальству. Свиридонов хорошо помнил те времена, когда, будучи командиром эскадры подводных лодок на Камчатке, ему приходилось придирается к своим подчинённым в присутствии проверяющего, дабы оставить о себе хорошее мнение у проверяющего. После того как проверяющие уезжали, ему трудно было смотреть в глаза подчинённым, которых он прилюдно отчитывал. Но то был советский флот, и в нём надо было бить своих, чтобы чужие боялись. Он ненавидел всё это, но как без этого можно было продвигаться по службе, он не знал.

Особист не был проверяющим. Заискивать перед ним не было смысла, и вице-адмирал не стал сдерживать свои эмоции в этом разговоре. Какой-то каприз начал ставить ему задачи относительно решения стратегической ситуации в Тихом океане...

Свиридонов хорошо понимал, что одна база во Вьетнаме не могла противостоять всему Седьмому флоту США в регионе. Что могла сделать одна Камрань с ограниченными силами супротив противостоявших ей баз в Йокосуке, на Филиппинах, на Гуаме и в других портах Тихого океана? К тому же американские корабли как у себя дома могли швартоваться и в Сингапуре, и в Таиланде. А договор с Вьетнамом по количеству советских судов во многом связывал руки нашему флоту.

В соответствии с этим договором, в Камрани разрешалось одновременно находиться только восьми-десяти надводным кораблям, четырём-восьми подлодкам с плавбазой и до шести других военно-морских судов. На аэродроме было разрешено одновременное пребывание четырнадцати-шестнадцати самолётов-ракетоносцев, шести-девяти разведыватель-

ных самолётов и двух-трёх транспортных самолётов. А про то, как эта база нам досталась – отдельная история.

Вьетнамцы вообще не хотели пускать наших в Камрань, несмотря на то что их победа над Америкой стала возможна только благодаря советскому оружию и непосредственному участию во вьетнамской войне наших военнослужащих и советников.

Боевые ситуации во время войны доходили до абсурда. К очередному сбиту нашими ракетчиками американскому самолёту советских специалистов подпускали только после осмотра и снятия всех ценных узлов и механизмов китайскими коллегами. А китайцы участвовали во всех боевых действиях в лучшем случае как наблюдатели, а в худшем – как политагитаторы и идеологические наставники.

Наглость азиатов предела не имела. Об этом постоянно докладывали в центр и наши военные, и наше Первое главное управление КГБ. Но политический курс Коммунистической партии СССР обсуждению не подлежал. И потому наши расчёты продолжали сбивать вражеские самолёты, а во вьетнамской прессе появлялись рассказы о девушке Асин из деревенского отряда самообороны. Эта народная героиня с одной лишь винтовкой Мосина в руках, но с огромным чувством ненависти к захватчикам и любви к Родине в горячем сердце молодой вьетнамской патриотки запросто валила на многострадальную землю Вьетнама реактивные самолёты агрессора.

Наши советники предлагали поставить во Вьетнам вагоны бесплатных винтовок-трёхлинеек образца 1891 года, ржавеющих на складах ещё с гражданской войны, вместо дорогущих ЗРК, но вьетнамское командование вежливо отмалчивалось на подобные предложения. Так что винтовки продолжали ржаветь на складах в СССР, а ЗРК и их комплектующие регулярно доставлялись в порты Северного Вьетнама.

Можно было в чём-то согласиться с политикой вьетнамских братьев, пропагандирующих в своей печати боевые достижения крестьянки Асин. Глупо пытаться поднять дух родного прищуренного народа, описывая достижения бледнолицых зенитчиков из далёкой северной страны.

В 1975 году, когда янки были окончательно изгнаны из Социалистической Республики Вьетнам, началось самое непонятное. Вместо того чтобы отблагодарить старшего брата за помощь в победе над мировым империализмом и отдать ему в наилучшем виде Камраньский полуостров в качестве награды за помощь, правительство Вьетнама начало артачиться и гнусавить по поводу территориальной целостности страны. Ну а наши партия и правительство, вместо того чтобы перекрыть кран всесторонней помощи братскому, но жадному народу, как поступила бы любая капиталистическая держава, поставили призрачные идеологические интересы выше экономических, военных и геополитических. Наверное, именно в этом всегда и заключалась основная ошибка СССР в отношениях со всеми развивающимися странами.

Сегодня уже никто не может себе представить, как идеологию можно поставить выше экономических и геополитических интересов. Но такие времена были. И нет смысла судить наших дедов и отцов за те времена. Эти ошибки надо изучать и делать выводы.

Тем не менее Камрань мы всё-таки получили, не прибегая к экономическому нажиму. А помогли нам, как всегда, не здравый расчёт и прагматичность, а его величество случай и стечение обстоятельств. Проще говоря, русский авось.

После войны объёмы помощи братскому Вьетнаму постоянно росли. Взамен мы с 1975 по 1979 годы получали лишь одобрение и поддержку незыблемого политического курса ЦК КПСС всем вьетнамским народом и его коммунистической партией. К началу 1979 года, зализав послевоенные раны и подбавившись на советских харчах, вьетнамцы решили, по примеру старшего брата, продемонстрированному в Восточной Европе, установить своё господство в родном Индокитае, прибрав к рукам Камбоджу и Лаос.

Но не тут-то было. Китай уже давно имел свои интересы в Демократической Кампучии³⁹. Да что там интересы, Мао Цзэдун ещё в начале семидесятых годов выделил Пол Поту 260 миллионов долларов в виде военной помощи на свержение марионеточного режима генерала Лон Нола, который предоставил территорию страны и её армию в пользование американцам для ведения войны с Вьетнамом.

1975 год был годом крутых перемен в Юго-Восточной Азии. Вьетнамцы победили американцев, а Пол Пот со своими красными кхмерами сверг Лон Нола и начал эру кровавого правления, пользуясь услугами китайских советников и финансовой поддержкой Пекина.

К концу семидесятых красные кхмеры заартачились и перестали с прежним воодушевлением выполнять директивы Коммунистической партии Китая. Власти Пекина в срочном порядке вернули своих советников на родину и денег Пол Поту больше не дали. Вьетнамцы, прознав про эту ситуацию, решили её правильно использовать в своих интересах. И, создав из перебежавших в Южный Вьетнам кхмеров Национальный фронт освобождения Кампучии, в начале 1979 года с освободительной миссией двинулись на Пномпень.

И вот нашла коса на камень. Январь 1979 года: вьетнамские танки Т-54 идут колонной на Пномпень из Мок Бая, Южный Вьетнам, а китайские дивизии переходят границу СРВ на севере, продвигаясь с ожесточёнными боями к Ханюю. Руководство Компартии Китая ставит ультиматум правительству Вьетнама о выводе войск из Кампучии, зная, что у Пол Пота в случае успеха китайцев просто не будет выбора, кроме как броситься в родные китайские объятия и клясться в вечной любви, дружбе и преданности. Вьетнамцам пришлось разменять последний козырь, обратившись за помощью к ЦК КПСС. За дело взялся старший брат СССР. Пришлось грозить пальчиком правительству Поднебесной, усиливая группировку своих войск на протяжении всей дальневосточной границы с КНР. Мы провели учения с боевыми стрельбами поближе к Амуру и Уссури. Во время этих стрельб осколки снарядов случайно стали залетать на территорию приграничной провинции Хэйлунцзян. Результаты всей этой хитроумной геополитической рокировки свелись к следующему: китайские дивизии были немедленно выведены с территории Вьетнама; вьетнамско-кхмерская войсковая группа продолжила своё наступление на Пномпень; старший брат подписал с СРВ договор о праве использования военно-морской базы Камрань на двадцать пять лет.

Но не об этой геополитической ситуации думал сейчас адмирал. В его голове вертелись две мысли. Первая была про особиста, который просто так не отвяжется. А вторая касалась непосредственно флота. А с флотом на Тихом океане действительно не всё было так хорошо, как писали газеты. Вице-адмирал прекрасно понимал, что в случае начала войны есть большая вероятность того, что весь Тихоокеанский флот будет заблокирован противником во внутренних водах СССР. Американцам нужно будет провести лишь дистанционное минирование внутренних морей при помощи своей дальней авиации. Самолёты противника могут даже не пересекать при этом нашу границу. И всё. Наши корабли и подлодки не смогут прорваться к вражеским берегам для нанесения ответного удара. Конечно, уже ведутся разработки скоростных судов на воздушной подушке и экранопланов, которым водные мины нипочём. Но разве они смогут нести боевое дежурство в автономном режиме? Разве они смогут по полгода находиться в мировом океане? Разве они смогут перевезти достаточно сил и средств к берегам противника или вести бой в открытом море с авианосцем, защищённым эскадрой военных судов? Нет, для всего этого нужны корабли всех видов и подводные лодки. Ну а где их взять, если они будут заблокированы во внутренних морях?

Выход один – нужны военно-морские базы в других странах. Конечно, во флоте всегда есть корабли и подводные лодки, находящиеся на боевом дежурстве в океане. Но сколько их? Предположим, наш флот заблокирован. Тральщики пошли прокладывать проходы в минных

³⁹ Так называлось государство красных кхмеров. Оно формально просуществовало с 1975 по 1991 годы.

заграждениях, а для борьбы с вражескими судами срочно подтягиваются наши корабли, находящиеся на боевом дежурстве в открытом море. Сколько на это уйдёт времени, не знает никто. Война – это всегда потери, корабли надо ремонтировать, дооснащать, эвакуировать раненых. Адмирал знал, что сейчас это возможно только в наших внутренних портах и в Камрани. А если боевое столкновение произошло в Индийском океане? Американец быстро отступит на Диего-Гарсия или зайдёт в Сингапур. А куда деваться нашему судну, если оно имеет пробоины и раненых?

Все говорят о ядерной войне, но почему тогда американцы не использовали ядерное оружие во Вьетнаме? Ведь они так хотели прибрать его к рукам. С Японией в 1945-м получилось, и теперь Страна восходящего солнца – поистине непотопляемый авианосец США. Дело не в том, чтобы доказать, кто сильнее. Гораздо важнее заполучить то, чем владеет твой противник. А кому надо владеть заражённой местностью? Вкладывать баснословные суммы в ядерное оружие, а потом вкладывать ещё больше денег в дезактивацию радиоактивных территорий, на которых было применено ядерное оружие. Сейчас не то время, война ради уничтожения противника никому не интересна. Мир удачно поделён после Второй мировой войны. Сейчас время войны политической, и армия в ней нужна не только как механизм контроля важнейших геополитических точек, но и для демонстрации силы при случае.

Адмиралу вспомнилась ситуация, сложившаяся с авианосным крейсером «Минск» осенью 1980 года. Крейсер в то время выполнял боевые стрельбы в Сиамском заливе. Находился он там не случайно. Согласно разведанным, тайландская сторона позволила отрядам красных кхмеров войти на свою территорию для перегруппировки и пополнения припасов. Этот факт сильно затруднял дальнейшее продвижение вьетнамских войск вглубь территории Кампучии для полного освобождения страны от Пол Пота. Наши советники сообщали, что на вооружении у красных кхмеров появилось новое стрелковое оружие, мины и боеприпасы, а также переносные противотанковые и зенитно-ракетные комплексы английского, немецкого, итальянского, американского и израильского производства. Прежнее китайское вооружение красных кхмеров приходило в негодность и всё меньше использовалось в боевых действиях.

Кроме того, именно осенью 1980-го в Таиланд приехал высокопоставленный партийный руководитель КНР. Вполне возможно, что Китай надеялся возобновить помощь красным кхмерам через Таиланд. Всё это затягивало гражданскую войну в Кампучии на неопределённый срок. Кроме того, эта война кхмеров и вьетнамцев с красными кхмерами теперь могла перерасти в ещё один международный военный конфликт в Индокитае.

Китайцы после определённых затруднений в отношениях с Пол Потом в конце 1978 года действительно пересмотрели свои планы в отношении Демократической Кампучии. Но помимо Китая, у красных кхмеров к началу восьмидесятых годов начали появляться новые спонсоры. Капиталистические страны и их посредники активно заменяли старое китайское оружие и боеприпасы красных кхмеров европейскими и американскими более современными аналогами. Эти спонсоры удачно использовали территорию Таиланда для своей деятельности, а главное – они любыми способами пытались помешать распространению вьетнамского и советского влияния в регионе.

Причины для отправки крейсера «Минск» в Сиамский залив были вполне объективными, но решение о помощи братскому народу должны были принять стареющие номенклатурщики из международного отдела ЦК КПСС. Объяснить бывшим кавалеристам-будённовцам, понятия не имеющим, что такое Кампучия и зачем в Сиамском заливе нужен целый советский авианесущий крейсер, было невозможно. Кроме того, в Афганистане уже шла полноценная война, и партийные функционеры не хотели получить нагоняй от генерального секретаря за создание нового очага напряжённости в мире.

Тогда молодые вьетнамские коммунисты, вхожие в ЦК нашей партии, принесли туда несколько фотографий. Эти снимки запечатлели зверства полпотовцев в кхмерских деревуш-

ках, находящихся на границе с Таиландом. Кстати, до сих пор точно неизвестно, кто в действительности убивал кампучийских крестьян – красные кхмеры или доблестные вьетнамские освободители. Также много вопросов вызывало и местоположение тех деревень. Ни один вьетнамский политический деятель не мог точно указать на карте для наших военных, где были сделаны эти фото. В любом случае фотки растрогали горячие, но уже предынфарктные сердца наших стареющих коммунистов, бывших соратников уже давно почивших вождей. Приказ для военных не заставил себя ждать. Крейсер «Минск» был отправлен в Сиамский залив для демонстрации братской помощи и политической поддержки развивавшейся Народной Республики Кампучии Советским Союзом.

Таиланд не имеет общей границы с СССР и, в отличие от КНР и Японии, понятия не имел, на что потенциально готов советский авианесущий крейсер с полным боекомплектом, вертолётами и самолётами на борту. А готов он был, в лучших традициях российского флота, на то же самое, что и крейсер «Варяг». Но тайцы, к своему сожалению, в начале восьмидесятых ещё не знали про «Варяг» и не слышали песню: «Врагу не сдаётся наш гордый „Варяг“, пощады никто не желает». Представление тайцев о русских ничем не отличалось от общего их понимания западной культуры. В этом и была основная ошибка командования тайских ВВС.

Тайский самолёт-разведчик был направлен к нашему крейсеру, дабы испугать его и отогнать подальше в нейтральные воды. Местные военные были уверены, что, зная о нахождении в их портах кораблей Седьмого флота США, русские испугаются и отойдут. Но не тут-то было, после виража самолёта с тайскими опознавательными знаками над палубой крейсера что-то зычно загудело на корабле. Это было очень громко и непонятно, а потом всё затихло.

В воздух поднялись сначала самолёты, а потом и вертолёты. Тайский лётчик попытался вступить в переговоры с крейсером, но то ли его английский был не совсем понятен нашему капитану, то ли капитан плохо понимал по-английски, то ли лётчика просто не захотели слушать, он ведь пролетел над палубой, которая являлась территорией СССР. Значит, он стал, по сути, нарушителем государственной границы Советского Союза. С нарушителями государственной границы в СССР никогда не церемонились. Короче, всё началось с предупредительных выстрелов корабельной зенитной установки. Тайцу хватило ума изменить курс и полететь в обратном направлении к родному берегу. За ним в погоню отправились наши Як-38 и вертушки.

Никто не знает, что произошло в воздухе на самом деле, был воздушный бой или нет. Сбили тайца или просто постреляли ему вслед. Пустили пару ракет по побережью королевства или вообще не долетели до их территориальных вод.

Тем не менее на следующий день в наш МИД поступила нота протеста от правительства Таиланда относительно нападения на тайское воздушное судно, вторжения в территориальные воды страны и обстрела береговой линии и некоторых тайских островов советскими ВВС. Наши, конечно, отписались, что, мол, ничего такого в помине не было. Авианесущий крейсер находился за пределами территориальных вод, а судно, как и всё пространство над ним, является территорией СССР, которую вероломно нарушил тайский лётчик. Отписка отпиской, но по завершении дальнего похода командира «Минска» наградили орденом Красной Звезды. Тайцы же получили хороший урок, что в случае столкновения с русскими Америка за них не заступится. Здраво проанализировав ситуацию и сопоставив все векторы политических и военных сил в регионе, тайцы приняли верное решение: они запретили на некоторое время полпотовским подразделениям беспрепятственно переходить свою границу.

Китайскому представителю тоже дали понять, что Таиланд не будет предоставлять правительству КНР свою территорию для поставок оружия красным кхмерам в приграничные терри-

тории. Конечно, гражданская война в НРК на этом не закончилась, но и вьетнамцам в НРАК⁴⁰ стало гораздо легче вести боевые действия против красных кхмеров в приграничных районах.

Адмирал в то время по долгу службы следил за всем происходящим в Сиамском заливе. И после того как все события были детально проанализированы, укрепился в мысли о необходимости военно-морских баз на чужих территориях. Получалось, что один крейсер мог решить важную геополитическую проблему, просто находясь в нужное время в нужном месте.

Адмирал принял решение. Он приказал своему секретарю вызвать начальника разведки Тихоокеанского флота к себе в кабинет. В назначенный час после доклада секретаря в кабинет Николая Эмильевича зашёл главный разведчик Тихоокеанского флота СССР. Без лишних реверансов и даже не по уставу оба флотоводца подошли к карте мира и начали неторопливый разговор.

– Сергей Петрович, надо подумать, где нам можно ещё корабли швартовать за пределами нашей вотчины. Вьетнамцы с грехом пополам нам помогают, но этого мало, нужны ещё базы, – без предисловий начал командующий.

– Товарищ вице-адмирал, боюсь, не по зубам мне такая задача. С такими вопросами нужно сначала к главнокомандующему флотом, а то и к министру. Вопрос стратегический – не совсем моя вотчина.

– Ну ты мне тут про свои вотчины не рассказывай. Давай по порядку. Я пока не прошу тебя швартовать наши корабли у заморских берегов. Мне нужны твои мысли в форме аналитической записки относительно потенциальной возможности обслуживания и швартовки судов нашего флота в портах дружественных государств. А уже потом, с твоими и своими мыслями, оформленными соответствующим образом, я буду обращаться и к главнокомандующему, и к министру, если надо будет.

– А есть какой-нибудь критерий дружественности государства? Адмиралу явно нравился разговор с умным моряком.

– Скажем так, враг нашего врага, то есть враг нашего потенциального противника – наш друг. Хотелось бы ещё, чтобы наш друг имел выход к Тихому или Индийскому океану, так что Польша и Болгария однозначно не подходят. Да и вообще, постарайся рассмотреть что-нибудь в зоне ответственности нашего Тихоокеанского флота.

– Понятно, но трудно. У нас в Азиатско-Тихоокеанском регионе, кроме КНДР⁴¹ и Вьетнама, ничего пока нет.

– Спасибо за информацию, товарищ главный разведчик. Ты там задействуй свои каналы и дай мне возможные варианты с оценкой всех рисков.

– Товарищ вице-адмирал, разрешите свои каналы в разведке ВМФ задействовать. Хотелось бы также обратиться к мазуте береговой из ГРУ, у них агентура и аналитический отдел. Короче, сделать хорошо и втихую такую работу не получится.

– Да, шило в мешке не утаишь – это точно. Короче, работай, держи меня в курсе. В конце месяца доложишь о результатах устно. Если придём к единому мнению, будешь готовить детальную аналитику. Всё ясно?

– Так точно, товарищ вице-адмирал.

Начальник разведки попрощался с командующим и покинул кабинет. Николай Эмильевич со спокойной душой продолжил работу. Он знал, что особист по своим каналам однозначно узнает об этом разговоре с главным разведчиком. Адмирал убивал двух зайцев. Во-первых, смягчал напряжённую ситуацию, сложившуюся после утреннего разговора с особистом. И во-вторых, кто его знает, может и вправду найдётся место для военно-морской базы в его зоне ответственности ТОФ.

⁴⁰ Народно-революционная армия Кампучии.

⁴¹ Корейская Народно-Демократическая Республика – Северная Корея.

Не думал в тот момент адмирал, что за вполне рутинной кабинетной склокой потянутся события, которые изменят, сломают и загубят многие человеческие жизни не только на Родине, но и далеко за её пределами.

Очень часто люди, облечённые властью, не задумываются, что несёт за собой их действие или бездействие. Но нельзя их винить за это, ведь они простые люди, а значит, им свойственно ошибаться. Ни им, ни нам, обычным людям, не дано предвидеть последствия тех или иных поступков. Многие думают, что всему виной наши правители, хозяева жизни. Но ведь они такие же, как и мы. На месте любого начальника может оказаться твой сосед или ты сам. И где гарантия, что ты будешь лучше, чем тот адмирал? Ты ведь с ним одной крови.

Итак, машина была запущена.

ГЛАВА 3

УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ВКИМО

Андрей был рад, что ему всё-таки удалось назначить встречу с дедом в учебном центре в субботу. На радостях он решил перед сном заглянуть к своему новому знакомому Виктору Чернову и поделиться с ним радостью. Подойдя к расположению военных, Андрей понял, что там никто не спит. Из палаток слышалась гитарная музыка, армейский шансон. Воинская дисциплина и порядок в расположении военных коренным образом отличались от рот, в которых находились гражданские. Но это было вполне понятно и объяснимо. Гражданские имели уважение и беспрекословно слушались курсантов-командиров. Военным же курсант был не указ. Да и сами курсанты-старшины абитуриентских рот не сильно напрягали воинский контингент. Андрей заглянул в три палатки, ища Виктора. Витёк в конце концов нашёлся в курилке в компании двух моряков и одного погранца, завывавшего под гитару что-то про неверную девушку, чёрный сапог, караул и прозрачную росу⁴². Парни отошли подальше от курилки, чтобы поговорить наедине.

– Ну чё, удалось мазу за меня прокачать? – взял быка за рога Виктор Петрович.

Андрей сначала хотел привычно наврать деревенскому вояке – мол, всё в порядке, маза закачана, считай, ты уже курсант. Это было бы проще всего, и его новый друг наверняка сразу бы успокоился и отстал. Андрей понимал, что даже если завтра Чёрного отправят с вещами на КПП, то он даже не успеет найти его, чтобы расправиться. Тем не менее, не осознавая почему, Маркин решил сказать правду. Вечная игра со сверстниками и родителями, наполненная ложью, недомолвками и ухищрениями ему порядком опостылела. Андрей Михайлович решил попробовать жить по-новому. Начать изучение этого нового правдивого мира он решил именно с Чернова.

– Вить, пойми, не всё так просто. Дед приедет в субботу, тогда будет конкретный разговор. Сейчас пока никаких обещаний дать не могу.

– А я тебя, между прочим, на халяву в штаб звонить водил. Просто взял и сделал, ничего тебе не обещая. Да вообще, если бы не я, то ты сегодня все курилки бы в лагере вычистил. Неизвестно, что ещё с тобой Васька сделал бы за твою борзоту, – с нескрываемой злостью заметил Виктор Петрович.

– Извини, я не могу «просто», как ты, взять и сделать. Здесь Москва, свои правила, свои законы. «Просто» здесь не бывает. Это в твоей деревне всё за бутылку решить можно, с Васькой или с Петькой, а здесь – нельзя, другой уровень, другие отношения. Бутылка не работает.

Андрей тоже начал выходить из себя.

– Это я деревня? Ты вообще понял, что ты сказал и на кого прёшь, чмо гражданское? Мне терять нечего, всё равно выгоняют. И что меня теперь удержит, чтобы тебе морду не набить, чмо жирное?

Витёк попытался схватить Андрея за грудки, но тот сделал шаг назад, схватил Витьку за обе руки и слегка потянул на себя. Витьку вдруг стало трудно дышать. Хорошо поставленный мае-гери⁴³ пришёлся как раз в солнечное сплетение Чернову. Два года занятий карате не прошли даром. Андрей Михайлович поднаторел в боевых искусствах, а школьные и дворовые потасовки с детьми лимитчиков закалили дух будущего борца за идеалы социализма во всём мире.

⁴² Имеется в виду песня «Сбивая чёрным сапогом с травы прозрачную росу».

⁴³ Японское название прямого удара ногой.

– Товарищ младший сержант, поприседайте, легче будет, – слышался голос Андрея. В глазах у Витьки потемнело. – Дышите, дышите часто, но не глубоко. Правда, извините, товарищ младший сержант, я не хотел.

– Да пошёл ты, москвич хренов, чмо гражданское.

Злость Витьки границ не имела. Вчерашний школьник с лёгкостью отделал почти черпака Советской армии и при этом то ли издевался, то ли действительно извинялся. Витёк присел пару раз. Дышать стало легче, но злость не уходила. Внутри всё клокотало от ярости. Хотелось стереть это мешковатое чмо в порошок. «Не надо, всему своё время, после драки кулаками не машут» – подсказал опять невесть откуда взявшийся внутренний голос. Витёк потихоньку начал отходить физически и морально.

– А чего ж ты, Васька, таким же макарон днём не осадил? – сам не понял с какой стати задал этот глупый вопрос Витёк.

– Так ведь день был, да ещё около учебного корпуса, народу полно. Зачем мне лишние проблемы. За драку сразу отчислят, никакой мазы не хватит, – с ехидной улыбкой заметил Андрей.

– А за то, что меня ударил, не отчислят?

– Товарищ младший сержант, а разве я вас хоть пальцем тронул?

Вопрос, от которого Витьку стало не по себе, повис в воздухе. «Учись, вот как надо!» – снова подсказал внутренний голос.

– Понятно, – промышчал Витёк.

– Ну а что насчёт сегодняшнего звонка – толк будет или пора вещмешок собирать?

– Сделаю всё возможное, только уж и вы, пожалуйста, меня поймите: и в мыслях не хотел вас обидеть по поводу того, откуда вы. Здесь действительно свои правила и законы, в которых даже я не очень разбираюсь. Вам сейчас надо просто ждать и надеяться на лучшее.

– Ладно, проехали. А где ты так драться научился, если не секрет?

– Не секрет, конечно. Я два года карате занимаюсь, – как можно скромнее ответил Андрей.

– А по тебе не скажешь, что спортсмен, да ещё каратист. Меня научишь?

– Научу, если поступите.

– А чего ты меня всё на «вы» да «товарищ младший сержант» называешь? Меня Витёк зовут, давай уж по-простому, и разница в возрасте у нас всего один год.

– Хорошо, договорились. Ладно, я спать пошёл в расположение. Завтра нам видется нет смысла, а в субботу после отбоя давай здесь же встретимся. Но будь в зоне досягаемости в течение дня на случай, если дед захочет с тобой встретиться.

Андрей попрощался и пошёл в свою палатку.

Витьку спать совсем не хотелось. Плестись обратно, слушать гитарное завывание погранца тоже не было никакого желания. Виктору Петровичу необходимо было побыть одному, понять, что же всё-таки можно предпринять, чтобы не возвращаться в часть. А если уж возвращаться, то как получить ещё один шанс прорваться в военный институт на следующий год. Это хорошо, что он встретился с Андреем, но плохо то, что полез с ним драться. Эх, не надо было его жирным чмо называть. Обиделся, наверное, мажор. И сейчас чего с него взять? Он если даже ничего не сделает, всегда может сказать: «Извини, ничего не получилось». Ещё обиднее сделалось младшему сержанту Чернову от мысли, что этот мешковатый москвич Андрюша с лёгкостью мог дать отпор настоящему младшему сержанту, прожжённому духу Советской армии. Конечно, в Спас-Клепиках про карате слышали, а вот видели его только в кино «Пираты XX века». Это вам не Москва, где всё есть, иди и занимайся. Негатив навалился на Витьку со всех сторон. Казалось, лучше бы и не было этой поездки на абитуру, не было бы никакого закоса от армии. Сидел бы Витёк в части, исполнял обязанности духа и ждал черпачного перевода. Так нет, на тебе, посмотри, Виктор Петрович, какие перспективы

бывают, только они не для тебя. Попробуй деликатесы, только не глотай, а пожуй, выплюнь и забудь. Услышь музыку для души, только не смей её напевать. Опять злость на самого себя и зависть к не таким, как он, выжимали слёзы из души младшего сержанта. Витёк не умел молиться, но очень хотел обратиться за помощью к кому-нибудь всесильному. Он был готов отдать даже сам не знал что за возможность быть услышанным. А там, где есть спрос, всегда найдётся предложение. Только не знал Витёк, что не надо просить того, что у тебя уже есть. Наверное, в том и состоит лукавый умысел: заставить человека просить и жертвовать ради того, что он и так имеет. У будущего начальника курса Лескова и в мыслях не было выгонять младшего сержанта Чернова. Витёк был практически уже курсантом.

Человек слаб, а потому его желания часто преобладают над его верой. Ведь действительно намного проще пожелать несбыточного или чего-нибудь необычного, чем просто поверить в то, что это может и должно произойти. Вера – это очень сложный феномен для многих. Как простой парень из Спас-Клепиков, воспитанный школой и родителями в духе атеизма и материализма, мог понять все нюансы, связанные с ней? Он не святой, а потому не будем судить его за вождение, злость, зависть и отсутствие веры.

Витёк бродил по лагерю наедине со своими мыслями и сам не понял, как оказался опять около штаба. Было очень поздно, толпа желающих позвонить заметно поредела. На крыльце штаба с сигаретой сидел всё тот же сержант Казановский.

– Привет, Чёрный. Чего спать не идёшь? Или ещё какого гражданского на халяву позвонить привёл? – с ехидной подколки начал разговор помдеж. Казановский не был близким знакомым Витька, но был с ним в одной роте. Под конец экзаменов почти все военные стали друзьями. Осталось их не так уж и много.

– Не, халявы больше не будет. Думаю, может самому куда-нибудь позвонить.

Виктор Петрович не понял, зачем он это сказал. В Спас-Клепики он звонить на соби-рался. А куда ещё можно позвонить глубокой ночью? Но вопрос этот недолго оставался без ответа. В записной книжке быстро отыскились московские телефоны – сначала Женька, а потом Селицких. С Женьком была договорённость звонить после поступления, но на сегодняшний день это условие выполнено не было. С Селицкими всё проще – можно было им позвонить в любое время и попросить передать привет родителям, сообщив, что Витёк пока в учебном центре в Свердловском. Конечно, неудобно звонить посреди ночи, но военному это простительно, типа в другое время не смог, извините.

– Ну позвони куда-нибудь, только быстрее. Сейчас докурю и буду закрывать переговорный пункт. Спать пора.

Казановский опять ушёл в свою безмятежность и пофигизм – наверное, это состояние являлось его спасительной нирваной, в которую он, всё повидавший на своём военном веку дедушка Советской армии, мог спокойно погрузиться, чтобы не сойти с ума или не натворить чего-нибудь неуставного.

У Селицких долго никто не брал трубку. В конце концов младший сержант Чернов услышал сонное «алло». Витёк представился и попросил позвать дядю Юру.

– А папы нет, они с мамой в санаторий поехали. Если что-то срочное, скажи мне, они мне завтра звонить должны, я всё передам.

– А Саша спит? – вспомнил про своего нового московского друга Витёк.

– Нет его. Сашка с друзьями в Сочи поехал отдыхать.

Витёк понял, что разговаривает с Сашкиной сестрой, но никак не мог вспомнить её имя.

– А чего ты ни с родителями, ни с Сашкой никуда не поехала? Скучно, поди, одной дома?

Виктор Петрович не мог понять, почему ему вдруг захотелось продолжить разговор с юной леди. При первом знакомстве её образ никак не отложился в его памяти. Помнилась лишь какая-то мальчишеская стрижка, спортивная фигурка в домашнем растянутом спортив-

ном костюме, явно доставшемся от старшего брата, и правильное, несколько детское личико, возможно, ещё не знавшее косметики.

– Я в школе, на отработке⁴⁴ – скучать некогда. Стены белым, потом окна и полы от побелки отмываем.

– Да, жизнь у тебя не сахар. Но не переживай, зато тебе в армию идти не придётся после десятого класса.

Сам не понял с какой стати Виктор Петрович по-отечески решил успокоить младшего товарища противоположного пола.

– А тебе – рожать после свадьбы или даже вообще без свадьбы, – без тени смущения или обиды парировала отроковица на другом конце провода.

Младший сержант Чернов поперхнулся и покраснел от смущения. На такие темы ему доводилось говорить только с сослуживцами в казарме после отбоя.

– Да уж, это точно, – с задумчивостью в голосе медленно произнёс Витёк.

– Судя по тому, как ты нерешительно это сказал, уверенности в этом у тебя нет, – хихикнул голос на другом конце провода.

– Нет, нет, уверен – сто процентов, – затараторил младший сержант, а сам краснел всё больше и больше, оглядываясь на дверь в дежурку. Очень не хотелось, чтобы Казановский или ещё кто-нибудь застал его в таком смущённом виде. На другом конце провода уже раздавался звонкий девичий смех.

– А ты чего звонишь-то, чего случилось?

– Нет, всё в порядке. Просто хотел через дядю Юру привет домой передать, но раз его нет, тогда не надо. Кстати, а когда он из санатория вернётся?

– Наверное, недели через две. А ты уже поступил? Можно поздравить? – Невинный вопрос словно ножом резанул по больному месту.

– Экзамены вроде сдал, но решение будет принято в понедельник на мандатной комиссии. Не знаю, что и как они там решат. Мне уже всё равно.

Чернов пытался казаться бывалым пофигистом. Но это у него не очень получалось. Его выдавала неуверенность в голосе. Светка уловила нотки неопределённости в голосе Виктора Петровича и решила его подбодрить:

– Раз все экзамены сдал – значит, примут.

– Посмотрим.

Разговор на этом месте остановился. Ребятам хотелось продолжить общение, но ни он, ни она не знали, что сказать. Наверное, такое молчание лучше всего может доказать, что люди друг другу безразличны. Сказать нечего, а закончить разговор не хочется ни ему, ни ей. Когда мы становимся старше, мы приобретаем навыки общения с противоположным полом и прекрасно научены, чем и как можно заполнить такие паузы. Но в юношеском возрасте всё развивается само собой. Простое молчание и нахождение рядом или даже на другом конце телефонного провода доставляет внезапное удовольствие. Это просто приятно и не требует объяснений.

– Хочешь, я приеду к тебе в воскресенье? В городе всё равно делать нечего, жарко. – Светка первая прервала затянувшуюся паузу, хотя, возможно, сама не поняла, зачем она это сделала.

– Приезжай.

На самом деле, Витьку не очень хотелось, чтобы его видели с девчонкой сослуживцы. Начнутся разговоры, пересуды. В голове сидел деревенский стереотип: «Тили-тили-тесто,

⁴⁴ В старших классах советской школы детей, как правило, отправляли на месяц работать в трудовые лагеря, находившиеся в колхозах или совхозах. Если у школы не было своего трудового лагеря, то детей заставляли выполнять различные работы, не требующие специальных навыков, в здании и на территории школы.

жених и невеста». Но отказать он тоже не мог или, лучше сказать, пока ещё не научился делать это деликатно, не вызывая чувства обиды у противоположного пола.

После недолгого инструктажа по поводу того, как добраться до Чкаловской из учебного центра, собеседники распрощались и положили трубки.

КАК ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ СТРАНУ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВНУКА

По Щёлковскому шоссе на большой скорости в направлении посёлка Свердловский, презирая все правила дорожного движения, неслась чёрная «Волга» ГАЗ-24. Внутри транспортного средства находились два человека. На водительском месте сидел прапорщик, а на заднем сиденье комфортно расположился седой человек в белой льняной рубашке навыпуск и анти-советских джинсах Wrangler. Генерал-полковник Сёмин любил быструю езду и добротные, но не претенциозные шмотки, которые у него была возможность получать через спецраспределитель. Помимо этого источника, благодарные протеже генерала, направленные работать за рубеж по линии ГРУ, с удовольствием привозили своему патрону заграничные диковинки, приезжая в отпуск или возвращаясь насовсем.

Сегодня, в свой выходной, Сёмин ехал навестить внука Андрея в учебном центре ВКИМО. Предстоял серьёзный разговор по поводу не очень далёкого, но тем не менее очень значимого будущего продолжателя рода. Генералу предстояло отговорить Андрея Михайловича от идеи учиться на ускоренном курсе. Как профессиональный военный, дед хорошо подготовился к решающему бою и был настроен на победу. Однако, следуя всем догмам военной науки, надо было проработать альтернативные варианты и пути отхода на запасные позиции.

Дед выполнил домашнее задание. Он узнал в ГУКе⁴⁵ детали о языковых группах, набираемых в этом году по программе ускоренного изучения, а также проработал информацию о рисках, связанных с работой молодых переводчиков в странах, на которые были сориентированы эти группы. На этот год планировался набор двух групп с дари, одной – с пушту, двух – с португальским и одной – с кхмерским⁴⁶ языком.

В машине генерал доделывал домашку. Он дополнительно штудировал справку по Кампучии, которую взял в отделе аналитических материалов ГРУ.

ОБЩИЕ ДАННЫЕ. Официальное название страны на день подготовки документа: Народная Республика Кампучия (НРК). Занимаемая территория: 181 035 кв. км. По суше граничит: Вьетнам, Лаос, Таиланд. Государственное устройство: республика. Глава государства: председатель Народно-революционного комитета (Хенг Самрин, поддерживает политику СССР и ЦК КПСС), название должности изменено 27.06.81 на председатель Государственного совета. Глава правительства: председатель Совета министров (Пен Сован, допускал некорректные высказывания в отношении Коммунистической партии Вьетнама и внешней политики СССР).

НАСЕЛЕНИЕ. На начало 1981 года по приблизительным подсчётам составляет 6,7 миллионов человек. Основная этническая группа – кхмеры, составляют примерно 90% населения. Порядка 6% приходится на тямов, 3% приходится на этнических вьетнамцев и китайцев. Также в отдалённых районах на северо-востоке страны в провинциях Кратье, Стынгтраенг, Мондолькири и Ратанакири можно встретить дикие племена, называемые лыу (горец), состоящие из народностей (куй, монг, стиен, брао, тампуан, пиар, йарай), общая численность малых народностей не превышает 1% населения.

РЕЛИГИЯ. Основной религией в стране является буддизм тхеравады. Тем не менее в Анжкорский период, с XI по XIII века, в стране проповедовался буддизм махаяны. Ещё до буддизма махаяны в государстве, расположенном на территории современной Камбоджи, про-

⁴⁵ Главное управление кадров ВС СССР.

⁴⁶ С языками дари и пушту выпускники уезжали в Афганистан, с португальским – в Анголу, Мозамбик и некоторые другие африканские страны, с кхмерским – в Кампучию.

цветал сначала брахманизм, который был впоследствии смещён индуизмом. В настоящее время порядка 93% населения исповедуют буддизм тхеравады. Порядка 5—7% исповедуют ислам (в основном тямы). Также существуют незначительные малые группы населения, поклоняющиеся языческим богам. Во время французского протектората, с 1863-го по 1954-й, в Камбодже, как и во всём Индокитае, активно насаждалось католичество. На сегодняшний день католицизм практически не проявляется. Религиозные памятники и духовенство во время правления Пол Пота были жертвами его жестоких репрессий. На сегодняшний день религия отделена от государства, тем не менее многие политические, военные и государственные деятели покровительствуют буддийским священнослужителям и храмам.

ЯЗЫКИ. Официальным государственным языком является кхмерский язык, на нём разговаривает большинство населения страны. Французским языком владеет достаточное количество населения, получившее образование в доколониальной Камбодже. Городское население зачастую владеет вьетнамским и китайским языками. На тайском языке могут общаться жители территорий, примыкающих к границе с Таиландом на северо-западе и западе страны.

КЛИМАТ. Страна полностью находится в зоне тропического климата. Среднегодовая температура варьируется от +27 °С до +40 °С. Существуют два сезона, сухой и дождливый. Дождливый сезон начинается в апреле-мае и продолжается до октября-ноября. Самые дождливые месяцы – июль, август, сентябрь. Самые жаркие месяцы – февраль, март, апрель, начало мая. В декабре-январе – нейтральная погода, дождей нет, температура понижается, возможно падение столбика термометра до +20 °С.

ИСТОРИЯ. Первые упоминания о цивилизации на территории современной Кампучии можно найти в китайских и индийских летописях, относящихся к первому тысячелетию нашей эры. Кхмерская цивилизация возникла на стыке двух культур, индийской и китайской, о происхождении кхмерской нации существует множество легенд. Одна из них гласит: давным-давно монах Каундинья отправился искать истину. Но стихия была к нему неблагоприятна. Его корабль разбился во время шторма, а все члены команды погибли. Лишь один Каундинья добрался до берега, где он увидел самую прекрасную девушку на свете. Этой девушкой была принцесса Нага – дочь царя и повелителя всех змей. Каундинья попросил руки Наги у царя змей. И после того как он выдержал все испытания, царь змеиного мира выдал свою дочь за Каундинью. От этой четы, согласно легенде, и пошли кхмеры, населяющие сегодняшнюю Кампучию.

Историки утверждают, что причиной зарождения государственности в Индокитае были климатические условия, муссоны и пассаты. Эти ветры позволяли торговым судам передвигаться из Китая в Индию по рекам и по морю, а при смене ветра – в обратную сторону. Как правило, одного сезона, особенно для движения вверх по течению рек, не хватало для доставки товаров к месту назначения. В связи с этим корабли, поднимающиеся по Меконгу вверх, заходили на стоянку в озеро Тонлесап, где и дожидались изменения ветра. На берегах озера Тонлесап постепенно образовались сначала поселения, а позднее – государственные центры.

Первым государством на территории современной НРК была Фунань. Исторические документы, в которых упомянуто это государство, относятся к I веку нашей эры. На территории современной НРК ещё сохранились исторические памятники этого периода: это Ангкор Борей и Пном Да в провинции Такео.

Позже к югу от озера Тонлесап зарождается государство, известное как Ченла, или Ченла Воды. В начале VII века нашей эры королю Ишанаварману I удалось объединить два государства через слияние королевских династий, после чего столица объединённого государства была перенесена в Самбор-Прей-Кук (местность в провинции Кампонгтхом). Создание большого объединённого государства стало предпосылкой и источником возникновения великой Ангкорской империи.

В 802 году вместе с восхождением на трон Джаявармана II Ангорская империя начинает доминировать во всей Юго-Восточной Азии. Почти шесть веков ангорские короли (Джаяварман II, Индраварман I, Сурьяварман II и король-герой Джаяварман VII) укрепляли могущество своей империи. В те времена не было Таиланда, Лаоса и Вьетнама, была лишь одна Ангорская империя со столицей Ангор-Ват.

Но любые великие империи и цивилизации имеют своё начало и свой конец. Ангорская империя тоже не была исключением. После того как монгольские войска разбили племена, населявшие Юго-Западный Китай, начинается экспансия разбитых племён в Юго-Восточную Азию с севера. С запада начинается наступление бирманских и тайских племён, а с востока начинается давление тямских и вьетнамских народностей. В результате всего этого от Ангорской империи к середине XIX века остаётся лишь территория с границами современной НРК. Столица переносится в Удонг, а затем – в Пномпень, идут нескончаемые войны с соседними государствами.

Для того чтобы вообще не потерять свою территорию и государственность, кхмерские короли в 1863 году принимают протекторат Парижа. Начинается эпоха французского протектората. Французский протекторат как форма управления заморскими территориями был менее жестоким, чем английский колониальный режим. В 1953 году Франция добровольно отказывается от протектората Камбоджи и предоставляет стране полную независимость. Принц Сианук для всего народа создал иллюзию, что именно он путём переговоров и убеждений принёс независимость своей стране. Он становится национальным героем.

На самом деле к 1954 году Франция выкачала все основные ресурсы из страны, включая исторические ценности. Многие скульптуры из кхмерских дворцов и пагод украшают сегодня музеи Парижа. После Второй мировой войны доходы от заморских территорий Франции стали ничтожными в основном из-за появления технологий производства искусственного каучука. Натуральный каучук, производимый в Индокитае, был основным источником дохода Франции долгое время. Аппарат управления в Камбодже, Лаосе и Вьетнаме требовал государственных дотаций на своё содержание. Это было неприемлемо в послевоенный период. Экономический фактор явился решающим в принятии решения о предоставлении независимости странам Индокитая.

Получив независимость, принц Сианук отказывается от престола и начинает активно участвовать в политической жизни страны. Будучи монархом, он не имел права этого делать, согласно Конституции. Он основывает партию ФУНСИНПЕК. В период с 1955 по 1970 годы принц несколько раз становится премьер-министром и многократно по различным причинам отказывается от этой должности. Сианук, сделав свою страну членом «содружества неприсоединившихся государств», умело добивался помощи и поддержки как капиталистических, так и социалистических государств.

В 1972 году во время поездки Сианука в Китай в стране происходит переворот. К власти приходит проамериканский режим генерала Лон Нола.

Лон Нол полностью предоставляет территорию страны в пользование американской военицине. ВВС США, используя кампучийские аэродромы, активно бомбят провинции Раттанакири, Мондолькири, Свайриенг, через которые с севера на юг Вьетнама поступает оружие, боеприпасы и продовольствие. Сианук создаёт своё правительство в изгнании и начинает поддерживать ультралевое коммунистическое движение Пол Пота (настоящее имя Пол Пота – Салот Сар). Необходимо заметить, что именно Сианук впервые назвал сторонников Пол Пота красными кхмерами⁴⁷.

В 1975 году США уходят из Индокитая, сворачивают финансирование и военную помощь режиму Лон Нола. Без американской поддержки вооружённые силы марионеточного прави-

⁴⁷ На кхмерском это звучит как «кхмае крахом».

тельства страны не в состоянии вести боевые действия против хорошо вооружённых и обученных китайскими военными советниками красных кхмеров. Правительство Китая выделяет Пол Пота на военные нужды 260 миллионов долларов.

17 Апреля 1975 года, после занятия Пномпеня войсками красных кхмеров, начинается новая эра в истории страны. В концентрационных лагерях погибает порядка трёх миллионов человек. Страной управляет «Ангка»⁴⁸, население городов, интеллигенция, служители культа, чуждые революции антагонистические классы и социальные прослойки уничтожаются физически.

В 1978 году Вьетнам приходит на помощь братскому многострадальному народу Кампучии. Из несогласных, убежавших от зверств Пол Пота на территорию Вьетнама кхмеров формируется Фронт национального освобождения Кампучии (Ронасе самаки санкрух тиет Кампутия). 7 января 1979 года вьетнамские мотострелковые танковые части вместе с пехотными подразделениями Ронасе самаки санкрух тиет Кампутия занимают Пномпень.

Необходимо заметить, после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году между правительством Демократической Кампучии и новым китайским руководством возникают политические разногласия. Руководство Демократической Кампучии немедленно высылает всех китайских советников и специалистов. Прекращается финансовая и техническая помощь режиму Пол Пота со стороны Китая. В соответствии с некоторыми разведсведениями, разногласия между «Ангкой» и КПК возникли по вопросу переселения некоторой части китайского населения на территорию Кампучии и последующего создания на территории последней сателлитного государства, имеющего ограниченную местную автономию и руководимого из Пекина.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ (на день подготовки документа). Правительство Народной Республики Кампучия (НРК) под руководством Народно-революционной партии Кампучии (НРПК), возглавляемой её первым секретарём товарищем Пен Сованом, твёрдо стоит на пути борьбы с империализмом, колониализмом и пережитками последствий кровавого режима Пол Пота и последовательно укрепляет социализм на многострадальной земле великого Ангкора. НРПК поддерживает и постоянно укрепляет дружественные связи с компартиями других социалистических государств. На сегодняшний день НРПК насчитывает порядка 600 членов. Партия имеет представительства в Пномпене и Кампонгсаоме⁴⁹.

КПСС постоянно оказывает братскую помощь и поддержку революционному народу Кампучии. При поддержке СССР и Вьетнама в стране строятся школы, больницы, создаются объекты инфраструктуры. Установлено морское и воздушное сообщение с НРК. ВС СССР активно участвуют в военном строительстве вооружённых сил независимой Кампучии.

На сегодняшний день в стране открыты представительства главного военного советника СССР и ВНР, работает советский военный госпиталь в Баттамбанге. Но несмотря на все усилия дружественных государств, НРПК, правительства НРК, Фронта национального спасения Кампучии и контингента вьетнамских войск, находящегося на территории Кампучии, невозможно полностью контролировать все регионы кампучийской территории. Полпотовские прихвостни всё ещё активно запугивают население в провинциях.

Согласно последним разведанным, на вооружение красных кхмеров поступают техника и вооружение из капиталистических государств. В провинциях Сиамреап, Баттамбанг, Кампот, Кох Конг у подразделений красных кхмеров, взятых в плен в результате боевых действий, были найдены следующие образцы американского, британского и немецкого оружия: винтовки М-16, М-18, НК G3, ручной гранатомёт М-79, пулемёты М-60, М-30, ПЗРК Stinger, ПТУР Panzerfaust. Согласно показаниям допрошенных вьетнамскими воинами-интернациона-

⁴⁸ Дословный перевод с кхмерского – «организация».

⁴⁹ На сегодняшний день официальное название города – Сиануквиль.

листами красных кхмеров, подготовка и снабжение полпотовской армии осуществляются через британские и американские NGO, официально работающие на территории Таиланда. Из кхмеров, попавших в лагеря беженцев на территории Королевства Таиланд, сотрудниками NGO формируются новые подразделения. Эти подразделения носят форму красных кхмеров, но выполняют указания сотрудников разведслужб, работающих под прикрытием NGO. Подготовкой таких групп в Таиланде занимаются британские инструкторы из МІБ и ЦРУ, представляющиеся в лагерях беженцев работниками независимых гуманитарных и благотворительных организаций.

Монархически настроенные кхмеры, находящиеся за границей, во Франции и США, отправляют через лагерь беженцев средства на поддержку ВС Демократической Кампучии, возглавляемых Сон Сеном. Монархисты поддерживают борьбу красных кхмеров против вьетнамцев, считая последних оккупантами.

Несмотря на все сложности и проблемы, народ Кампучии трудится не покладая рук во имя созидания, мира и социализма, во имя счастливого будущего своей страны.

Помимо аналитической справки про Кампучию, генерал успел ознакомиться с такими же справками по Афганистану, Анголе и Мозамбику. Он также поговорил с офицерами, побывавшими в указанных странах. Из чего сделал вывод, что из всех языковых групп ускоренного курса, набираемого в этом году, самой безопасной будет кхмерская группа. По сведениям, полученным генерал-полковником Сёминым, во всех указанных странах, за исключением НРК, для переводчиков основной прерогативой была работа в своих или подсоветных⁵⁰ подразделениях, ведущих боевые действия. В Кампучии задача переводчиков сводилась к обеспечению работы аппарата ГВС⁵¹, осуществлению перевода по различным направлениям военнотехнического сотрудничества. Работа в учебных центрах по подготовке национальных кадров на территории СССР и других дружественных государств также требовала участия военных переводчиков, выпускников ускоренного курса.

В связи с тем, что страна устойчиво развивает социалистическое общество, перспективы военного и политического сотрудничества с Кампучией огромны. Так что во всех службах и структурах СССР всегда будет потребность в специалистах со знанием кхмерского языка. Так думал генерал-полковник Сёмин в начале восьмидесятых, забывая лишь о том, что всё относительно в этом мире. Современное дружественное государство может легко стать врагом завтра. А обиднее всего то, что оно вообще может стать отрезанным ломтём, забывшим о бывших друзьях и соратниках.

Молодой офицер ГРУ, который в 1979 году попал в Кампучию вместе с пехотным подразделением Фронта национального спасения Кампучии, в личной беседе поведал генералу следующее:

– Нашим советникам вьетнамцы практически не дают работать в войсках на периферии. Существует проблема разделения полномочий между вьетнамскими и советскими военными советниками, выполняющими свой интернациональный долг на территории Кампучии. По сути, в Кампучии после 1979 года правят вьетнамцы. Это вызывает недовольство со стороны кхмеров. Исторически в Камбодже синонимом слова «вьетнамец» является слово «захватчик»⁵². Советских военных специалистов допускают только до объектов в Пномпене и Кампонгсаоме. Мы обеспечиваем строительство складов в Пномпене (объект «Доп пи самнанг»⁵³), строительство базы ГСМ в Почентонге⁵⁴, устраиваем стрельбище рядом с дере-

⁵⁰ Подразделения национальных вооружённых сил, в которых в полевых условиях работали наши советники.

⁵¹ Главный военный советник.

⁵² На кхмерском языке – «аюн».

⁵³ Дословно с кхмерского – «Двенадцать построек».

вушкой Тхмат Пун в провинции Кампонгспы. Планируется поставка в НРК комплекса ПВО «Печора» С-125, в связи с чем ведутся подготовительные работы по установке стационарного радара в местечке Тан Красан⁵⁵. Наши военные советники, по сути, не владеют стратегической, тактической и оперативной обстановкой на линии фронта. Вьетнамцы всячески затрудняют передвижение советских военных специалистов по стране. Кхмеров, окончивших военные учебные заведения и курсы в СССР, по устному приказу вьетнамских советников отправляют продолжать службу в далёкие провинции, куда закрыт доступ для наших советников. Функции наших военных переводчиков в стране ограничиваются переводом текстов по различным тематикам в здании аппарата ГВС, дежурствами по аппарату, краткосрочными (в течение светового дня) выездами в Генеральный штаб и на объекты недалеко от Пномпеня.

Услышав всё это от своего подчинённого, генерал пообещал разобраться с ситуацией в стране, а для себя сделал вывод, что наименьшим риском для внука, попади тот на ускор, будет кхмерский язык. Непыльная работа в аппарате ГВС в Кампучии, а возможно, в учебном центре – самое безопасное военное ремесло для отрока. Вариант отхода на запасные позиции был полностью продуман и готов к применению.

⁵⁴ Название деревни, в которой сейчас находится международный аэропорт Пномпеня.

⁵⁵ Недалеко от аэропорта Почентонг. Этот радар имел двойное назначение: обеспечение полётов над территорией Кампучии и обнаружение летящих объектов, вторгнувшихся в воздушное пространство страны незаконно.

РАЗГОВОР ПО-РОДСТВЕННОМУ

Дед решил не расхолаживать внука помпезным въездом на территорию учебного центра. Машина была припаркована у КПП, а генерал, как обычный родитель, зашёл к дежурному и, не представившись, в порядке живой родительской очереди попросил вызвать Андрея Маркина из «западной» роты гражданских абитуриентов. Разговор состоялся на трибунах стадиона, где, впрочем, было немало и других родителей со своими чадами. Чада поглощали содержимое сумок, а родители задавали очень глупые вопросы относительно уклада жизни в лагере. Вообще, если убрать с футбольного поля разноформенных военнослужащих срочной службы, ожесточённо, иногда с крепким армейским словом гоняющих мяч на футбольном поле, всё увиденное человеком со стороны могло бы сойти за обычный родительский день в обычном пионерском лагере.

Подкормившись немного содержимым сумки вместе с внуком, дед, как и полагалось родителю, начал задавать глупые вопросы.

– Как вас тут кормят, сносно хоть? – Генерал издали начал подбираться к теме разговора.

– Конечно сносно. Всем ребятам родители продукты регулярно привозят.

– Я имею в виду вашу столовую. Как там еда?

– Не знаю, я там не питаюсь.

– Безобразие. А кто у вас командир роты? Почему он вас в столовую не водит? Я в понедельник разберусь с этим делом, всех в Забайкалье отправим служить. Докатились военные интеллигенты, с питанием личного состава вопрос решить не могут.

Дед начал выходить из себя, не понимая сарказма молодёжной коммуникативной системы. Андрея это забавляло, но он точно знал, что для достижения желаемого результата деда нельзя злить.

– Дедуль, в столовую мы, конечно, ходим строем и с песней, а вот питаемся после отбоя в палатках тем, что родители привозят, – решил исправить положение Андрей.

– Жаль, внучок, что я не ваш начальник лагеря, вы бы у меня не только в столовую с песней ходили, но и кушать бы армейскую пайку научились командно-строевым методом. И с родительскими пирожками бы враз покончил.

– Да, жаль, что не ты у нас начальник лагеря, дедуль, – хитро улыбаясь, заметил Андрей. Дед понял смысл улыбки внука и уже в более-менее добром расположении духа продолжил разговор:

– Ну так как у нас обстоят дела с выбором языка?

– Очень нужен ваш совет, товарищ генерал-полковник. Хочу быть правильным военным, боевым офицером, как ты, дед. Не хочу стать чиновником в Министерстве обороны, кабинетным воякой. Но не знаю, как получить боевой опыт и навыки, ведь мы сейчас ни с кем не воюем и вряд ли когда будем.

Андрей несколько дней продумывал, как добиться желаемого результата от деда. Идти в лобовую атаку было бесполезно – силы были неравны. Пришлось продумать вариант «Тщеславие», который предполагал мотивировать желание старика продолжать боевую офицерскую династию.

– Андрюш, война – это не шутки, там люди гибнут, а что ещё хуже – калеками возвращаются. Как мужик я тебя понимаю, но как военный хочу, чтобы ты сначала выучился, а потом уж как получится.

Деду очень импонировало желание внука стать боевым офицером. Борьбу вели между собой два чувства в душе генерала: чувство ответственности за судьбы членов семьи и тщеславие, подстрекаемое желанием внука быть похожим на деда не только по форме, но и по содер-

жанию. В кабинетах, да и просто в войсках, настоящим бойцом не станешь, для этого специальные обстоятельства нужны. А где ещё, если не на поле брани, найти такие обстоятельства?

В 1941-м будущий генерал убежал на фронт из кавалерийской школы, за что чуть не попал в дисбат. Но после первых боёв он хорошо понял, что такое война. Он точно определил, какие знания ему нужны, чтобы выжить, как надо побеждать и что всё это ему действительно нравится, несмотря на кровь, смерть и страх. Прошедших испытания бойней можно условно поделить на три категории. Первые – это те, кто, увидев все её ужасы, решил больше никогда в жизни не очутиться на поле брани ещё раз. Этим людям нельзя назвать трусами, они не бегут от врага и не прячутся за спины товарищей, но они не способны адекватно и моментально реагировать на быстро меняющиеся обстоятельства боя, а это опасно и для них самих, и для их товарищей. Вторые – наоборот, после первых разрывов и свиста пуль получают заряд адреналина. Это люди войны. Им нужен риск, опасность, они зачастую не чувствуют боли от ранений и травм, пока не закончится бой. После первых боёв или боевых столкновений они становятся наркоманами. Их наркотик – это адреналин войны. Им нужна победа любой ценой, жизнь человека в расчёт не принимается. Они очень резки и моментально соображают на войне, но отсутствие рамок саморегуляции отнимает у них возможность калькулировать боевые риски, что, как правило, приводит к необоснованным потерям. После войны, если такие люди не получают нужную дозу своего адреналина, они могут спиться, попасть в психбольницу или очутиться в тюрьме. Третьи – наиболее устойчивая категория военных. В буддийской терминологии таких военных называют «воинами срединного пути». Третья категория сочетает в себе качества как первой, так и второй группы. Это, как правило, трудяги войны, которым нравится их работа. Они реально оценивают ситуацию и могут принимать очень нестандартные решения. Война для них – не возможность самореализации, а трудная, но очень интересная и захватывающая работа. Они могут испытывать чувство страха, как и первая категория, но страх не отнимает у них способность просчитывать ситуацию и моментально реагировать на меняющиеся обстоятельства боя. Им также не чужд азарт сражения, но они не испытывают кайфа от прилива адреналина. Адреналин для них – средство оптимизации реакций организма, но не наркотик, туманящий здравый рассудок. После войны люди этой категории становятся хорошими армейскими командирами или гражданскими начальниками. Эти люди всегда заботятся о подчинённых, хотя иногда эта забота проявляется в форме дополнительных учений и тренировок, очень похожих на реальные боевые сценарии. Эти люди умеют также быть подчинёнными. Из третьей категории после войны получаются наилучшие учителя и воспитатели для молодого поколения.

До Второй мировой войны Сёмин вообще не хотел быть военным, он попал в кавалерийскую школу по комсомольской путёвке из краснодарского села, где жили его мать и отец. Он любил лошадей и думал учиться на ветеринара или коневода, но росчерком пера секретарь комсомольской организации колхоза «Карл Маркс – наш кормчий», или сокращённо КАМ-НАК, определил судьбу будущего генерала. Сбежав из кавалерийской школы в июне 1941 года, Сёмин попал в разведроту, где служили ребята с Кубани, которые называли себя казаками, хотя в сталинском советском союзе это очень не приветствовалось. Рядовой Сёмин отлично управлялся с лошадьми, очень скоро перенял у казаков искусство джигитовки. Он научился неплохо стрелять и драться на кулаках. Будущему генералу повезло: у него в наставниках были профессиональные потомственные вояки.

В очередном рейде по тылам противника красноармеец Сёмин был легко ранен и попал в госпиталь. Пробыв в госпитале неделю, он выписался с намерением вернуться в свою роту. Но судьба распорядилась иначе: будущий генерал решением командования дивизии был направлен на учёбу в разведшколу.

Генерал-разведчик хорошо знал, что такое война и какова его цена на ней. Ему подумалось сейчас о том, что не попади он в 41-м году в ту кавалерийскую разведроту всего

на несколько месяцев, неизвестно, каким бойцом он был бы сегодня. Те несколько месяцев боевой обкатки, крови и отступлений навсегда сформировали его бойцовские качества. Впоследствии, конечно, к ним приложились и знания, полученные в разведшколе и двух военных академиях. Но все эти знания не сделали бы из него настоящего бойца и военного трудягу, не попади он в своё время в ту кавалерийскую разведроту.

Когда он вспомнил всё это, тщеславие и мысли о военной династии захватили разум генерала, но это вовсе не означало, что он был готов отправить внука в пекло холодной войны.

– Андрюш, скажу тебе честно: я не хочу отдавать тебя на ускор. И мне, и твоей матери, и бабке будет спокойнее, если ты будешь учиться на западном факультете или, на крайний случай, на восточном. Я, если буду ещё жив к твоему выпуску, гарантирую тебе возможность служить в любом месте, которое ты сам выберешь. Готов отправить тебя хоть в Афганистан, хоть в Африку, хоть в Америку, хоть в Антарктиду. Но как мужик и боевой офицер я тебя понимаю. Так что не жди от меня совета. Как скажешь, так и будет. Но имей в виду, что я всё равно оставляю за собой право влиять на твою судьбу. Видишь, я с тобой до конца откровенен. Так что слово за вами, товарищ внук.

Дед постарался улыбнуться, но улыбка получилась грустной из-за слёз, появившихся во много повидавших глазах генерала. Андрюшке на секунду стало жалко деда. Но выбор был сделан, казалось, что обратного пути уже нет. А внутренний голос говорил: «Ты добился своего, но за это придётся заплатить».

– Я хочу учиться на ускор, хочу поехать в Мозамбик. Пожалуйста, помоги мне попасть в группу с португальским.

Андрей Михайлович смотрел деду прямо в глаза, давая понять, что его решение окончательное и давно обдуманное. Дед понял, что внук настроен решительно и битвы не избежать. Но война – это его конёк, и здесь он был готов дать фору внуку.

– Португальский – это неплохо. Для меня это просто, но для тебя это не перспективно. В африканскую мясорубку я тебя всё равно не отправлю, так что вся романтика для тебя после года ускора закончится либо в туркменской пустыне, в учебном центре, либо в бюро переводов на курсах «Выстрел» в подмосковном Солнечногорске.

– Дед, ну ты же сказал, что как я скажу, так и будет.

По всему было видно, что внук не ожидал такого манёвра. Инициатива в бою переходила на сторону профессионала.

– Так точно, но ещё я сказал, что оставляю за собой право влиять на твою судьбу. Ты видишь, я предельно честен с тобой. Я мог бы легко отправить тебя учить португальский, а через год упрятать на два года в учебный центр поближе к матери и бабке, не сказав сегодня ни слова о своём намерении. Но теперь ты знаешь всё о моих планах.

В боевых действиях произошёл коренной перелом. Операция «Тщеславие» имела успех, но сражение, которое начал внук, было проиграно. Деду оставалось только направить отступление вражеских войск по заранее приготовленным для них путям отхода.

– Ну и что мне теперь делать? Может, вообще забрать документы? – Внук решил предпринять последнюю атаку.

– Тебе решать. Хочешь забрать – забирай. Бабка будет рада тебя в МГИМО отправить. Думаю, даже вступительные экзамены пересдавать не придётся.

Дед успешно имитировал полное безразличие к словам внука. Сейчас нужно было сделать так, чтобы внук сам принял решение, подготовленное дедом.

– Какие у меня ещё есть варианты, чтобы через год попасть туда, где идёт война?

– Андрюш, извини, но про войну у нас с тобой вообще никаких договорённостей не было. Мы сегодня ведём разговор про то, будешь ты учиться на ускор или на обычном курсе. Если тебе интересно, то скажу, что в этом году на ускор будут набирать группы с португальским, дари, пушту и кхмерским.

– В Афган, я так понимаю, ты меня тоже непустишь, – абсолютно отрешённо рассуждал вслух Андрей. – Ну а в эту, как её там, страну с кхмерским языком – Кхмерляндию у меня хоть есть шанс попасть?

– В Народную Республику Кампучию? Не знаю. Там тоже сейчас неспокойно. Гражданская война идёт. – Дед опять изображал безразличие. Внутри него всё ликовало, операция удалась, оставалось лишь закрепить успех. – Но можно подумать что-нибудь насчёт аппарата ГВС в Кампучии. Или в учебный центр.

– Нет уж, если учебный центр, то лучше буду учить португальский. Ты мне слово дай, что я попаду в страну через год.

У Андрея не было обиды на деда. Сейчас он просто пытался азартно торговаться, как делал это в десятом классе для получения родительского согласия на поступление в военный институт.

– Андрюш, тебе надо было в торгаши идти, а не в военные. Ишь чего захотел – запиши его на ускор, да ещё отправь в страну изучаемого языка. Ладно, считай, что договорились – будет тебе заграница. Но только опять я оставляю за собой право поменять сегодняшнее решение и опять-таки влиять на твою судьбу и карьеру. Откуда я могу знать, что через год случится, тем более где-то в Юго-Восточной Азии.

Представители двух совершенно разных, но однозначно совковых поколений остались удовлетворёнными беседой. Некоторое время они просидели на трибуне, болтая ни о чём. Дед достал из кармана любимые внуком «Мальборо» и сам угостился сигареткой, подарив всю пачку внуку. Андрей предложил открыть шампанское, найденное на дне сумки, но дед устыдил его, сказав, что уж больно много посторонних глаз на этой трибуне.

Отнеся сумку с гостинцами в палаточный городок, внук вернулся к деду на трибуну со стопкой книжек, которые предполагалось отвезти домой за ненадобностью. Экзамены закончились, учить больше нечего, в понедельник мандатная комиссия. Говорить тоже больше было не о чем, дед направился к КПП, внук вызвался проводить его.

– Дедуль, а как насчёт моего друга младшего сержанта Чернова?

Момент, как показалось внуку, был подобран правильно, дед был в наилучшем расположении духа, его операция удалась.

– А что насчёт твоего друга?

Дед сделал вид, что удивился вопросу.

– Ну я тебе тогда по телефону рассказывал. Он все экзамены сдал, троек нет, а полковник Лесков на собеседовании сказал, что ему такие не нужны.

– Ну если твой друг не нужен Лескову, то, наверное, его уже взял какой-нибудь другой начальник курса. Сам подумай: младший сержант, армеец, сдаёт все экзамены, физо, проходит профессиональное тестирование и сидит, ждёт мандатной комиссии, ничего не делая. Если бы он действительно был здесь никому не нужен, его давно бы отправили обратно в часть. Так что не переживай, думаю, что с твоим другом всё в порядке.

– Дедуль, а может, всё-таки подстрахуешь, наведёшь справки? Я обещал парню, что помогу.

– Ты обещал, ты и помогай, я здесь ни при чём. А слово надо держать.

Генерал-полковник наслаждался своим всесилием и хотел немного подразнить подростка. Хотя перегибать палку нельзя, он ведь всё-таки единственный внук, да ещё хочет пойти по его стопам.

– Ладно, сделаем так: сейчас я этим делом заниматься не буду, и так много кому помог в этом году с поступлением в разные училища, не считая тебя. После мандатной комиссии, если твоего младшего сержанта действительно вытурят, звони моему помощнику полковнику Вязову. Он решит вопрос.

– Спасибо, дедуль. А что мне Витьке сказать?

– Скажи, чтобы не беспокоился, а после мандатки пусть сразу тебе доложит, как всё прошло. Ладно, давай, пока. Теперь уже в Москве встретимся.

– Есть, товарищ генерал-полковник!

Дед взглянул в юные, но уже не наивные глаза внука и понял, что это яблоко действительно упало очень близко от яблони. Деду очень не хотелось, чтобы оно случайно укатилось от дерева на недостижимое расстояние, и ради этого он был готов на многое.

ЛЕТО, ДЕВУШКА, САМОВОЛКА

Проводив деда, Андрей бегом побежал к палатке, где его ждали домашняя пайка и записная книжка с телефонами знакомых девчонок. Сейчас предстояло разобрать с приятелями сумку, легко перекусив её содержимым. Изучить записную книжку на предмет определения подходящих кандидатур женского пола, чтобы вызвать их завтра в учебный центр для приятного времяпрепровождения.

Потом надо найти Чёрного, объяснить ему ситуацию и ещё раз с его помощью решить вопрос с ночным походом в штаб для телефонных переговоров с заранее отобранными претендентками на воскресное randevu. Андрей Михайлович не стеснялся своего корыстолюбия, он привык во всём находить для себя выгоду.

Чёрный, как и предполагалось, сидел в палатке и обречённо ждал известий. Андрей опять не стал выдумывать и врать новому знакомому. Он в точности передал слова деда младшему сержанту. Настроение Витька после всего услышанного не улучшилось. Андрей старался изо всех сил успокоить товарища, но Витёк лишь становился более мрачным и безмолвным. У генеральского внука уже начали опускаться руки. От безысходности он задал ключевой вопрос, волновавший его лично:

– Поможешь сегодня позвонить ночью?

– А чё, опять с магарычом напряг? – злобно процедил сквозь зубы младший сержант.

– Да нет, если хочешь, пойдём сейчас вместе похаваем. И на вечер для помдежа тоже останется.

После этих слов злость на себя и зависть к московским небожителям захлестнула Виктора Петровича с новой силой. Ну почему одним всё, а другим даже одно место в элитном военном учебном заведении за счастье получить? Сам не зная почему, но вместо того, чтобы развернуться и уйти, как диктовали ему в данный момент все его чувства, Витёк, изобразив обречённый вид, согласился помочь со звонком. Андрей, удовлетворённый результатами переговоров, вернулся в свою роту. А Витёк опять поплёлся бродить по лагерю. Кто-то ужасно умный, сидящий то ли в душе, то ли в голове младшего сержанта, говорил ему: «Ты сделал первый шаг, злость и зависть должны быть профессиональными, а не любительскими – тогда они тебе помогут. Учись не отвечать на удары сразу, жди удобного момента».

Как любой совковый парень, Виктор Петрович никогда не читал Библию и не знал о том, что злость и зависть являются смертными грехами. После того как он краем глаза увидел, какая может быть жизнь за пределами Спас-Клепиков и той всеми забытой части где-то в бескрайних степях Украины, его природный пофигизм начал оставлять его.

Взяв бутылку «Пепси-колы» из сумки, доставленной всесильным дедом, в назначенный час Витёк с Андреем подошли к штабу. В субботний вечер звонить пришло почти пол-лагеря, но за бутылку «Пепси» и благодаря знакомствам Витька Андрей Михайлович попал в специальную быстро идущую очередь. После обзвона заранее отобранных перспективных кандидатур Андрея постигло жестокое разочарование: все они либо уехали из города, либо, сославшись на различные причины, отказались приехать завтра. Разочарование генеральского внука пределов не имело. Сексуально безбрежные воскресные горизонты были сужены, а лучше сказать, полностью исчезли.

– Короче, полный облом, – сказал Андрей, выходя из дверей штаба.

– Чего так? – пытаюсь изобразить сострадание на лице, задал вопрос Чёрный. Внутри младшего сержанта всё ликовало: всё-таки не всё коту масленица, и у мажорных детишек бывают трудности в жизни.

– Да все тёлки обломались приехать, так что пошли с горя моё шампанское выпьем.

– А может, шампанское на завтра оставим? Ко мне Светка приедет, с ней на троих и выпьем.

– Не понял, какая Светка? Подруга из твоей де... э-э-э...

Андрей совершенно не помнил название населённого пункта, в котором родился и жил до призыва в вооружённые силы Виктор Петрович, но ему очень не хотелось повторения драки из-за какого-то населённого пункта, которого даже нет на карте мира. Витёк уловил смятение мажора и решил немного подыграть:

– Ну да, из моей деревни, доярка такая, знаешь, грудастая, с бидоном молока приедет, с творогом, с маслом коровьим, вот под то молоко с творогом твоё шампанское и оприходуем.

– Шампанское под молоко – зашибись. Сам бы точно не стал пить, но ради тебя готов попробовать. А если честно, что за феминка к тебе едет?

Витёк абсолютно честно, без всякой задней мысли рассказал новому другу про семью Селицких и про то, как в ту ночь после их драки пошёл в штаб звонить дяде Юре, но получилось поговорить только со Светкой.

– А подруга у неё есть? – задал нестареющий мужской вопрос Андрей.

– Не знаю.

– Позвони, попроси, чтобы подругу с собой взяла.

Подобная просьба вызвала у Витьки приступ смущения. Он промычал что-то невнятное, но Андрей Михайлович не сдавался:

– Ну хочешь, я сам ей позвоню и раскручу на подругу?

После долгих препираний и споров Андрей всё-таки получил от полностью сконфуженного младшего сержанта заветный номер телефона и скрылся в штабе. Дозвонившись до Светки, генеральский внук правдиво представился другом Чернова, сказал, что Витёк хотел позвонить сам, но не смог, так как якобы стоит в наряде. И звонит Андрей лишь потому, что младший сержант уполномочил его передать, что приезжать в лагерь лучше после двенадцати дня и, чтобы его вызвать, надо обратиться к дежурному по КПП. Андрей Михайлович легко отпустил несколько комплиментов по поводу приятного голоса собеседницы, добавив, что если бы не дружба с товарищем младшим сержантом, которого он уважает не только за погоны с лычками, но и за душевную чуткость и отзывчивость, то он обязательно хотел бы поближе познакомиться с обладательницей сего голоса. Ну а раз это невозможно, то, возможно, у Светы есть подруга с не менее приятным голосом, которая может завтра составить ей компанию в дороге, а также подарить Андрею несколько часов приятного общения на лоне природы. Светка, как порядочная десятиклассница, не давая никаких надежд на положительный результат, тем не менее обещала посодействовать.

Десятиместные лагерные палатки, как и многие другие незаметные, но жизненно важные атрибуты Вооружённых сил Советского Союза отслужили свой век и ушли в забвение. Мы все хорошо знаем автомат Калашникова, пистолеты Стечкина и Макарова, многие даже знают об авианесущих крейсерах, танках Т-56, Т-80 и других видах оружия, боевой техники и вооружения, созданных и изготовленных на секретных заводах Советского Союза. Но мало кто может что-то вспомнить о происхождении, принятии на вооружение, а также тактико-технических характеристиках брезентовой лагерной палатки на десять человек. Между тем в этих палатках проводили месяцы, а может быть, и годы полевых выходов, учений и боевых стрельб огромное количество солдат, курсантов и офицеров, которым довелось служить с конца сороковых по середину девяностых. Тот, кто хоть раз спал в этих палатках на земле или на настиле вместе с десятью-пятнадцатью такими же, как он сам, мучениками – никогда не забудет смрада и вони, которые могут испускать мужские тела в закрытом пространстве. Летом в таких палатках всегда было нестерпимо жарко, заснуть было невозможно из-за комаров и другой лесной, таёжной или степной нечисти. Осенью и зимой согреться и забыться тяжёлым сном можно было, только прижавшись друг к другу и наполнив воздух миазмами человеческого организма.

Эти палатки постоянно протекали во время дождя, ветер продувал их насквозь. Неизвестно, почему и как это творение вредительской инженерной мысли было принято на вооружение и кто тот злой гений, который заставил мучиться поколения и поколения советских военнослужащих. Наши солдаты пережили многое, пережили и те палатки. Наверное, в том и состоит величие русского солдата, что он может преодолеть не только трудности, которые ему создают враги на поле брани, но и те тяготы и невзгоды, которые создаются для него соотечественниками. Есть и ещё одно предположение, согласно которому эту палатку создали специально для укрепления стойкости боевого духа советских военнослужащих. Если это так – то цель достигнута на сто процентов. Тот, кто прошёл школу выживания в этой палатке, никогда не испугается ни жары африканских пустынь, ни антарктических морозов, ни кислородного голодания в горах Тибета, ни тропических лесов Юго-Восточной Азии с их дождями, ползучими гадами и насекомыми. Почему наши учёные мужи, создавая лучшее в мире оружие, никогда не задумывались о том, в каком состоянии должен быть солдат, чтобы успешно и с наибольшей продуктивностью использовать вверенный ему АК, СВД, РПГ, ПТУР или боевую машину? Как солдат, измученный ночью, проведённой в том злосчастном брезентовом балагане, наутро пойдёт в атаку со всеми вышеупомянутыми шедеврами военно-инженерной мысли? Нет, он, конечно, пойдёт в атаку и наверняка победит противника, но для чего нужны эти муки, если можно просто взять на вооружение нормальную лагерную палатку? Наверное, мы ещё долго будем использовать принципы советских командиров времён Второй мировой войны: жалеть и беречь надо технику и вооружение. Солдата не жалей – бабы ещё нарожают.

Вот в эти самые палатки, каждый в свою, и поплелись спать приятели после многообещающих телефонных переговоров.

Лагерный сбор встретил воскресное утро, как положено по уставу, командой «подъём». Потом было умывание, уборка территории, завтрак, ну и как полагается – свободное время. Увольнений, к сожалению, в учебном центре не было. Дождавшись полудня, Виктор Петрович и Андрей Михайлович двинули на КПП. Там уже было полно абитуриентов и их родителей. Немного подождав, они встретили там приехавших юных дам и, по заранее обдуманному плану, пригласили их пройти на тактический городок, который находился за спортивной площадкой.

Светлана сумела уговорить подругу Лену составить ей компанию в путешествии. Как выяснилось во время дружеской беседы, Лена училась со Светой в одном классе. Но по всему было видно, что подруга к своим годам весьма поднаторела в делах сердечных. По сравнению со Светкой она вела себя раскрепощённо, чувствовалось, что мужская компания ей привычна. Кроме того, девчонки притащили с собой съестные припасы. Зная наверняка, что до ужина, а возможно и до вечерней поверки, ребят не хватятся, компания расположилась в высокой траве между тактическим городком и забором учебного центра. После распития шампанского Андрей с Леной решили прогуляться вдоль забора. Виктор Петрович остался наедине со Светланой. Разговор не клеился.

– Как добрались? – прервал молчание младший сержант.

– Нормально, не считая того, что встали в воскресенье ни свет ни заря и попёрлись с сумками на край света. Сорок минут электрички в стоячем положении тоже радости не добавили.

– Могли бы не ехать, раз так всё трудно.

– Да нет, Вить, всё нормально, я сама на приключения напросилась. В городе правда скучно и делать нечего. Жаль, что у вас тут никакого водоёма нет, а то я купальник взяла – думала, раз у вас природа, то и искупаться есть где.

Витёк, никогда до этого не бывавший за территорией учебного центра, стал спешно вспоминать рассказы сослуживцев о водоёмах за забором лагеря. Ему вспомнился эпизод с отчислением группы гражданских абитуриентов, ушедших в самоход и добравшихся до территории

Звёздного Городка⁵⁶, находившегося неподалёку от учебного центра. Всё бы ничего, но эти парни зашли в местное кафе и потребовали пива в утренний час. Вызванная директором кафе, ошалевшим от подобной наглости непонятно откуда взявшихся подростков, охрана, состоявшая из сотрудников КГБ, заgrimированных под обычных милиционеров, препроводила любителей советского прохладительного алкогольного напитка к начальнику лагерного сбора ВКИМО. Решение было принято практически моментально. Несмотря на уговоры высокопоставленных родителей и отличные оценки, полученные на экзаменах, ребят следующим утром прилюдно, перед всеми построеными на плацу ротами абитуриентов заставили взять вещи и покинуть территорию лагеря.

Виктор Петрович также вспомнил рассказы своих друзей по роте о том, что там, за забором, со стороны палаточного городка, есть пруд, на котором отдыхает свердловская молодёжь. Рассказы эти не добавляли энтузиазма относительно посещения местного водоёма, так как всегда заканчивались выражениями типа: «Они совсем оборзели, за это и получили». Хотя, как правило, рассказывающие и сами были не в лучшем физическом состоянии, о чём свидетельствовали синяки и ссадины на различных участках их тел. В принципе, потасовка с местными не пугала Витьку, жизнь в Спас-Клепиках изобиловала различными эксцессами, заканчивавшимися мордобоем. Беспокоила младшего сержанта возможность, во-первых, нарваться на патруль, который после случая в Звёздном Городке регулярно выходил на охоту за самоходчиками, и, во-вторых, получить различного вида гематомы и ссадины на лице после разборок с местными. Подобные боевые трофеи никоим образом не способствовали бы укреплению его репутации и не добавили бы преференций завтра на мандатной комиссии. Но ударить в грязь лицом перед молодой особой противоположного пола Витёк не мог. Да и чего теперь терять, если всё равно не судьба?

– Искupаться есть где, только как быть с Андрюхой и Леной?

– За них не беспокойся, у Ленки всегда всё в порядке. Мы с ней договорились: если разминёмся по каким-то причинам, то встречаемся на вашем КПП в 18:00.

Светлана хитро улыбалась.

– Ну тогда можно идти, только вот ещё одна проблема.

– Вить, не волнуйся, я Сашкины плавки взяла. На, иди в кусты, переодейся.

Виктор Петрович был восхищён и поражён предусмотрительностью этого создания. В отличие от всех знакомых девчонок, Светка не жеманничала, не рисовалась, не пыталась казаться старше и опытнее своих лет. Она вела себя естественно, словно знала младшего сержанта много лет.

– Ты и плавки взяла? – оторопело выдавил из себя Витёк.

– Я и плавки взяла, и поесть привезла, а сейчас я купаться хочу, пошли быстрее, – передразнила его Светка и пояснила: – Андрей, когда вчера звонил, сказал, что позагорать хочет, попросил плавки привезти. Но, видимо, сегодня ему не до загара.

Светлана опять хитровато улыbnулась. Витёк быстро сбегал в кусты и переоделся. Мысль о том, что плавки достались ему, а не московскому пижону, согрела душу. Надевать форму на плавки он не стал. В жаркий день за забором, в плавках и с девушкой он вполне мог сойти за местного дачника, благо волосы уже достаточно отрасли. Предстояло только решить вопрос с ботинками. К счастью, они вместе с рубашкой, брюками и остатками еды уместились в огромную Светкину спортивную сумку с эмблемой спортивного общества «Динамо». Свету немного насторожило нежелательное соседство вонючей военной формы и еды. Виктор Петрович сумел убедить свою спутницу, что в случае, если амбре от формы, ботинок и носков распространится на съестные припасы, он самолично обязуется всё съесть. Это предложение выглядело, в понимании периферийного пацана, достаточно галантным, несмотря на то что в подобном случае

⁵⁶ Имеется в виду подмосковный центр подготовки космонавтов.

девушка останется голодной. «Есть или не есть» – в деревне, и уж тем более в армии – дело добровольное.

Дорога на пруд была недолгой. Там они сразу пошли к мостику, рядом с которым на траве лежало несколько загорающих. Витёк, рассмотрев их лица, с удовлетворением отметил, что все они были с абитуры и пришли на лежбище со своими подругами. Если начнётся потасовка с местными, то Витёк уже не один. Пока Чёрный разглядывал отдыхающих и искал место, где пристроиться на траве, Светка скинула с себя сарафан, разбежалась на мостике и порхнула в водоём. Проплыв под водой почти весь пруд, она вынырнула и профессиональным кролем поплыла обратно к мостику, на который выпрыгнула из воды, как дельфин на бортик бассейна.

– Ты где так плавать научилась? – оторопев, спросил Витёк, подавая своей даме полотенце.

Света улыбнулся в ответ.

– Где-где, какая разница где, научилась, и всё тут.

– Ну а всё-таки, отец научил?

– Не, отцу на плавание наплевать, его любимый спорт – это смотреть хоккей по телевизору. А вот мама нас с Сашкой в бассейн отвела, ещё когда мне восемь лет было. Сашка два года позанимался и в футболисты подался, а я вот до сих пор водоплавающая.

Виктор Петрович был слегка удивлён.

– И что, ты так до сих пор просто плаваешь?

– И плаваю тоже. Вообще-то, в последний год я синхронным плаванием увлеклась, а до этого плавала, в воду прыгала, даже в водное поло играла. Вообще, я воду очень люблю.

– У тебя, поди, и разряд какой-нибудь есть? – осторожно поинтересовался Виктор.

– Я КМС⁵⁷ по прыжкам в воду, – спокойно ответила Светлана.

Витёк пригляделся к фигуре юной купальщицы и с удовлетворением заметил, что в ней и правда нет ничего лишнего. При первой встрече Светкина фигура показалась ему угловатой, детской и какой-то мальчишеской. Но сейчас он смотрел на неё совершенно другими глазами. Это была юная комсомолка, спортсменка и просто красавица. В общем, мечта любого парня эпохи развитого социализма. Чёрный не знал, как продолжить беседу, поэтому он молча поставил сумку на траву и стал выкладывать оставшуюся деликатесную пайку с запахом носков на газету. Светлана Юрьевна, в свою очередь, приняв горизонтальное положение на расстеленном полотенце, подставила своё юное тело мягким лучам подмосковного летнего солнца.

Как ни странно, северные девушки мечтают быть чёрными, а девушки в Китае, ЮВА и Африке мечтают побелеть, для чего постоянно пользуются всевозможными отбеливающими кремами. Нашим красавицам невдомёк, что загар делает их тело менее привлекательным для азиатских и африканских мужчин. И наоборот, азиатско-африканские леди никогда не позволяют себе распластаться на пляже, подставив своё и без того тёмное тело под палящие лучи тропического или субтропического солнца. Вид белокожей дамы, загорающей под солнцем, вызывает у темнокожей красавицы улыбку, а иногда и откровенные насмешки.

Но Светка была обычным московским подростком и хотела быть, как все девчонки, просто красивой. Она лежала на спине с закрытыми глазами и пыталась понять, зачем всё-таки она приехала за тридевять земель, нагруженная продуктами, к абсолютно незнакомому парню. На самом деле, у неё была неплохая альтернатива – поехать с девчонками на реку в Серебряный Бор. Там наверняка к ним привязались бы какие-нибудь парни, беседа пошла бы на уровне «кто умнее, кто круче, кто кого знает». Результатом этой беседы был бы вечерний поход в кино с обжиманиями и поцелуями. Короче, всё по известной программе. Светка не была ханжой в плане интимных отношений, но ей очень не нравились словесные соревнования и взаимные подколки с противоположным полом её возраста. Она часто бывала в компаниях вместе

⁵⁷ Кандидат в мастера спорта.

со своим братом и поэтому хорошо понимала разницу между парнями её возраста и ребятами постарше. Ребята из Сашкиной компании, в отличие от её сверстников, не пытались выглядеть старше и умнее, они разговаривали между собой о своём и зачастую не замечали Светку. С ними было интересно. Проблема заключалась в том, что ребят постарше она не интересовала как девушка, они принимали её лишь как сеструху своего кореша, которую лучше везде брать с собой, чтобы она не оставалась без присмотра.

Приехав к Чёрному, она поняла, что между ним и парнями из компании брата есть существенная разница. Она часто замечала, что Виктор как бы ощупывает её тело своим мужским взглядом и одновременно стесняется её. Светка чувствовала, что Витёк как-то зажат. Возможно, он ещё и стеснялся своей провинциальности. С другой стороны, это давало Светке шанс чувствовать себя увереннее в его обществе. Юной комсомолке нравился простой периферийный парень, который не пытается блистать остроумием, не стесняется задавать глупые вопросы и класть давно не стиранную форму в её спортивную сумку. С ним было спокойно и комфортно. Юная леди решила, что всё-таки поездка была не напрасной и, возможно, она даст ещё один шанс новому знакомому встретиться с ней. Единственное, о чём не подозревала юная чаровница – так это о том, что мужчине любого возраста ни в коем случае нельзя давать понять, что женщина может быть круче и успешнее его. Не надо было Светлане Юрьевне рассказывать Витьку о своих спортивных достижениях.

В СССР ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК ВЫБИРАЕТ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО, А НЕ НАОБОРОТ!

В понедельник утром в учебном центре ВКИМО начала работу мандатная комиссия. Ей предстояло определить дальнейшую судьбу абитуриентов, успешно сдавших вступительные экзамены, распределить их по факультетам, группам и языкам. Тем, кто не выдержал вступительных испытаний, но не получил двоек, предстояло также предстать перед комиссией для получения официального уведомления об отказе в приёме на курс обучения. Мандатная комиссия расположилась в здании лагерной столовой. Возглавлял её, как и полагалось, начальник военного института генерал-полковник Танкиев Михаил Тимофеевич. Курсанты – старшины рот привели свои подразделения к столовой в назначенное время. В помещение абитуриенты заходили по одному и представляли пред ясны очи судьбоносных мужей – членов мандатной комиссии. После того как комиссия определяла, будет ли данный индивид учиться во ВКИМО и какой язык ему достанется, индивид покидал здание столовой и самостоятельно возвращался в палаточный городок. Там новоиспечённых курсантов уже ожидали начальники курсов. Тем, кто не смог пройти вступительные испытания, предлагалось пройти в штаб лагеря для получения документов.

Полковник Лесков пребывал в отличном настроении. На целых две недели ему удалось вырваться из пыльной и душной летней Москвы. Он сидел за деревянным столом на свежем воздухе возле бывшей каптёрки бывшей «западной» роты гражданской молодёжи и вместе с прапорщиком Макаровым ожидал прибытия только что набранных курсантов – слушателей ускоренного курса.

В отличие от западного и восточного факультетов, курсантам-ускорникам после поступления отводилось лишь две недели на лагеря, после чего их в спешном порядке отправляли на Волочаевскую, 3/4 для интенсивных занятий языком. Всего за один год из бывших школьников, кадетов и солдат строчной службы предстояло сделать полевых переводчиков, готовых к выполнению служебных обязанностей за рубежами нашей Родины на фронтах холодной войны.

За те две недели, отведённые на лагерный сбор ускоренного курса, необходимо было обучить гражданскую молодёжь строевым приёмам для принятия присяги. Кроме того, всем ускорникам надо было пройти краткий курс тактики, БТВ, инженерной и огневой подготовки. Работы предстояло много, но Лесков любил свою работу и всегда был рад знакомству с новым личным составом. Он сидел за столом, рассматривая уже готовый список своего курса. Последние изменения в этом списке были сделаны начальником западного факультета сегодня утром. В кхмерскую группу одиннадцатым слушателем был дописан курсант Маркин. На справедливый вопрос начальника курса: «А зачем мне ещё Маркин?» – начальник факультета ответил:

– Не забываетесь, товарищ полковник. Маркин – такой же курсант из числа гражданской молодёжи, как и все остальные на вашем курсе. Вам всё ясно?

– Так точно, товарищ генерал-майор.

Юрий Владимирович прекрасно знал, кто такой Маркин. Он лишь хотел уточнить, что это именно тот самый внук великого Сёмина. Генерал подтвердил его опасения.

– Товарищ старший прапорщик, как у нас дела с обмундированием и всем остальным довольствием?

– Всё в порядке, товарищ полковник, сейчас с первыми курсантами пойдём на склад и всё получим.

– Саш, а ты уверен, что мы успеем получить всё по размерам и так далее?

– Юрий Владимирович, я, конечно, уверен, но аттестатов по размерам у меня нет, так что сами понимаете, что единственная гарантия – это моё личное знакомство с начальником склада.

– Понял, давай так: ты сейчас дуй на склад к своему знакомому и раскладывай там всё что нужно по размерам. Всех вновь прибывших буду записывать, распределять по палаткам и отправлять к тебе. А ты уж там рули, всё получай как положено. Хотя нет, я себе одного писаря оставляю и сержанта какого-нибудь, а то не дело целому полковнику молодёжью рулить. Да, сразу приглядывай себе каптёра.

– Есть приглядывать каптёра! А можно двух каптёров, чтобы они, если что, потом в увольнение в разные дни ходили?

Александр Иванович Макаров был и мудрым прапором, и службу свою он знал от и до. Никто толком не помнил, как, когда и откуда он попал служить в военный институт и сколько ему лет. Но он был единственным старшим прапорщиком одного заведения, который носил десантные парашютики в петлицах и фуражку с голубым околышем. Всем остальным прапорщикам и офицерам предписывалось носить общевойсковую форму, вне зависимости от того, из каких родов войск и видов вооружённых сил они попали в Лефортово. Александр Иванович любил и был не дурак выпить, но всегда знал меру и никогда не залетал. Его курсы были всегда одеты по размеру, и несмотря на тотальный дефицит эпохи развитого социализма, портянки курсанты получали каждую неделю не стиранные, а новые. Курсанты тоже платили своему старшине взаимностью и всегда везли ему из заграничных командировок сувениры и подарки. В общем, Макарыч был строгим, но справедливым, на хорошем счету у командования и отцом родным для курсантов. Он был обычным профессиональным военным, если только такой термин был применим в отношении советского прапорщика начала восьмидесятых.

– Макарыч, всё, давай, я тебя понял.

Александр Иванович хитро улыбнулся и направился к складу. Сильно поредевший после вступительных экзаменов строй военнослужащих стоял перед столовой. Очкастый сержант – учащийся третьего курса восточного факультета – монотонно зачитывал очередность прохождения мандатной комиссии. Строй внимал каждому слову, а точнее, каждой названной фамилии. После Чакина и Черепанова Виктор Петрович услышал свою фамилию. Это означало, что его допустили до мандатной комиссии, тревоги и волнения начали отступать. А может, тот полковник специально сделал так, чтобы Витьку целый генерал-полковник, начальник мандатной комиссии объявил о том, что младший сержант Чернов не принят во ВКИМО? Может, рано радоваться?

Первые кандидаты в курсанты уже зашли в здание столовой, строй разбрёлся сам по себе. Витёк присоединился к группе солдат и сержантов, окруживших сержанта, который зачитывал список.

– Товарищ сержант, а вы, случайно, не знаете, на какие языки нас тут расписали? – прозвучал вопрос от какого-то танкиста из толпы, окружившей сержанта.

– Во-первых, у нас в институте по званию к сержантам только абитуриенты и первокурсники обращаются. Меня, кстати, Костей зовут. Во-вторых, ты сначала сигареткой, что ли, угости, а уж потом вопросы задавай.

Из толпы к сержанту потянулись руки с пачками «Явы» и «Космоса». Кто-то даже раскупорил пачку «Мальборо» специально по этому случаю.

– Благодарю за угощение, – взяв сигарету, промолвил очкастый сержант и продолжил: – В-третьих, как я могу знать все ваши языки? Списки я не составлял, но вчера в штабе довелось просмотреть документы, подготовленные для мандатной комиссии. Как твоя фамилия, танкист?

– Явон.

– Точно не помню, но вроде тебя к нам на «восток» определили.

– А моя фамилия не попадалась? Зацепин я.

– Сказал же, всех не помню, но Зацепин не на «востоке», это точно. Может, на ускоре.

С этого момента спокойные посиделки закончились. К сержанту подвалили почти все из «восточной» роты с одним и тем же вопросом.

– Кость, а есть кто вообще ни в какие списки не попал? – дождался своей очереди и задал вопрос Чёрный.

– В нашей роте вроде нет, на «западе» видел кого-то. Но им, по идее, должны юридический или спецуру⁵⁸ предложить.

Витька ещё более успокоил столь неподготовленный, но уверенный ответ сержанта Костика. На самом деле, это была практически правда. Несмотря на большой начальный конкурс, после окончания вступительных испытаний конкурс на одно место был минимальный. Выжили только сильнейшие. В СССР кадры решали всё, и потому сильнейшими ребятами с хорошими, пусть и не идеальными результатами нельзя было пренебречь.

– А куда Чернова записали, не помнишь? – задал последний вопрос Витёк.

– Чёрный, не волнуйся, тебя промазали дальше некуда, завтра уже в командировку за границу отправляют, – приколотся пограниц, друг Витька по палатке.

Все засмеялись. Костик пожал плечами и ответил:

– Не помню, но лысый майор с кафедры первого английского про тебя у нас, у курсантов, интересовался. Спрашивал, типа вдумчивый ли ты, серьёзный.

– Чёрный у нас точно вдумчивый. Как задумается ночью в палатке – так такие трели его задница издаёт, что кто хочешь проснётся, – завистливо пробурчал моряк, который тоже жил с Виктором Петровичем в одной палатке.

– У меня хоть трели, а твои торпедные газовые атаки всех достали. Их хоть и не слышно, зато от вони хоть на улице спи, – легко парировал Витёк укол моремана.

– Точно, Вась. Не дай бог нам с тобой и дальше в одной палатке спать придётся. Серьёзно, будешь спать на улице, или в ОЗК⁵⁹ завернём, чтобы наружу ничего не выходило, – навалился на Ваську-моряка пограниц.

Тему про ночные газовые атаки стали развивать далее. Все ржали, и уже никто не помнил, с чего начался разговор про непристойности. Виктор Петрович хоть и смеялся вместе со всеми, но уже не участвовал в разговоре. Чувство неуверенности и обречённости не позволяло чувствовать себя спокойно. А между тем из столовой вышел первый отстрелявшийся.

– Следующий! – на выдохе, с чувством облегчения сказал действительный курсант первого курса.

– Ну как? – спросил кто-то из толпы.

– Порядок. Буду на «востоке» учиться. Китайский! – с гордостью и детской улыбкой на лице заявил первый отстрелявшийся.

– «Восток» у нас идёт к полковнику Орлюку. Всё, вперёд в расположение, – без эмоций, посмотрев на свои записи, сказал очкастый сержант и повернулся к собравшимся.

– Повезло чуваку, в Китай поедет, – в очередной раз раздался чей-то голос из толпы.

– Это уж точно, повезло как утопленнику, – саркастически заметил сержант Костик.

– А что, разве плохо в Китай поехать?

– В Китай поехать совсем не плохо, просто замечательно. Только кто его туда пустит? У нас на сегодняшний день никаких экономических, а уж тем более военных связей с Пекином нет. С политическими отношениями тоже не всё гладко, хоть они себя коммунистами считают. Между нашими странами вообще всё не так просто. Туда только посольские ездят⁶⁰.

⁵⁸ Факультет спецпропаганды.

⁵⁹ Общевоинской защитный комплект.

⁶⁰ Таково было действительное состояние отношений с КНР в начале восьмидесятых годов двадцатого века.

– Ну вот он в посольство работать и поедет.

– Ага, точно, там ведь своих переводчиков китайского не хватает. Зачем тогда МГИМО⁶¹ и ИСАА⁶² каждый год китайские группы выпускают? Им-то где работать, если военные переводчики все места займут? Не, мужики, не завидуйте тому парню. Китайский вообще безмазовый. В этом году с нашего факультета выпустилось почти сорок человек. Ни один в Китай не уехал.

Костик посмотрел на внимающую толпу с чувством всезнающего лефортовского профи, который был в состоянии рассуждать о зарубежных военных, государственных и экономических связях Советского Союза, как ведущий программы «Международная панорама». Хотя очки и мешковатая форма ведущего «Международной панорамы» несколько смазывали впечатление от его презентации, толпа слушала внимательно.

– А куда же их распределили, если в Китай никто не поехал? – задал вопрос Васька-моряк.

– Куда-куда... Всё как обычно. Сержантов, отличников и стукачей КГБ и ГРУ поделили. Многие на бортперевод⁶³ со вторым английским попали. Ну а всех остальных, а их большинство – в ОСНАЗ, на границу, в укрепрайоны, в Монголию, ЗабВО⁶⁴ и ДальВО⁶⁵. Так что сами судите, насколько повезло парню.

– Ну в органы и в разведку кто попал – наверняка не в накладе, – продолжал дискуссию мореман Василий.

– В общем, да, но там без мазы тоже не очень. Можно сесть в каком-нибудь закрытом бюро переводов и просидеть до пенсии, переводя всякую периодику. Впрочем, по сравнению с укрепрайонами на китайской границе бюро переводов или аналитический отдел – это просто сказочные места. Но большинство людей к нам учиться идут не для того, чтобы потом книжными червями в закрытых учреждениях гнить. Хотя на вкус и цвет товарищей нет.

– А на бортперевод как вообще? – задал вопрос веснушчатый старшина-дембель в мазутной форме⁶⁶.

– Бортперевод – тема новая. В прошлом году четвёртый курс «востока» со вторым английским отправили. Ребята говорят, что дело интересное и вроде как даже денежное, только не всё так просто.

– А в чём, собственно, проблемы?

– Ну основная проблема в том, что в тех странах, куда они летают, наши самолёты и вертолёты не все любят, а потому, бывает, и стреляют по ним, и сбивают. Один наш курсант недавно из Эфиопии в цинке приехал. Да и работа не такая уж лёгкая – папуасы не все нормальный английский понимают, и наши не очень в папуасский английский врубаются. Так что кто-нибудь кого-нибудь не поймёт – вот борт и разобьётся. Некоторые в дальнюю авиацию попадают. А там вообще люди без посадок по несколько суток в воздухе на боевом дежурстве – ни поспать, ни поесть. Платят там рублями. Правда, не обижают. Ракетноосцы за границей не садятся, потому валюту экипажу на руки не дают. Ладно, мужики, не заморачивайтесь, вы сейчас на мандатку идёте, а не на выпуск. Вам вообще должно быть без разницы, какой язык дадут, сегодня главное – поступить. Язык карьере не помеха – запомните это золотое правило военного переводчика.

Витёк вместе со всеми внимательно слушал рассказ Костики. Впрочем, таких рассказов, правдивых и не очень, он наслушался достаточно за время нахождения в учебном центре.

⁶¹ Московский государственный институт международных отношений.

⁶² Институт стран Азии и Африки.

⁶³ В каждом экипаже военно-транспортной и дальней авиации, вылетающем за рубеж, предполагалось наличие переводчика для осуществления переговоров между бортом и наземными службами за пределами СССР.

⁶⁴ Забайкальский военный округ.

⁶⁵ Дальневосточный военный округ.

⁶⁶ Имеется в виду форма с чёрными петлицами и погонами.

В принципе, очкастому сержанту можно было верить. Он здесь учился и жил. Что-то незримое, практически незаметное, отделяло Костика от миллионов ребят его возраста, никогда не бывавших в стенах этого заведения. Витёк слушал курсантские байки от Костика, и им вновь овладела тревога. А зачем ему всё это нужно? Изначально хотелось лишь закосить от армии на год. Но теперь – вот он, финиш. Победа, возможно, ждёт его за дверью столовой. Виктора Петровича уже не страшила перспектива с позором вернуться в часть и быть переведённым в черпаки ещё раз двенадцатью ударами пряжкой ремня по заднице. Витёк боялся, что эта мандатная комиссия назначит его человеком второго сорта, не заслуживающим шанса встать на одну ступень с Маркиным и другими такими же, как он.

А между тем очередь продвигалась достаточно быстро. Вот уже Лёха Черепанов направился поближе к двери столовой. Витёк обречённо последовал за ним. Он плохо понимал, что происходит вокруг – оцепенение сковало его разум и замедлило реакцию, руки немного тряслись. Что делать, если откажут? Просить, угрожать или просто молча уйти с видом «не очень-то и хотелось»? В мозгах у младшего сержанта была полная каша. Случись ему заговорить – речь была бы крайне несвязная, голос наверняка выдал бы его волнение.

Говорят, что разведчики прекрасно умеют владеть собой в различных ситуациях. На самом деле это не так. Просто по роду занятий и в силу особенностей службы им часто приходится волноваться. А от этого увеличивается количество различных ферментов в крови, поднимается давление, учащается пульс и так далее. Всё это выступает наружу и создаёт внешние признаки нервозности, такие как дрожь в конечностях, сбивчивая речь, потливость. Как скрыть от заокеанского врага-капиталиста, а чаще всего – от своего начальника, все эти внешние признаки волнения?

Организм любого человека, и разведчика в том числе – это саморегулирующаяся система, и помимо безусловных рефлексов, в стрессовых ситуациях он создаёт систему защиты посредством приобретённых условных рефлексов, купирующих не только внешние проявления, но и внутренние причины стрессового состояния.

У среднестатистического человека эти механизмы не развиты, так как он относительно редко имеет шанс переживать и преодолевать стресс и сильное волнение. Чем больше стрессовых ситуаций человек испытал в жизни, тем совершеннее его механизм защиты и самоконтроля и тем ярче выражен условный рефлекс блокировки. Принцип простой: чтобы бегать – надо бегать, чтобы чувствовать себя спокойно при стрессе – нужно пережить как можно больше стрессовых ситуаций. Но такие эксперименты над организмом небезопасны. Никто на сегодняшний день не ведёт статистику, сколько профессиональных разведчиков умерло от инфарктов, сколько – от инсультов, сколько попало на принудительное лечение в неврологические диспансеры, а сколько просто спилось.

Когда Лёха Черепанов зашёл в столовую, Витьку вспомнилось, как он стоял перед дедами в каптёрке в трусах и сапогах. Тогда у него внутри всё дрожало. Он не знал, в каком состоянии выйдет из той каптёрки. А что здесь? Несколько старых военных будут задавать ему умные вопросы? Но они даже фанеру ему не пробьют, если что не понравится. Им его ударить устав и звёзды на погонах не позволят. Максимальное зло, на которое они способны – это отправить Витьку обратно в часть. Ну и что? Ведь Виктор Петрович замечательно провёл почти три месяца вне части. Он побывал дома, в Москве, вкусно ел, сладко спал и даже купался в пруду с девушкой. Ни один из этих стариков не сможет отобрать у него, как сержант Теракопов, три рубля, зашитые в трусы. Да и вообще чушь всё это. Тоже мне придумали – мандатная комиссия в столовой... Интересно, а как тогда называется полуночное сборище дедов в каптёрке, решающих судьбу духа? Последняя мысль развеселила младшего сержанта. На лице засияла улыбка. Сам того не подозревая, Витёк впервые искусственно активировал условный рефлекс защиты от стресса. Волнение ушло, настроение улучшилось, мышцы расслабились.

– Следующий! – с нескрываемой радостью на лице крикнул Череп, выходя из двери столовой.

Витёк спокойно открыл дверь, строевым шагом подошёл к столам, накрытым зелёным сукном, остановился от них за два шага, приложил правую руку к виску на уровне фуражки и чётким уставным голосом доложил начальнику комиссии:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.